

Лев Николаевич

Толстой

Три дня в деревне

(1910 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 38-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 38-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются

в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. Толстой

1909 г.

ТРИ ДНЯ В ДЕРЕВНЕ.

Первый день.

БРОДЯЧИЕ ЛЮДИ.

В наше время по деревням завелось нечто совершенно новое, невиданное и неслыханное прежде. Каждый день в нашу деревню, состоящую из 80 дворов, приходят на ночлег от 6 до 12 холодных, голодных, оборванных прохожих.

Такие люди, оборванные, почти раздетые, разутые, часто больные, до последней степени грязные, приходят в деревню и идут к десятскому. Десятский же для того, чтобы эти люди не умерли на улице от холода и голода, разводит их по местным жителям, считая жителями только крестьян. Десятский не ведет их к помещику, у которого, кроме своих

десяти комнат в доме, есть еще десятки помещений и в конторе, и в кучерской, и в прачешной, и в белой, и в черной людской, и в других заведениях; ни к священнику или дьякону, торговцу, у которых хоть и небольшие дома, но все-таки есть некоторый простор, а к тому крестьянину, у которого вся семья: жена, снохи, девки, большие и малые ребята, все в одной 7-ми, 8-ми, 10-тиаршинной горнице. И хозяин принимает этого голодного, холодного, вонючего, оборванного, грязного человека и дает ему не только ночлег, но и кормит его.

– Сам за стол сядешь, – говорил мне старик хозяин, – нельзя и его не позвать. А то и в душу не пойдет, и покормишь и чайком попоишь.

Таковы ночные постояльцы; но среди дня зайдут в каждый крестьянский дом не два, не три таких посетителя, а десять и больше. И то же: «нельзя же»....

И всякому баба, несмотря на то, что хлеба далеко не достает до новины, отрежет ломоть, смотря по человеку, потолще или потоньше.

– Коли всем подавать и на день ковриги не хватит, – говорили мне хозяйки. – Другой раз согресишь и откажешь.

И так это происходит каждый день по всей России. Огромная, с каждым годом все увеличивающаяся, армия нищих, калек, административно ссыльных, беспомощных стариков и, главное, безработных рабочих, – живет, помещается, т. е. укрывается от холода и непогоды, и кормится прямо непосредственно помощью самого тяжело трудящегося и самого бедного сословия – деревенского крестьянства.

У нас есть работные, воспитательные дома, есть приказы общественного призрения, есть всякого рода благотворительные учреждения по городам. И во всех этих учреждениях, в зданиях с электрическими освещениями, паркетными полами, чистой прислугой и разными, с хорошим жалованьем, служащими, призываются тысячи всякого рода беспомощных людей. Но как ни много таких людей, все это только капля в море того огромного населения (цифра эта неизвестна, но должна быть огромна), которое теперь, нищенствуя, бродит по России и призывается и кормится без всяких учреждений одним крестьянским деревенским народом, только своим христианским чувством побуждаемым к несению этой огромной и тяжелой повинности.

Только подумать о том, что заговорили бы живущие некрестьянскую жизнью люди, если бы в каждую спальню к ним ставили на ночь, хоть раз в неделю, одного такого измученного, изголодавшегося, грязного, вшивого прохожего. Крестьяне же не только помещают их, таких прохожих, но и кормят их и чаем поят, оттого, что «в душу самому не пойдет, если не посадить с собой за стол». (В глухих местах Саратовской, Тамбовской и других губерний крестьяне не дожидаются того, чтобы десятский привел такого прохожего, а сами всегда без отказа принимают и кормят таких людей.)

И как все истинно добрые дела, крестьяне не переставая делают это, не замечая того, что это доброе дело. А между тем дело это, кроме того, что есть доброе дело, «для души», есть дело и огромной

важности для всего русского общества. Важность этого дела для всего русского общества состоит в том, что если бы не было этого крестьянского народа и не было бы в нем того христианского чувства, которое так сильно живет в нем, трудно представить себе, что бы было не только с этими сотнями тысяч несчастных бездомных, бродящих людей, но и со всеми достаточными, в особенности, богатыми, деревенскими жителями, живущими оседлой жизнью.

Надо только видеть ту степень лишения и страдания, до которой дошли или доведены эти бездомные, бродящие люди, и вдуматься в то душевное состояние, в котором они не могут не находиться, для того, чтобы понять, что только эта помощь, оказываемая им крестьянами, удерживает их от вполне естественных в их положении насилий над теми людьми, которые владеют в излишке всем, что им, этим несчастным людям, необходимо только для поддержания своей жизни.

Так что не благотворительные общества и не правительство, с своими полицейскими и разными судебными учреждениями, ограждают нас, людей достаточных классов, от напора на нас дошедшего и большей частью доведенного до последней степени нищеты и отчаяния бродячего, голодного и холодного, бездомного люда, а ограждает так же, как и содержит и кормит нас, опять таки все та же основная сила жизни русского народа – крестьянство.

Да, не будь среди огромного населения русского крестьянства того глубокого, религиозного сознания братства всех людей, уже давно, несмотря ни на какую полицию (ее же так мало и не может быть много в деревнях), не только разнесли бы эти бездомные люди, дошедшие до последней степени отчаяния, все дома богатых, но и поубивали бы всех тех, кто стоял бы им на дороге. Так что надо не ужасаться и удивляться на то, что, как это мы слышим и читаем, ограбили, убили человека с целью ограбления, а понимать и помнить то, что если это так редко случается, то обязаны мы этим только той бескорыстной помощи, которую оказывает крестьянство этому несчастному, бродячему населению.

К нам в дом заходит ежедневно от 10 до 15 человек. Из этого числа есть настоящие нищие, такие, которые почему-либо избрали этот способ прокормления, сшили себе сумы, оделись, обулись, как могли, и пошли по миру. Есть между этими слепые, безрукие или безногие, есть, хотя изредка, дети, женщины. Но таких малая часть. Большинство же нищих теперь, это нищие – прохожие без сумы, большею частью молодые и не калеки. Все они в самом жалком виде, разутые, раздетые, исхудалые, дрожащие от холода. Спросишь: «куда идете?» Ответ почти всегда один: «искать работы», или «искал работы, да не нашел, ворочаюсь домой. Нет работы, везде прикрывают». Есть среди этих не мало и возвращающихся из ссылки.

Из этого-то большого числа нищих прохожих есть много самого различного свойства: есть люди явно пьющие, доведенные до этого своего положения вином, есть малограмотные, но есть вполне интеллигентные, есть скромные, стыдливые, есть, напротив, назойливые, требовательные.

На-днях, только проснулся, Илья Васильевич говорит мне:

– У крыльца пятеро прохожих.

– Возьмите на столе, говорю я.

Илья Васильевич берет и подает, как заведено, по 5 копеек. Проходит около часа. Я выхожу на крыльцо. Ужасно оборванный, в совершенно развалившейся обуви, маленький человек, с нездоровым лицом, подпухшими, бегающими глазами, начинает кланяться и подает свидетельство.

– Вам подали?

– Ваше сиятельство, что же я с пятаком сделаю. Ваше сиятельство, войдите в мое положение. Подает свидетельство. – Извольте посмотреть, ваше сиятельство, извольте видеть, – показывает на свою одежду. – Куда я могу, ваше сиятельство (на каждом слове «ваше сиятельство», а на лице ненависть), что мне делать, куда мне деваться?

Я говорю, что подаю всем одинаково. Он продолжает умолять, требуя, чтобы я прочел свидетельство. Я отказываю. Становится на колени. Я прошу его оставить меня.

– Что же, мне, значит, руки на себя наложить? Одно остается. Больше делать нечего. Хоть что-нибудь.

Даю 20 копеек, он уходит, очевидно, озлобленный.

И таких, т. е. особенно неотвязных, очевидно, признающих за собой право требовать своей доли у богатых, особенно много. Это все большей частью люди грамотные, часто даже начитанные и для которых не даром прошла революция. Эти люди видят в богатых, не как обыкновенные старинные нищие, людей, спасающих свою душу милостыней, а разбойников, грабителей, пьющих кровь рабочего народа; очень часто такого рода нищий сам не работает и всячески избегает работы, но во имя рабочего народа считает себя не только в праве, но обязанным ненавидеть грабителей народа, т. е. богатых, и ненавидит их всей силой своей нужды и, если просит, а не требует, то только притворяется.

Таких людей, притом же и пьющих, про которых хочется сказать, что они сами виноваты, много, но не мало среди бродячих людей и людей совершенно другого склада, кротких, смиренных и очень жалких, и страшно подумать про положение именно этих людей.

Вот высокий, красивый человек, в одном оборванном и коротком пиджаке. Сапоги уже плохи и стоптаны, умное хорошее лицо. Снимает картуз, просит, как обыкновенно. Я подаю, он благодарит. Я спрашиваю: откуда? куда?

– Из Петербурга, домой в деревню (нашей губернии).

Спрашиваю: отчего же так, пешком?

– Длинная история, говорит он, пожимая плечами.

Я прошу рассказать. Рассказывает, очевидно, правдиво, как он «жил в Петербурге, было хорошее место конторщика, тридцать рублей». Жил очень хорошо. Ваши книги читал: «Войну и мир», «Анну Каренину», – говорит, опять улыбаясь особенно приятной улыбкой.

«И вздумали домашние, – продолжает он рассказ, – переселиться в Сибирь, в Томскую губернию». Написали ему, спрашивая, согласен ли он продать свою часть земли на старом месте. Он согласился. Домашние уехали, но оказалось, что земля им в Сибири попала дурная, они прожились там и вернулись домой. Живут теперь на квартирах в своей деревне без земли, кормятся работой. Случилось, что к тому же времени и его жизнь в Петербурге разладилась. Первое, потерял место, и не от себя, а фирма, в которой служил, разорилась, распустила служащих. «А тут, по правде сказать, сошелся с швейкой», – опять тоже улыбаясь, – «совсем замотала она меня. То помогал своим, а теперь вот каким козырем. Ну, да Бог не без милости, может и справлюсь».

Очевидно, и умный, и сильный, деловитый человек, и только ряд случайностей привел его в теперешнее положение.

Или другой: в опорках, подпоясан веревкой. Одежда вся, вся в расползшихся дырках, очевидно, не прорванная, но изношена до последней степени, лицо скуластое, приятное, умное и трезвое. Я подаю обычные 5 копеек, он благодарит. Разговорились. Он административно-ссылный, жил в Вятке. И там плохо было, а теперь уж и вовсе худо, идет в Рязань, где жил прежде. Спрашиваю: чем был?

– Газетчиком, разносил газеты.

– За что пострадал?

– За распространение нелегальной литературы.

Разговорились про революцию. Я сказал свое мнение о том, что все в нас самих, что такую огромную силу нельзя сломить силою.

– Уничтожится зло вне нас, только когда оно уничтожится в нас, – говорю я.

– Так-то так, да не скоро.

– От нас зависит.

– Я читал вашу книгу о революции.

– Это не моя, но я так же думаю.

– Хотел просить вас о ваших книгах.

– С удовольствием. Только как бы не повредить вам. Я дам самых невинных.

– Да мне что? Я уже ничего не боюсь. Для меня тюрьма лучше, чем так. Я тюрьмы не боюсь. Другой раз желаю, – грустно проговорил он.

– Как жалко, что столько сил тратится напрасно, – говорю я, – вот такие люди, как вы, как расстраиваете свою жизнь. Ну, как же вы теперь? Что намерены делать?

– Я–то? – проговорил он, взглядываясь мне в лицо.

То он весело и бойко отвечал мне, когда дело касалось прошедшего и общих вопросов, но как только дело коснулось его, и он увидел мое сочувствие, он отвернулся, закрыл рукавом глаза, и затылок его затрясся.

И сколько таких людей!

Такие люди жалки, трогательны, но и эти люди стоят у того порога, перешагнув который начинается положение отчаянности, в котором добрый человек становится готовым на всё.

«Сколь устойчивой ни казалась бы нам наша цивилизация, – говорит Генри Джордж, – а в ней развиваются уже разрушительные силы. Не в пустынях и лесах, а в городских трущобах и на больших дорогах воспитываются те варвары, которые сделают с нашей цивилизацией то же, что сделали гунны и вандалы с древней».

Да, то, что лет двадцать тому назад предсказывал Генри Джордж, совершается теперь на наших глазах везде и с особенной яркостью у нас в России, благодаря удивительному ослеплению правительства, старательно подкапывающего ту основу, на которой стоит и может стоять какое бы то ни было общественное благоустройство.

Вандалы, предсказанные Джорджем, уже вполне готовы у нас, в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как это ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких-либо сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается, благодаря таким же, как и пугачевские, деяниям нашего правительства последнего времени с его ужасами полицейских насилий, безумных ссылок, тюрем, каторги, крепостей, ежедневных казней.

Такая деятельность освобождает Стенек Разиных от последних остатков нравственных стеснений. «Уже если ученые господа так делают, то нам то и Бог велел», говорят и думают они.

Я часто получаю письма от этого разряда людей, преимущественно ссыльных. Они знают, что я что-то такое писал о том, что не надо

противиться злу насилием, и большею частью, хоть и безграмотно, но с большим жаром возражают мне, говоря, что на всё то, что делают с народом власти и богатые, можно и нужно отвечать только одним: мстить, мстить и мстить.

Удивительна слепота нашего правительства. Оно не видит, не хочет видеть того, что всё, что оно делает для того, чтобы обезоружить врагов своих, только усиливает число их и их энергию. Да, люди эти страшны: страшны и для правительства, и для людей богатых, и для всех людей, живущих среди богатых.

Но кроме чувства страха, которое возбуждают эти люди, есть еще и другое чувство, и чувство гораздо более обязательное, чем чувство страха, чувство, которое не можем мы все не испытывать по отношению людей, попавших рядом случайностей в это ужасное положение бродяжнической жизни. Чувство это – чувство стыда и сострадания.

И не столько страх, сколько это чувство стыда и сострадания должно заставить нас, людей, не находящихся в этом положении, ответить так или иначе на это новое, ужасное явление русской жизни.

Второй день.

ЖИВУЩИЕ И УМИРАЮЩИЕ.

Я сижу за работой, приходит тихо Илья Васильевич и, очевидно, не желая отрывать меня от дела, говорит, что давно дожидают прохожие и женщина.

– Возьмите, пожалуйста, и подайте.

– Женщина по какому-то делу.

Прошу подождать и продолжаю работу. Выхожу, совершенно забыв о просительнице. Из-за угла выходит молодая, длиннолицая, худая, очень бедно, холодно по погоде одетая, крестьянка.

– Что нужно, в чем дело?

– К вашей милости.

– Да об чем? В чем дело?

– К вашей милости.

– Да что?

– Не по закону отдали. Осталась одна с трюмя детьми.

- Кого, куда отдали?
- Хозяина мово в Крапивну угнали.
- Куда, зачем?
- В солдаты, значит. А не по закону, потому один кормилец. Нельзя нам без него прожить. Будьте отец родной.
- Да что он, одинокий разве?
- Один как есть.
- Так как же одинокого отдали?
- А кто их знает. Вот осталась одна с ребятами. Делай, что хошь. Одно – помирать надо. Да ребят жалко. Только и надёжа, что на вашу милость, потому не по закону, значит.

Записал деревню, имя, прозвище, говорю, что узнаю – дам знать.

– Помогните хоть сколько-нибудь. Ребята есть хотят, а верьте Богу, куска хлеба нет. Пуще всего грудной. Молока в грудях нет. Хоть бы Бог прибрал.

– Коровы разве нет? – спрашиваю.

– Какая у нас корова? Голодом все помираем.

Плачет и вся трясется в своей рваной поддевочке.

Отпускаю ее и собираюсь на обычную прогулку. Оказывается, что живущему у нас врачу есть дело к больному, в той самой деревне, из которой приходила солдатка, и в той, где волостное правление. Я присоединяюсь к врачу, и мы вместе едем.

Заезжаю в волость. Врач идет в той же деревне по своим делам.

Старшины нет, нет и писаря, один помощник писаря, молодой, умный, знакомый мне мальчик. Расспрашиваю о муже солдатки. Почему отдан одинокий. Помощник справляется и говорит, что солдаткин муж не одинокий, а что их два брата.

– Как же она говорила мне, что он одинокий?

– Врет. Они всегда так, – говорит он, улыбаясь.

Справляюсь по разным нужным мне делам в волостном правлении. Заходит врач, окончив свое посещение больного, и мы вместе едем, направляясь в ту деревню, где живет солдатка. Но еще до выезда из села, быстро выходит нам наперерез девочка лет 12-ти.

– К вам, верно, – говорю я доктору.

– Нет, як вашей милости, – обращаясь ко мне, говорит девочка.

– Что нужно?

– К вашей милости. Как мать померши, и остались мы одна сироты. Пятеро нас... Помогните как, обдумайте нужду нашу...

– Да ты откуда?

Девочка указывает дом кирпичный, довольно хороший.

– Я здешняя, вот и дом наш. Зайдите, сами увидите.

Выхожу из саней, иду к дому. Из дома выходит женщина и приглашает войти. Женщина эта тетка сирот. Вхожу. Чистая, просторная горница. Все дети на-лицо. Четверо, кроме старшей: два мальчика, одна девочка и меньшей опять мальчик двух-летний. Тетка рассказывает подробно положение семьи. Два года тому назад отца детей задавило в рудокопной шахте.хлопотали о вознаграждении, ничего не вышло. Осталась вдова с четырьмя детьми, пятого родила без него. Без мужика бились кое-как. Вдова нанимала сначала работать землю. Да без мужика всё шло хуже да хуже, сначала корову проели, а потом и лошадь, осталось две овцы. Всё жили кое-как, да вот с месяц тому назад сама заболела, померла. Осталось пять человек детей, старшей 12-ть.

– Кормись, как хочешь. Помогаю по силам, – говорит тетка, – да сила наша малая. И ума не приложу, что с детьми делать. Хоть бы померли. В приют бы куда определить детей, хоть не всех.

Старшая девочка, очевидно, все понимает, вникает в наш разговор с теткой.

– Хоть бы этого вот, Микалашку, куда пределить, а то с ним беда, никуда отойти нельзя, – говорит она, указывая на двухлетнего, бодрого мальчугана, весело смеющегося чему-то с сестренкой и, очевидно, совсем не согласного с желанием тетки.

Я обещаюсь хлопотать о помещении кого-либо из детей в приют. Девочка старшая благодарит и спрашивает, когда прийти за ответом. Глаза всех детей, даже и Миколашки, устремлены на меня, как на какое-то волшебное существо, которое всё может сделать для них.

Выйдя из дома, не доходя до саней, встречаю старика. Старик здоровается и тотчас же начинает говорить о сиротах же.

– Бяда, – говорит он, – жалость смотреть на них. И девчонка старшенькая как хлопочет. Ровно мать им. И как ей только Бог дает. Спасибо, люди не покидают, а то, как есть, голодом бы померли, сердешные. Вот уж таким и не грех помочь, – говорит он, очевидно советуя сделать это мне.

Прощаемся со стариком, с теткой, с девочкой и едем с врачом в деревню к утренней солдатке.

Спрашиваю у первого двора, где живет солдатка. Оказывается, что в этом первом дворе живет очень знакомая мне вдова, живущая милостыней, которую она умеет особенно упорно и назойливо выпрашивать. Вдова эта, как обыкновенно, тотчас начинает просить помощи. Помощь теперь ей особенно нужна для того, чтобы прокормить телка.

– А то съела она нас с старухой. Вы зайдите, посмотрите.

– А что старуха?

– Да что старуха – скрипит.

Я обещаю зайти посмотреть не столько телку, сколько старуху. Опять спрашиваю, где дом солдатки. Вдова же указывает мне избу через двор и успевает прибавить, что «бедны–то бедны, да уж очень пьет деверь ихний»...

Иду по указанию вдовы к дому через двор.

Как ни жалки по деревням дома бедных людей, такого заваливающегося дома, как дом солдатки, я давно не видал. Не только вся крыша, но и стены перекошились, так что окна кривые.

Внутренность не лучше внешности. Маленькая избушка с печкой, занимающей треть ее, вся была перекошена, черная, грязная и, к удивлению моему, полна народа. Я думал найти одну солдатку с ее детьми, но тут и золовка, молодая баба с детьми, и старуха–свекровь. Солдатка же сама только вернулась от меня и, иззябшая, греется на печке. Пока она слезает, свекровь мне рассказывает про их житье. Сыновья ее, два брата, жили спервоначала вместе. Все кормились. «Да нынче уже кто же живет вместе. Все поделены», – говорит словоохотливая свекровь. «Стали бабы ругаться, разделились братья, жисть еще хуже стала. Земля малая. Только и кормились, что заработками. Да вот Петру отдали. Куда же ей теперь с ребятами деться? Так и живет с нами. Да всех не прокормить. Что и делать, не придумаем. Сказывают, вернуть можно».

Солдатка слезает с печи и тоже продолжает просить о том, чтобы я похлопотал вернуть мужа. Я говорю, что этого нельзя, и спрашиваю, какое имущество осталось у нее после мужа. Имущества никакого нет. Землю муж, уходя, отдал брату, ее деверю, чтобы он кормил ее с детьми. Было три овцы, да две пошли на проводы мужа. Осталось, как она говорит, только рухлядишка кое–какая, да овца, да две курицы. Всего и имущества. Свекровь подтверждает ее слова.

Спрашиваю солдатку, откуда она взята. Взята она из Сергиевского.

Сергиевское богатое большое село, в 40 верстах от нас.

Спрашиваю: живы ли отец, мать и как живут.

– Живут, – говорит, – хорошо.

– Отчего бы тебе к ним не поехать?

– Я и сама думаю. Да боюсь, не примут саму четверту.

– А может и примут. Напиши им. Хочешь, я напишу?

Солдатк соглашается, я записываю имя ее родителя.

Пока я разговариваю с бабами, одна, старшенькая из детей солдатки, толстопузая девочка, подходит к ней и, дергая ее за рукав, что-то просит, кажется, просит есть. Солдатка говорит со мною и не отвечает. Девочка еще раз дергает и что-то бормочет.

– Пропasti на вас нет, – вскрикивает солдатка и с размаху ударяет девчонку по голове.

Девчонка заливается ревом.

Окончив свои дела здесь, я выхожу из избы и иду ко вдове с телкой.

Вдова уже ждет меня перед своим домом и опять просит войти взглянуть на телку. Я вхожу. В сенях точно стоит телка. Вдова просит взглянуть на нее. Я гляжу на телку и вижу, что вся жизнь вдовы так сосредоточена на телке, что она не может себе представить, чтобы мне могло быть неинтересно смотреть на телку.

Посмотрев на телку, я вхожу в дом и спрашиваю: где старуха?

– Старуха? – переспрашивает вдова, очевидно удивленная тем, что после телки меня еще может интересовать старуха. – На печи. Где же ей быть?

Я подхожу к печи и здороваюсь с старухой.

– О-ох! – отвечает мне слабый, хриплый голос. – Кто это?

Я называю себя и спрашиваю, как она живет.

– Какая моя жизнь?

– Что ж, болит что?

– Все болит. О-ох!

– Со мной доктор тут. Не позвать ли его?

– Дохтур? О-ох! Что мне твой дохтур! Мой вон где дохтур....
Дохтур?... О-ох!

– Ведь старая она, – говорит вдова.

– Ну, не старше меня, – говорю я.

– Как не старше, много старше. Ей, люди говорят, годов 90, – говорит

вдова. – У ней уже все виски вылезли. Ономясь обстригла ее.

– Зачем же обстригла?

– Да вылезли все, почитай. Я и обрезала.

– О–ох! – опять стонет старуха. – О–ох! Забыл меня Бог! Не примаёт души. Он, Батюшка, не вынет, сама не выйдет... О–ох. За грехи видно. И глотку промочить нечем. Хоть бы на последки чайку попить. О–ох!

Заходит в избу врач, я прощаюсь, и мы выходим на улицу, садимся в сани и едем в небольшую соседнюю деревеньку на последнее посещение больного. Врача еще накануне приезжали звать к этому больному. Приезжаем, входим вместе в избушку. Небольшая, но чистая горница, в середине люлька и женщина усиленно качает ее. За столом сидит лет 8–ми девочка и с удивлением и испугом смотрит на нас.

– Где он? – спрашивает врач про больного.

– На печи, – говорит женщина, не переставая качать люльку с ребенком.

Врач всходит на хоры и, облокотившись на печку, нагибается над больным и что–то делает там.

Я подхожу к врачу и спрашиваю, в каком положении больной.

Врач не отвечает. Я всхожу тоже на хоры, вглядываюсь в темноту и только понемногу начинаю различать волосатую голову человека, лежащего на печи.

Тяжелый, дурной запах стоит вокруг больного. Больной лежит навзничь. Врач держит его за пульс левой руки.

– Что он, очень плох? – спрашиваю я.

Врач не отвечает мне и обращается к хозяйке.

– Запали лампу, – говорит он.

Хозяйка зовет девченку и велит ей качать люльку, а сама зажигает лампу и подает врачу. Я слезаю с хор, чтобы не мешать врачу. Он берет лампу и продолжает свои исследования над больным.

Девочка, заглядевшись на нас, недостаточно сильно качает люльку, и ребенок начинает пронзительно и жалостно кричать. Мать, отдавши врачу лампу, сердито отталкивает девочку и принимается сама качать.

Я опять подхожу к врачу. И опять спрашиваю: что больной.

Врач, все еще занятый больным, тихим голосом говорит мне одно слово.

Я не расслышал, что он сказал, и переспрашиваю.

– Агония, – повторяет врач сказанное слово и молча слезает с хор и ставит лампу на стол.

Ребенок, не переставая, кричит и жалостным и озлобленным голосом.

– Что ж, аль помер? – говорит баба, точно поняв значение слова, сказанного врачом.

– Нет еще, да не миновать, – говорит врач.

– Что же, за попом, значит, – недовольно говорит баба, всё сильнее и сильнее качая раскричавшегося ребенка.

– Добро бы сам дома был, а то теперь кого найдешь, – гляди, все за дровами уехали.

– Больше тут мне делать нечего, – говорит врач, и мы выходим.

Потом я узнал, что баба нашла, кого послать за попом, и поп только успел причастить умирающего.

Едем домой и дорогой молчим. Думаю, что оба испытываем одинаковое чувство.

– Что у него было? – спрашиваю я.

– Воспаление легких. Я не ждал такого скорого конца, организм могучий, но зато и условия губительны. 40 градусов температура, а на дворе 5 градусов мороза, идет и сидит.

И опять замолкаем и едем молча довольно долго.

– Я не заметил на печи ни постели, ни подушки, – говорю я.

– Ничего, – говорит врач.

И, очевидно, понимая, о чем я думаю, говорит:

– Да, вчера я был в Крутом у родильницы. Надо было для исследования положить женщину так, чтобы она лежала вытянувшись. В избе не было такого места.

И опять мы молчим и опять, вероятно, думаем об одном и том же. Молча доезжаем до дома. У крыльца стоит великолепная пара коней цугом в ковровых санях. Кучер красавец в тулупе и мохнатой шапке. Это сын приехал из своего имения.

Вот мы сидим за обеденным столом, накрытым на 10 приборов. Один прибор пустой. Это место внучки. Она нынче не совсем здорова и обедает у себя с няней. Для нее приготовлен особенно гигиенический обед: бульон и саго.

За большим обедом из 4-х блюд с двумя сортами вин и двумя служащими лакеями и стоящими на столе цветами идут разговоры.

– Откуда эти чудесные розы? – спрашивает сын.

Жена рассказывает, что цветы эти присланы из Петербурга какой-то дамой, не открывающей своего имени.

– Такие розы по полтора рубля за штуку, – говорит сын. И он рассказывает, как на каком-то концерте или представлении закидали всю сцену такими цветами. Разговор переходит на музыку и на большого знатока и покровителя ее.

– А что? Как его здоровье?

– Да все нехорошо. Опять едет в Италию. И всякий раз – проведет там зиму и удивительно поправляется.

– Переезд тяжел и скучен.

– Нет, отчего же, с express всего тридцать девять часов.

– Все-таки скука.

– Погоди, скоро летать будем.

Третий день.

ПОДАТИ.

Кроме обычных посетителей и просителей, нынче еще особенные: первый – это бездетный, доживающий, в большой бедности свой век, старик-крестьянин; второй – это очень бедная женщина с кучей детей; третий – это крестьянин, сколько я. знаю, достаточный. Все трое из нашей деревни и все трое по одному и тому же делу. Собирают перед Новым Годом подати, и у старика описали самовар, у бабы овцу и у достаточного крестьянина корову. Все они просят защиты или помощи, а то и того и другого.

Первый говорит зажиточный крестьянин, высокий, красивый, стареющийся человек. Он рассказывает, что пришел староста, описал корову и требует 27 рублей. А деньги эти продовольственные и, по мнению крестьянина, деньги эти не следует брать теперь. Я ничего этого не понимаю и говорю, что справлюсь, узнаю в волостном правлении и тогда скажу, можно или нельзя освободиться от этого платежа.

Вторым говорит старик, у которого описали самовар. Маленький, худенький, слабый, плохо одетый человечек рассказывает с трогательным огорчением и недоумением, как пришли, взяли самовар и требуют три рубля семь гивен, которых нет и добыть негде.

Спрашиваю: за какие это подати?

– Какие-то, кто их знает, казенные, что ль. Где ж мы со старухой возьмем? И так еле живы. Какие же это права? Пожалейте нашу старость. Помогите как.

Я обещаюсь узнать и сделать, что могу. Обращаюсь к бабе. Худая, измученная, я ее знаю. Знаю, что муж пьяница и пять детей.

– Овцу описали. Пришли. Давай, говорит, деньги. Я говорю, хозяина нет, на работе. Давай, говорит. Где же я возьму. Одна овца и ту забрали. – Плачет.

Обещаюсь разузнать и помочь, если могу, и прежде всего иду на деревню к старосте, узнать подробности, какие это подати и почему так строго взимаются.

На улице деревни останавливают меня еще две просительницы – бабы. Мужья на работе. Одна просит купить у ней холст, отдает за 2 рубля.

– А то описали кур. Только развела. Тем и кормлюсь, что соберу яичек, продам. Возьмите, холст хороший. Я бы и за три не отдала, кабы не нужда.

Отсылаю домой, когда вернусь, обсудим, а то может и так уладится. Не доходя до старосты на перерез выходит еще бывшая школьница, быстроглазая, черноглазая, бывшая ученица моя, Ольгушка, теперь старушка. Та же беда – описали телку.

Иду к старосте. Староста сильный, с седеющей бородой и умным лицом мужик, выходит ко мне на улицу. Я расспрашиваю, какие подати собираются и почему так вдруг строго. Староста рассказывает мне, что приказано строго-настрога очистить к Новому году всю недоимку.

– Разве велено, – говорю, – отбирать самовары, скотину?

– А то как же? – говорит староста, пожимая сильными плечами. – Нельзя же, не платят. Вот, хоть бы Абакумов. – Он называет мне того достаточного крестьянина, у которого описали корову за какой-то продовольственный капитал. – Сын на бирже ездит, три лошади. Как ему не платить? А все ужимается.

– Ну, этот, положим, – говорю. – Ну, а бедных-то как же? – И называю ему стариков, у которых взяли самовар.

– Эти точно, что бедные и взять не с чего. Да ведь там не разбирают.

Называю бабу, у которой взяли овцу. И эту староста жалеет, но как будто оправдывается тем, что не может не исполнять приказания.

Я спрашиваю: давно ли он старостой. И сколько получает.

– Да что получаю, – говорит он, отвечая не на высказанный мною, а на не высказанный мой же, угадываемый им, вопрос, зачем он участвует в

таком деле. – И то хочу отказаться. Тридцать рублей наше жалованье, а греха не оберешься.

– И что же, и отберут и самовары, и овец, и кур? – спрашиваю я.

– А то как же? Обязаны отобрать. А волостное уже торги назначит.

– И продадут?

– Да, натянут как-нибудь....

Иду к той бабе, которая приходила об описанной у нее овце. Крошечная избенка, в сенях та самая единственная овца, которая должна идти на пополнение государственного бюджета. По бабьему обычаю, хозяйка нервная, измученная и нуждой и трудами женщина, увидав меня, с волнением начинает быстро говорить:

– Вот и живу: последнюю овцу берут, а я сама чуть жива с этими. – Указывает на хоры и печку. – Идите сюда, чего! Не бойтесь. Вот и кормись тут с ними, с голопузыми.

Голопузые, действительно голопузые, в оборванных рубашенках и без порток, слезают с печи и окружают мать...

Еду в тот же день в волость, чтобы узнать подробности об этом для меня новом приеме взыскания податей.

Старшины нет. Он сейчас придет. В волости несколько человек стоят за решеткой, также дожидаются старшины.

Расспрашиваю ожидающих. Кто, зачем? Двое за паспортами. Идут в заработки. Принесли деньги за паспорта. Один приехал за копией с решения волостного суда, отказавшего ему, просителю, в том, что усадьба, на которой он жил и работал 23 года, похоронив принявших его стариков дядю и тетку, не была бы отнята от него внучкой того дяди. Внучка эта, будучи прямой наследницей дяди, пользуясь законом 9 ноября, продает в собственность и землю, и усадьбу, на которой жил проситель. И ему отказано, но он не хочет верить, чтобы были такие права, и хочет просить высший суд, он сам не знает какой. Я разъясняю ему, что права эти есть, и это вызывает, доходящее до недоумения и недоверия, неодобрение всех присутствующих.

Едва кончился разговор с этим крестьянином, как обращается ко мне за разъяснениями по его делу высокий, с суровым, строгим выражением лица, крестьянин. Дело его в том, что он вместе с односельцами копают руду железную на своих пашнях, копали с покон века.

– Нынче вышло распоряжение. Не велят копать. На своей земле не велят копать. Какие же это права? Мы только этим кормимся. Второй месяц хлопчем и нигде концов не найдем. И ума не приложим, разоряют да и все.

Я ничего не могу сказать этому человеку утешительного и обращаюсь к пришедшему старшине с моими вопросами о тех решительных мерах,

которые прилагаются у нас для взыскания недоимок. Спрашиваю и о том: по каким да по каким статьям собираются подати. Старшина сообщает мне, что всех видов податей, по которым собираются теперь недоимки с крестьян, семь: 1) казенные, 2) земские, 3) страховые, 4) продовольственные долги, 5) продовольственного капитала в замен засыпи, 6) мирские волостные, 7) сельские.

Старшина говорит мне то же, что и староста, что причина особенной строгости взыскания – предписание высшего начальства. Старшина признает, что трудно собирать с бедных, но уже не с таким сочувствием, как староста, относится к беднякам и не позволяет уж себе осуждать начальство и, главное, почти не сомневается в необходимости своей должности и в безгрешности своего участия в этих делах.

– Ведь нельзя же и потачки давать...

Вскоре после этого мне случилось говорить об этом же с земским начальником. У земского начальника этого уже очень мало было сочувствия к трудному положению бедняков, которых он почти не видал, и так же мало сомнений в нравственной законности своей деятельности. Хотя в разговоре со мной он и соглашался, что в сущности покойнее бы было и вовсе не служить, он все-таки считал себя полезным деятелем, потому что другие на его месте были бы хуже. А раз живя в деревне, почему же не воспользоваться хоть небольшим жалованьем земского начальника.

Суждения же губернатора о собирании податей, необходимых для удовлетворения нужд людей, занятых благоустройством народа, были совершенно свободны от каких бы то ни было соображений о самоварах, телках, овцах, холстах, отбираемых от деревенской бедноты, не было уже ни малейшего сомнения о пользе своей деятельности.

Министры же, и те, которые занимаются торговлей водкой, и те, которые заняты обучением людей убийству, и те, которые заняты присуждениями к изгнаниям, тюрьмам, каторгам, вешанию людей, все министры и их помощники – эти уже вполне уверены, что и самовары, и овцы, и холсты, и телки, отбираемые от нищих, находят самое свое лучшее помещение в приготовлении водки, отравляющей народ, в изготовлении орудий убийства, в устройстве тюрем, арестантских рот и т. п. и, между прочим, и в раздаче жалований им и их помощникам для устройства гостиных и костюмов их жен и для необходимых расходов по путешествиям и увеселениям, предпринимаемым ими для отдохновения от тяжести несомых ими трудов ради блага этого грубого и неблагодарного народа.

СОН.

На днях я видел такой значительный сон, что несколько раз в

продолжение последующего дня спрашивал себя: что, бишь, это случилось нынче такое особенно важное? И вспоминал, что это особенно важное было то, что я видел или вернее слышал во сне... Слышал же я очень поразившую меня речь одного, как это часто бывает во сне, соединенного из двух людей, человека, немножко старого, уже умершего моего друга, Владимира Орлова, с курчавыми, седыми височками по обеим сторонам лысой головы и немножко Николая Андреевича, переписчика, жившего у моего брата.

Вызвана была речь этого человека разговором хозяйки дома, богатой дамы, и гостя помещика. Дама рассказывала, как в соседнем имении мужики сожгли помещичий дом и грунтовые сараи с вековыми деревьями шпанских вишен и дюшес. Гость помещик же рассказал о том, как у него вырубил дубы в лесу и даже увезли стог сена.

«Теперь уже ни поджоги, ни воровство не считаются преступлениями. Страшная теперь безнравственность нашего народа», – сказал кто-то, – «сплошные воры».

И тут в ответ на эти слова заговорил этот, соединенный из двух, человек.

«Крестьяне украли дубы, сено, и они воры, самое безнравственное сословие», – начал он, не обращая ни к кому особенно. «А вот на Кавказе бывало князек сделает набег, отнимет у жителей аула всех лошадей, а один из жителей как-нибудь ухитрится и из табуна князька вернет хотя одну из своих угнанных лошадей. Что же, этот житель вор, если он вернул одну из многих украденных у него лошадей? Разве не то же самое с деревьями, с травой, с сеном, со всем тем, что, вы говорите, украл у вас мужик. Земля ведь Божья, общая, так что если мужики взяли то, что выросло на отнятой от всех общей земле, они не украли, а только вернули хотя часть того, что у них украдено.

«Знаю, что вы считаете землю собственностью помещика, и потому возвращение крестьянами того, что выросло на отнятой у них земле, называете воровством, но ведь это неправда. Земля никогда не была и не может быть собственностью. Если у одного человека земли больше, чем ему нужно, а у других ее нет, то тот, кто владеет лишней землей, владеет уже не землей, а людьми, а люди не могут быть собственностью людей.

«Вы говорите, что от того, что десяток баловников-парней сожгли у господишек какие-то сараи и срубили какие-то деревья – крестьяне сплошные воры, самое безнравственное сословие.

«И у вас язык поворачивается сказать такое слово! Украли у вас десять дубов. Украли, в тюрьму их за это!

«Да ведь, если бы они взяли не дубы, а унесли все, что есть здесь в этом доме, то они взяли бы только свое, только все то, что они и их братья, но уже никак не вы, сделали. «Похитили дубы!» Да ведь вы у них веками похищали не дубы, а жизни, жизни их детей, женщин, стариков, чахнувших и не доживающих естественный срок жизни, только от того, что данная им, как и всем людям, Богом земля отнята от них

и они вынуждены были работать на вас.

«Только подумайте о той жизни, какой жили и живут эти миллионы людей, и о том, какой живете вы. Только подумайте о том, что они делают, давая вам все блага жизни, и что вы делаете для них, лишая их всего, даже возможности кормить себя и свою семью. Ведь все, чем вы живете, все, что есть в этой горнице, все, что есть во всем этом доме, во всех ваших великолепных городах, все ваши дворцы, вся ваша безумная, именно безумная роскошь, ведь все это они сделали и не переставая делают.

«И они знают это, знают, что все эти ваши парки, рысаки, автомобили, дворцы, сласти, наряды, все ваши гадости и глупости, которые вы называете науками и искусствами, они знают, что все это жизни их сестер и братьев. И они знают, не могут не знать этого. Подумайте, какие чувства к вам должны бы были испытывать эти люди, если бы они были такие же, как вы.

«Казалось, нельзя бы им было не ненавидеть вас всеми силами души, зная все, что вы делаете над ними, нельзя бы было не желать отмстить вам. Ведь их десятки миллионов, а вас тысячи. И что же они делают? А то, что вместо того, чтобы как ненужную и вредную гадину раздавить вас, они продолжают, делая вам добро за ваше зло, нести свою трудовую, разумную, хотя и тяжелую жизнь, терпеливо ожидая своего времени, сознания вами своего греха и исправления его. И вместо этого, что же вы делаете? С высоты своей утонченной, самоуверенной безнравственности, снисходя до «развращенного, грубого» народа, просвещаете его, благодетельствуете ему, т.е. отобранным от него трудом прививаете ему свое развращение и осуждаете, исправляете и, что лучше всего, «наказываете» его, как несмышленный или злой ребенок, кусаете ту грудь, которая кормит вас.

«Да оглянитесь на себя и подумайте о том, что вы и кто они. Поймите, что живет только он, народ, а вы с своими думами, министерствами, синодами, академиями, университетами, консерваториями, судами, войсками, всеми этими глупостями, гадостями только играете в жизнь, портите ее и себе и другим. Он – народ – он только живет, он – растение, а вы – наросты, вредоносные грибы на растении. Поймите же свое ничтожество и все величие его. Поймите же свой грех и постарайтесь покаяться в нем и во что бы то ни стало развязать его»...

«Как он хорошо говорит! – подумал я. – Неужели это во сне?»

И как только я подумал это – я проснулся. .

Сон этот заставил меня еще раз подумать о земельном вопросе, – вопросе, о котором нельзя не думать, постоянно живя в деревне среди бедствующего земледельческого крестьянского населения. Знаю, что я писал об этом уже много раз, но под влиянием виденного сна я почувствовал потребность еще раз высказаться, не боясь повторения уже сказанного. Carthago delenda est.[1] Пока отношение людей к земельной собственности не изменится, никогда не будет «слишком» часто указывать на жестокость, безумие и зло этой формы порабощения

одних людей другими.

Люди говорят, что земля собственность. А говорят они это потому, что правительство признает землю собственностью. Но ведь правительство 50 лет тому назад признавало и людей собственностью, а пришло время и было признано, что люди не могут быть собственностью, и правительство перестало признавать людей собственностью. То же и с земельной собственностью: правительство теперь признает эту собственность и поддерживает ее своей властью, но придет время, и правительство перестанет признавать право земельной собственности и отменит его. А должно будет правительство отменить это право потому, что земельная собственность точно такая же несправедливость, как и бывшее право собственности на людей, как и крепостное право. Разница только в том, что крепостное право было прямое, определенное рабство; рабство же земельное – рабство посредственное, неопределенное. Там Петр был рабом Ивана, а теперь этот самый Петр раб неизвестно кого, но только наверное того, кто владеет той землей, которая нужна ему, Петру, для того, чтобы кормить себя и свою семью. Но мало того, что рабство земельное точно такое же и несправедливое и жестокое рабство, как и бывшее рабство крепостное, оно еще гораздо более тяжелое для рабов и гораздо более преступное для рабовладельцев, чем было рабство крепостное. При крепостном праве рабовладелец, если не из сострадания, то из расчета, чтобы не потерять работника, все-таки не давал человеку зачахнуть и умереть от нужды и, как понимал и умел, заботился о нравственности своего раба; теперь же земельному рабовладельцу дела нет до того, чахнет или развращается его безземельный рабочий. Он знает, что сколько бы их ни перемерло на его работе и как бы они ни были развратны, рабочие у него всегда будут.

Несправедливость и жестокость нового теперешнего рабства, рабства земельного, так очевидны, и положение рабов так тяжело везде, что это новое рабство, казалось, должно бы было быть признано столь же несвоевременным, как было признано полвека тому назад крепостное право и должно бы было, казалось, так же быть отменено теперь, как было отменено тогда.

Но, говорят, нельзя отменить земельную собственность потому, что если отменить ее, то нельзя равномерно распределить между всеми работающими и неработающими выгоды, даваемые землей разнообразных качеств. И это неправда. Для того, чтобы отменить земельную собственность, не нужно никакого распределения земель.

Как при отмене крепостного права не нужно было никакого распределения освобожденных людей, а нужно было только уничтожение закона, утверждающего крепостное право, так и при отмене земельной собственности не нужно никакого распределения земель, а нужно только уничтожение закона, утверждающего земельную собственность. И как при отмене крепостного права крепостные сами собой разместились, как им надо было, так точно и при отмене земельной собственности люди сами сумеют распределить между собой землю так, чтобы выгоды от пользования ею были одинакие для всех. Как они ее распределят, по системе ли «единого налога» Генри Джорджа или еще как-нибудь иначе, этого мы не можем предугадать. Верно одно, что стоит только

правительству перестать поддерживать насилием явно несправедливое и угнетающее народ право земельной собственности, и освобожденные от насилия всегда сумеют с общего согласия распределить между собою землю так, чтобы все одинаково пользовались даваемыми землею выгодами.

Дело только в том, чтобы большинство землевладельцев, т. е. рабовладельцев, поняли, как это было при крепостном праве, что земельная собственность такое же тяжелое для рабов и преступное для рабовладельцев рабство, как и рабство крепостное, и, поняв это, внушили бы правительству необходимость отмены закона, утверждающего право земельной собственности, т. е. земельного рабства. Казалось бы, что как в 50-х годах лучшие люди общества, преимущественно сами дворяне, владельцы крепостными, поняв преступность своего, положения, разъяснили правительству необходимость отмены этого явно несвоевременного и безнравственного права, и крепостное право уничтожилось. Так точно, казалось, должно бы было быть и теперь по отношению к земельной собственности, т. е. по отношению земельного рабства.

Но, удивительное дело, теперешние рабовладельцы, т. е. земельные собственники, не только не понимают преступности своего положения и не внушают правительству необходимость уничтожения земельного рабства, но напротив, и сознательно и бессознательно всячески стараются скрыть от самих себя и от своих рабов преступность своего положения.

Происходит это, во-первых, от того, что крепостное право, тогда в 50-х годах, будучи прямым непосредственным рабством одного человека другому, слишком явно противоречило и религиозному и нравственному чувству; рабство же земельное не прямое, посредственное более скрыто от рабов и преимущественно от рабовладельцев сложными государственными, общественными, экономическими учреждениями. Происходит это, во-вторых, еще и от того, что тогда, при крепостном рабстве, рабовладельцами было одно сословие, теперь же рабовладельцы не одно сословие, а все сословия, за исключением самого многочисленного сословия малоземельного, земледельческого и черного рабочего народа... Теперь и дворяне, и купцы, и чиновники и фабриканты, и профессора, и учителя, и писатели, и музыканты, и живописцы, и богатые крестьяне, и прислуга богатых людей, и дорого оплачиваемые мастеровые, электротехники, машинисты и т. п., все эти люди теперь рабовладельцы, рабовладельцы тех малоземельных крестьян и чернорабочих людей, которые вследствие кажущихся самых разнообразных причин, в сущности же только одной причины захвата земли землевладельцами, вынуждены отдавать и труды свои и самую жизнь свою тем, кто пользуется выгодами, даваемыми землею.

От этих двух причин: от того, что новое рабовладение не так явно, как прежнее, и от того, что новых рабовладельцев несравненно больше, чем прежде, и происходит то, что рабовладельцы нашего времени не видят и не признают жестокости и преступности своего положения и не стараются от него избавиться. Рабовладельцы нашего времени не только не признают своего положения преступным и не стараются избавиться от него, но вполне уверены, что земельная собственность есть учреждение

необходимое и даже неизбежное для общественного благоустройства, не заключающее в себе ничего несправедливого и вредного для народа, и что бедственное положение рабочего народа, которого они не могут не видеть, происходит от самых разнообразных причин, но только никак не от признания за людьми права земельной собственности.

Такой взгляд на земельную собственность и на причины бедственного положения рабочего народа так твердо установился во всех передовых странах христианского мира, Франции, Англии, Германии, Америке и др., что никому из тамошних общественных деятелей, за самыми редкими исключениями, и в голову не приходит искать причину бедственного положения рабочего народа там, где оно действительно находится.

Так это в Европе и Америке; но казалось бы, что нам, русским, с нашим стомиллионным крестьянским населением, в принципе отрицающим личную земельную собственность, с нашими огромными пространствами земли, с почти религиозным стремлением народа к земледельческой жизни, казалось бы нам, русским, должно бы было само собой представляться совершенно иное, чем общеевропейское решение вопроса о причинах бедственного положения рабочего народа и о средствах улучшения этого положения. Казалось бы, нам, русским, можно бы было понять, что если мы точно заботимся и хотим улучшить положение народа, избавить его от раздражающих и развращающих его пут, которыми он связан, то средство для этого, указываемое и здравым смыслом, и голосом народа, есть только одно, а именно: уничтожение земельной собственности, т. е. земельного рабства.

Но удивительное дело: в русском обществе, занятом вопросами об улучшении положения рабочего сословия, нет и намека на это единое, естественное, простое и само собой бросающееся в глаза средство улучшения положения рабочего народа. Мы, русские, стоящие в земельном вопросе по народному сознанию на несколько веков может быть впереди Европы, мы ничего лучшего не умеем придумать для улучшения положения нашего народа, как учреждение среди нашего народа всяких, по образцу Европы, дум, советов, министерств, судов, земств, университетов, курсов, академий, народных училищ, флотов, подводных, воздушных кораблей, и еще много и много всяких самых странных, чуждых и ненужных народу вещей, не делая только одного того, что требуется одинаково и религией, и нравственностью, и здравым смыслом и всем народом.

Мало того, устраивая судьбы нашего народа, никогда не признававшего и не признающего земельную собственность, мы, подражая Европе, всякими хитростями, обманами, подкупам, насилием даже, стараемся приучить народ к земельной собственности, т. е. развратить его и разрушить в его сознании ту, веками признаваемую им истину, которая неизбежно рано или поздно, но все-таки наверное должна будет быть признана всем человечеством – истину о том, что живущие на земле люди не могут не иметь одинакового равного права на пользование ею.

Усилия эти для привития народу чуждого ему понятия земельной собственности, не переставая, с величайшим напряжением и усердием делаются и правительством и сознательно и преимущественно бессознательно по чувству самосохранения всеми рабовладельцами

нашего времени. А рабовладельцы нашего времени не одни землевладельцы, а все те люди, которые, вследствие отнятия у народа земли, пользуются властью над рабочим народом.

Усилия развращения народа делаются самые напряженные, но, слава Богу, смело можно сказать, что все усилия эти до сих пор захватывают только самую малую и худшую часть русского крестьянства. Многомиллионное же большинство малоземельного рабочего русского народа, живущее не развращенной, паразитной жизнью рабовладельцев, а своей разумной, трудовой жизнью, не поддается этим усилиям. Не поддается им потому, что для него решение вопроса о земле не есть решение вопроса о личных выгодах, каким этот вопрос представляется всем самым разнообразным теперешним рабовладельцам; для крестьянства в его огромном большинстве решение этого вопроса дается не ныне возникающими, а завтра забытыми, взаимно противуречивыми экономическими теориями, а дается одной, сознаваемой им и всегда признававшейся и признаваемой всеми разумными людьми мира, истиной, что все люди братья и потому все имеют равное одинаковое право на все блага мира и в том числе и на самое необходимое из них равное для всех право – на пользование землей.

Живя же этой истиной, крестьянство, в своем огромном большинстве, не приписывает никакого значения всем жалким правительственным мерам о тех или иных изменениях законов о земельной собственности, потому что знает, что решение земельного вопроса есть только одно: полная отмена права земельной собственности, т. е. земельного рабства. И, зная это, спокойно ждет своего времени, которое не может не прийти, и придет рано или поздно.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «БРОДЯЧИЕ ЛЮДИ».]

№ 1.

Въ наше время у насъ по деревнямъ завелось нѣчто совершенно новое, не виданное и неслыханное прежде и <не только> тяжело мучительное, отравляющее жизнь всего населенія, <но угрожающее сдѣлать жизнь совершенно невозможною>. Это нѣчто есть нищенство, разросшееся и разрастающееся въ какой то такой ужасной прогрессіи, при которой жизнь населенія становится все тяжелѣе и тяжелѣе и скоро станеть

совершенно невозможной. Каждый день въ нашу деревню изъ... дворовъ[2] разводять на ночлеги отъ... до...[3] теперь зимой, холодныхъ, голодныхъ оборванныхъ людей. О томъ, каковы эти люди по своему внѣшнему виду, [4] не[5] можетъ представи[ть] себѣ ни одинъ городской житель, не видавшій такихъ людей. На дняхъ приходилъ къ намъ такой несчастный. Онъ почти раздѣтъ – на немъ остатки разваливающейся и обуви и одежды, лицо его худое, одутловатое, все въ гнойныхъ струпьяхъ, въ такомъ же положеніи и все его тѣло. И такой человѣкъ и болѣе или менѣе подобные ему приходятъ въ деревню, и десятскій отводитъ ихъ не въ нашъ домъ, гдѣ десятки чистыхъ комнатъ, не въ домъ священника, дьякона, торговца, даже[6] учителя, а въ очередной домъ[7] къ хозяину, у котораго одна горница, гдѣ вся семья, жена, снохи, дѣвушки, ребята, и надо не только дать мѣсто для ночлега этому вонючему, обсыпанному, какъ струпами и болячк[ами] человѣку, но нельзя и не посадить его за ужинъ, когда хозяева сами сядутъ. И это черезъ день, два, и во всѣхъ дворахъ и по всей Россіи. Мало того: это ночные постояльцы, но среди дня зайдутъ не два, не три такихъ[8] просителя: настоящіе нищіе съ сумами и прохожіе, не два, не три, а 10 и больше, и всякому баба, которая знаетъ, что до новины далеко не хватитъ[ь] хлѣба, отрѣжетъ ломоть отъ иногда послѣдней ковриги.

У насъ есть Работные дома, есть Воспит[ательные] дома, есть Приказ[ы] Общ[ественнаго] призрѣнія, есть еще благотворительныя учрежденія по городамъ. И всѣ эти учрежденія очень хорошія, и мѣста при нихъ хорошія, и высоко цѣнятся занимающими и желающими занять ихъ, и самыя учрежденія чистыя зданія съ элект[рическими] освѣщеніем[и], [9] парк[етными] полами, чистой прислугой, и призрѣваю[тсѣ] тамъ тысячи всякаго рода людей женщинъ, дѣтей. Но вѣдь все это какая-нибудь сотая доля того огромнаго, едва ли не миліоннаго населенія (цифра эта неизвѣстна, но должна быть огромна), которая теперь, нищенствуя, бродитъ по Россіи и призрѣвается и кормится крестьянскимъ народомъ. Что бы было, неволью приходится въ голову, если бы не было этого крестьянскаго народа и не было бы въ немъ того чувства христ[іанскаго] милосердія, которое есть въ немъ и которое не позволяетъ ему не только не прогнать этого вшиваго, паршиваго, воню[чаго], но не позволяетъ ему не посадить его за ужинъ, не отрѣзать ему ломоть тяжелымъ трудомъ добытаго и самому недостающаго хлѣба.

Вѣдь представить себѣ только, что[10] было бы, если бы не было этого народа и не было бы въ немъ того чувства, [11] которое такъ сильно живетъ въ[12] немъ, вѣдь куда нибудь должны бы были дѣться эти сотни тысячъ, если не миліоны и несчастныхъ и развращенныхъ, но все таки также несчастныхъ проходимцевъ.

Да, не правительство и [13] благотворительныя общества ограждаютъ насъ, [14] людей достаточныхъ классовъ, отъ напора на насъ дошедшей до послѣдней степени нищеты и отчаянія голытьбы, а эта невидная основная сила жизни русскаго народа – крестьянство.

Не будь ихъ, уже давно, несмотря ни на какую полицію (ее же такъ мало и не можетъ быть много въ деревняхъ), разнесли бы всѣ [15] дома зажиточныхъ семей, а тамъ, гдѣ не разнесли бы ихъ, убивали бы отъ отчаянія и тѣхъ, кто не помогаетъ имъ, или самихъ себя, [16] вѣшались бы, рѣзали бы другихъ и рѣзали [17] бы сами себя, потому что имъ больше дѣлать нечего. И въ самомъ дѣлѣ огромному большинству этихъ людей больше дѣлать нечего. Сами ли они виноваты, пьяницы ли они и стали ли пьяницами отъ [18] невоздержанія или отъ отчаянія, они таковы, каковы есть, и имъ больше нечего дѣлать, какъ только просить или грабить. Хорошо, что они до сихъ поръ только просятъ, но не грабятъ они, а просятъ они, а не грабятъ только потому, что у нихъ есть еще выходъ въ помощи не отъ богачей – богачи обезпечены – а отъ самыхъ бѣдныхъ, иногда болѣе бѣдныхъ, чѣмъ просители, людей народа. Надо видѣть этихъ людей, хорошенько распросить, рассмотреть ихъ, чтобы понять ту степень лишенія и страданій, до которыхъ дошли или доведены эти люди. Вотъ одинъ еще совсѣмъ молодой малый, – 5 гр[адусовъ] мороза – на немъ пиджакъ весь въ дырахъ, [19] рубахи нѣтъ, сквозь дыры видно тѣло, такіе же и штаны, на ногахъ что то похожее на ботинки – одна вся распорана, онъ блѣденъ и дрожить. Вотъ другой старикъ въ мужицкомъ дырявомъ кафтанѣ, [20] въ лаптяхъ, [21] торчитъ [22] сѣрая отъ грязи рубаха и въ рукавахъ, и на задницѣ изъ подъ [23] прорванныхъ штановъ. Ему нѣтъ 40. У него одышка и лицо человѣка пьющаго. Спросишь: кто, откуда? Всегда одинъ отвѣтъ: [24] Нѣтъ работы, вездѣ прикрываютъ, или идемъ поискать работы въ Москву или изъ Москвы въ Кіевъ. Или были высланы административно, [25] и всегда одно: нѣтъ и нѣтъ работы. Иногда видишь, что неправда, иногда, напротивъ, очевидно говорить правду и сейчасъ бы радъ въ какую бы то ни было работу. Бываютъ и [26] калѣки безъ руки или ноги, или совсѣмъ больные, бываютъ, хотя и рѣдко, и дѣти, и женщины. Боюсь согрѣшить, но большое большинство люди пьющіе и не ужившіеся въ своемъ мѣстѣ, но среди нихъ много и много истинно [27] несчастныхъ, да и тѣ, про которыхъ такъ [28] хочется сказать, что сами виноваты, не менѣе, если не болѣе, несчастны. <Стоя на той степени достатка> Только перестань съ постояннымъ усиленіемъ нести тяжелую трудовую жизнь большинства крестьянъ и въ особенности рабочихъ, и сейчасъ сбился съ пути. А сбился разъ и [29] пропаль.

На дняхъ [30] только проснулся, И[лья] В[асильевичъ] говоритъ мнѣ: два прохожихъ. Возьмите на столѣ. И[лья] В[асильевичъ] [31] беретъ и подаетъ, какъ заведено, по 5 копѣекъ. Проходитъ около часа, я выхожу на улицу. Ужасно оборванный, въ совершенно развалившейся обуви маленькій человѣчекъ съ нездоровымъ лицомъ, подпухшими глазами начинаетъ кланяться и подаетъ свидѣтельство.

– Вамъ подали.

– Подали. Ради Бога, ваше сіятельство [32] извольте видѣть, ваше сіятельство, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ дѣться.

Я говорю, что подаю всѣмъ одинаково, больше не могу. Онъ продолжаетъ

умолять, угрожаетъ, что наложить на себя руки, становится на колѣни и опять повторяетъ одно и то же.

Я даю ему еще[33] 20 копѣекъ, и онъ уходитъ. И такихъ, т.-е. такихъ особенно неотвязныхъ, каждый день <5–6 человекъ такихъ> много.[34]

Но сколько между всѣми ними прекрасныхъ, истинно прекрасныхъ людей по своимъ нравственнымъ качествамъ.

Просить, какъ обыкновенно, высокій, красивый человекъ въ одномъ,[35] хотя и не очень, но прорванномъ короткомъ пиджакъ и[36] картузъ, сапоги уже плохи, не держатся, умное, хорошее лицо. Я подаю, онъ благодарить. Я спрашиваю, пьетъ ли? говоритъ, что пьетъ, но не пьяница. Грамотенъ ли? Какъ же, улыбаясь говоритъ, читалъ ваши книги, называетъ. Спрашиваю, кто онъ, откуда.[37] Рассказываетъ, очевидно, правдиво свою исторію, жилъ въ Петербургѣ, было хорошее мѣсто конторщика, 30 рублей. Самъ крестьянинъ нашего уѣзда.[38] Его домашніе вмѣстѣ съ другими деревенскими отъ малоземелья задумали переселиться въ Сибирь въ Томскую губернію. Написали ему, спрашивая согласія продать его часть земли на старомъ мѣстѣ, онъ согласился.[39] Домашніе уѣхали, но оказалось, что земля имъ попала дурная, они прожились тамъ и вернулись домой, и живутъ теперь на квартирахъ, кормясь работой. Онъ посылалъ имъ, но случилось, что торговая кампанія, въ которой служилъ, раззорилась. Искать мѣста, не нашель.

И вотъ идетъ теперь къ своимъ, что было деньжонокъ издержалъ. Очевидно, дѣловитый[40] человекъ, попалъ только отъ несчастной случайности въ положеніе голыша.

Или другой: въ[41] опоркахъ, одежда ваточная, въ родѣ халата, подпоясанн[ый] веревкой. Одежда вся, вся въ дыркахъ,[42] очевидно, не прорванная, но отъ того, что изнасилась, лицо скуласто[e] пріятное, умное и трезвое.[43] Я подаль обычные 5 копѣекъ. Онъ поблагодарилъ, <мы> разговорились.[44] Онъ административно ссыльный, жилъ въ Вяткѣ, кормить[ся] нечѣмъ, теперь идетъ въ Рязань, гдѣ жилъ прежде. Спрашиваю: чѣмъ былъ? Газетчикомъ, разносилъ газеты. За что пострадалъ? За распространеніе нелегальной литературы. Разговори[лись] про революцію, я сказалъ свое мнѣніе о томъ, что все въ насъ самихъ, что силу[45] нельзя сломить, особенно такую огромную. Уничтожится зло внѣ насъ, когда оно уничтожится въ насъ, сказалъ я.[46]

– Да когда нибудь, да не скоро.

– Отъ насъ зависитъ.[47]

– Я читалъ вашу книгу о революціи.

– Это не моя, но я такъ же думаю.[48]

– Хотѣлъ просить васъ о вашихъ книгахъ.

– Съ удовольствіемъ. Только какъ бы не повредить вамъ. Я дамъ самыхъ невинныхъ.

– Да мнѣ что... я уже ничего не боюсь. Тюрьма? Да тюрьма лучше, чѣмъ такъ. Я бы желалъ въ тюрьму.

И сказа[въ], онъ улыбнулся доброй улыбкой.

– Какъ жалко, что столько силъ тратится напрасно, сказалъ я, вотъ такіе люди, какъ вы, какъ разстраиваете свою жизнь. [49] Ну какъ же вы.

То онъ весело бойко отвѣчалъ мнѣ, когда дѣло шло о внѣшнемъ общемъ, но какъ только дѣло коснулось его, онъ вдругъ отвернулся отъ меня, закрылъ рукавомъ глаза и затылокъ его затрясся.

И сколько такихъ людей.

И эти люди погибаютъ безъ помощи, и люди <те, какъ тотъ первый> слабые отдаются этой бродячей жизни и главное тотъ народъ, который до сихъ поръ пригрѣвалъ, кормилъ ихъ, спасалъ насъ отъ нихъ, доходить до невозможности продолжать это свое дѣло. Нельзя такъ, положеніе это и новое, и невозможное. Нельзя такъ, надо отвѣтить на это новое ужасное явленіе русской жизни.

№ 2.

«Какъ отвѣтить на него, я не знаю, но знаю одно, что отвѣтить на него можетъ никакъ не наше одервенѣлое и глупое правительство, а отвѣтить могутъ только люди общества (стоитъ только вспомнить то, что сдѣлалъ и дѣлаетъ Бутсъ), одни сотни и сотни бѣдныхъ мужчинъ и жещинъ, которые рвутся къ разумному честному безкорыстному труду и другіе навѣрное очень многіе богатые, которые дадутъ средства на устройство такихъ учрежденій, который избавятъ эти несчастный сотни тысячъ бродящихъ людей отъ необходимости нищенствовать, отъ соблазна всякаго притворства и лжи, и миллионы осѣдлаго крестьянскаго народа отъ той тяжести, которую онъ одинъ несетъ на своихъ плечахъ».

№ 3.

«Какъ отвѣтить на него я не знаю, но знаю одно, что отвѣтить на него

может никакъ не наше одервенѣлое и глупое правительство, а отвѣтить могутъ только люди общества (стоитъ только вспомнить то, что сдѣлалъ и дѣлаетъ Бутсъ), одни сотни и сотни молодыхъ небогатыхъ мужчинъ и женщинъ нашего круга, которые рвутся къ разумному, честному и безкорыстному труду; и другіе навѣрное очень многіе, богатые, которые дадутъ средства на устройство учрежденій, могущихъ избавить сотни и тысячи бродячихъ людей отъ испытываемыхъ ими страданій. Такія усилія непосредственнаго труда молодыхъ, небогатыхъ людей и денежныхъ жертвъ богатыхъ избавятъ этихъ людей не только отъ тѣлесныхъ страданій, но отъ грѣха и развращенія, утишатъ озлобленіе этихъ людей противъ богатыхъ, избавятъ богатые классы отъ нѣкоторой доли признанія своего грѣха, избавятъ и народъ отъ несомой имъ тяжести содержанія этой, все увеличивающейся арміи безработныхъ».

[Первая редакция статьи «Живущие и умирающие».]

№ 4.

Я сижу за работой, приходитъ тихо [50] И [лья] В [асильевичъ] [51] и, очевидно не желая отрывать меня отъ дѣла, [52] говорить, что давно дожидають прохожіе и женщина.

— Возьмите пожалуйста и подайте.

— Женщина по какому то дѣлу.

Прошу подождать и продолжаю работу. Выхожу совершенно забывъ о просительницѣ. Изъ-за угла выходитъ молодая, длиннолицая, худая, миловидная крестьянка. Я вспоминаю.

— Что нужно? Въ чемъ дѣло?

— Значить. Мужа отдали. Осталась одна съ четырьмя дѣтьми. [53]

— Какъ же? Развѣ одинъ былъ? Братъевъ не было?

— Братъ есть да раздѣленный.

— Такъ какъ же одинокаго отдали?

— Отдали, говорятъ, вы не дѣлены. А мы еще послѣ Пасхи на Өоминой разошлись. Все раздѣлили, да и дѣлить нечего было. Изъ скотины только и было что три овченки.

— Такъ какъ же одинокаго отдали?

— А кто ихъ знаетъ. Вотъ осталась одна съ ребятами. Дѣлай что хошь.

Одно помирать надо. Да робять жалко. Къ вашей милости. Защитите какъ[54] не по закону отдали.

– Я узнаю. Записаль деревню, имя, прозвище. Узнаю, если что можно сдѣлать. Дамъ знать.

– Помогните хоть сколько нибудь. Ребята ѣсть хотять, а вѣрьте Богу, куска хлѣба нѣтъ. Пуще всего грудной. Молока[55] въ грудяхъ нѣтъ, а коровы тоже нѣтъ. Плачеть и вся трясется и отъ слезъ и отъ горя въ своей рваной поддевочкѣ.

Спрашиваю: откуда она взята. Говорить из Сергіевскаго. Это богатое большое село въ 40 верстахъ отъ насъ. Спрашиваю, [56] живы ли[57] отецъ, мать и какъ живутъ. Живутъ, говорить, хорошо.

– Отъ чего бы тебѣ къ нимъ не поѣхать?

– Я и сама думаю. Да какъ мнѣ къ нимъ итти. Можетъ не примуть.

– Такъ вотъ что давай напишемъ, я.

Она соглашается. Я иду къ себѣ, пишу отъ се[бя] имъ письмо и выношу ей.

Только отпустиль, [58] какъ слышу бубенчики и подъѣзжаетъ великолѣпная тройка цугомъ. Кучерь, стоя[ль] въ мохнатой шапкѣ, тулупѣ, въ саняхъ барыня въ соболяхъ подъ вуалью. Это знакомая родственница, жена члена государственнаго Совѣта заѣхала изъ своего сосѣдняго съ нами ея имѣнія, чтобы проститься съ моей женой передъ своимъ отѣздомъ въ Алжиръ, куда она везетъ своего мужа страшно уставшаго, какъ она говорить, отъ петербургской жизни и дѣятельности. – За завтракомъ дама эта, [59] съ парикомъ на головѣ и бриліантами въ ухахъ и [60] пальцахъ, рассказываетъ про тяжесть петербургской жизни съ ея требованіями, рассказываетъ про страшное[61] горе съ ея сестрой, потерявшей отъ скарлатины своего 4-го прелестнаго ребенка. Несмотря на всѣ усилія всѣхъ лучшихъ знаменитостей врачей ребенокъ умеръ. *On ne peut pas se faire une idée du désespoir de Lidie. Son pauvre mari craint pour elle.*[62] Ужасно.

На столѣ у насъ стоятъ вазы съ прекрасными букетами розановъ. Это присланный намъ подарокъ какой то неизвѣстной особой. [63] Петерб[ургская] сосѣдка замѣчаетъ цвѣты и спрашиваетъ откуда они – неужели и [зъ] своихъ оранжерей и, зная это по отвѣту, говорить, что въ Петербургѣ такіе розаны каждый по 11/2 рубля. А ихъ въ двухъ вазахъ штукъ 20, такъ что кромѣ гіацинтовъ и гвоздикъ одни розаны стоятъ рублей 30.

– Ну въ Алжирѣ у васъ этого всего будетъ много.

– Да, но путешествіе очень трудно.

– Ну что же въ 1-мь классѣ.

– Хоть и въ первомъ классѣ. Мужъ привыкъ къ прогулкамъ, а здѣсь лишень этого.

Еще разные разговоры о знакомыхъ, о Думѣ, о послѣднемъ французскомъ романѣ, прекрасной игрѣ Гофмана. Завтракъ кончается, и ѣду на свою обычную прогулку, но присоединяюсь къ нашему Доктору, которому нужно побывать нынче у больныхъ и въ той деревнѣ, гдѣ Волостное Правленіе, и въ той, откуда солдатка.

Прежде всего[64] захожу въ Волостное Правленіе. Старшины нѣтъ, нѣтъ и писаря, одинъ помощникъ писаря, молодой умный мальчикъ. Я его давно знаю. Распрашиваю о солдаткѣ. Онъ[65] справляется и говоритъ мнѣ, что раздѣла въ этой семьѣ не было. Правда, говорила тутъ ихъ свекровь, что они раздѣлены, но раздѣла не было, и потому не было причины отмѣнить Павла отъ солдат[ства].

– Ну какъ они живутъ?

– Очень бѣдны.

– Да я хочу заѣхать распросить ихъ объ этомъ раздѣлѣ.

– Вотъ сами увидите. Бѣдны то бѣдны. А все таки врутъ, что дѣлились.

Заходитъ докторъ, окончивъ свое посѣщеніе больного, и мы вмѣстѣ направляемся къ солдаткѣ. Но по дорогѣ, въ улицѣ того же села насъ останавливаетъ дѣвочка лѣтъ 12 очень миловидная.

– Къ вамъ вѣрно, говорю я доктору.

– Нѣтъ, я къ вашей милости.

– Что нужно. Отъ кого ты?

– Да я сама отъ себя. Научите, что намъ дѣлать. Мать померла, остались мы одни. Что намъ дѣлать? Что намъ дѣлать? Какъ кормиться, сидимъ не ѣвши...

– Откуда ты?

Дѣвочка указываетъ домъ кирпичный, довольно хорошій. – Вотъ нашъ домъ. Да зайдите, посмотрите.[66]

Выхожу изъ саней, иду къ дому. Изъ дома выходитъ женщина и приглашаетъ войти. Женщина эта тетка дѣвочки. Вхожу. Такъ, какъ и сказала дѣвочка. Четверо дѣтей кромѣ нея, два мальч[ика], одна дѣвочка и меньшей[67] опять мальчикъ двухъ лѣтній. Тетка рассказываетъ мнѣ всё. Отца задавило въ[68] рудоконной шахтѣ 2 года

тому назадъ. Хлопотали вознагражденъе, ничего не вышло. Осталась [69] вдова съ 3 дѣтьми, [70] 4-го родила безъ него. Кое какъ кормилась на своей малой землѣ. Работала немного, пропала [71] лошадь, потомъ корова, осталось двѣ овцы. Съ мѣсяць тому назадъ сама заболѣла, померла. Остались пять человѣкъ дѣтей, старшей 12. Кормись, какъ хочешь. Тетка помогаетъ по силамъ, да сила малая. Не знаетъ, что дѣлать. Хоть бы въ пріютъ куда опредѣлить дѣтей, хоть не всѣхъ. Старшая милая умная дѣвочка, [72] хозяйка дома, теперь очевидно все понимаетъ, вникаетъ въ нашъ разговоръ съ теткой.

— Хоть бы этого вонъ Миколашку куда предѣлать, указываетъ она на меньшого, а то съ нимъ бѣда, никуда отойти нельзя.

Я дѣлаю, что могу, и общаюсь хлопотать о пріютѣ. Дѣвочка старшая благодарить и спрашиваетъ, когда притти ко мнѣ за отвѣтомъ, [73] Глаза всѣхъ остальныхъ дѣтей, кромѣ Миколашки, устремлены на меня, какъ на какое то волшебное существо, которое все можетъ сдѣлать для нихъ.

Выйдя изъ дома, не доходя до саней, встрѣчаю старика. Старикъ здоровывается и тотчасъ же начинаетъ говорить о сиротахъ. [74]

— Бяда, говоритъ онъ, [75] жалость смотрѣть на нихъ. И дѣвчонка старшенька какъ хлопочетъ. Ровно мать имъ. И какъ имъ только Богъ даетъ. Спасибо люди не покидаютъ, [76] а то какъ есть голодомъ бы померли, сердешные. Вотъ уже такимъ и не грѣхъ помочь, говоритъ онъ, очевидно совѣтуя мнѣ сдѣлать, что я могу.

Прощаемся съ старикомъ, съ теткой, съ дѣвочкой. Всѣ они провожаютъ меня, и ѣдемъ [77] въ другую деревню, къ утренней солдаткѣ. — Въ деревнѣ этой на самомъ краю женщина вдова съ сынишкой и старухой матерью. Они давно уже живутъ милосердіемъ людей. Изба ихъ одно время совсѣмъ угрожала задавить ихъ. Добрый человѣкъ поставилъ имъ всю новую избу. Живутъ они въ новой избѣ, но нужда все та же и живутъ милостыней. Я остановился у первой избы, но зная, чья же изба, чтобы спросить, гдѣ живетъ солдатка. Изъ двери вышла знакомая вдова. И тотчасъ же начала просить помочь прокормить, телушку, прося зайти посмотрѣть телушку. Я общалъ зайти, но рѣшилъ прежде пойти къ солдаткѣ. [78]

— Третій домъ отселѣ, сказала мнѣ вдова, указывая вдоль улицы. Кирпичная изба, а рядомъ ихъ домъ.

Какъ ни [79] жалки по деревнямъ дома бѣдныхъ людей, такого заваливающагося дома, какъ домъ солдатки, я давно не видаль. Не только вся крыша, но и стѣны перекошились, такъ что окна были кривыя.

Внутренность была не лучше внѣшности. Маленькая [80] избушка съ печкой, занимавшей треть ея, вся была перекошена, черна, грязна и,

[81] къ удивленію моему, полна народа. Я[82] думалъ найти одну солдатку съ ея дѣтьми, но тутъ была ея золовка, молодая баба съ дѣтьми, и ея старуха свекровь.[83] На серединѣ избы висѣла люлька, и золовка качала ее. Солдатка же сама была на печкѣ. Пока она слѣзала, свекровь мнѣ все рассказала. Оказывается, какъ я понялъ, что они раздѣлились только на словахъ и, такъ какъ другого жилья не б[ыло], [84] да и раздѣлились то они только на время, пока сердились другъ ка друга, а потомъ помирились и продолжали жить вмѣстѣ. Такъ что волостное правленіе б[ыло] совершенно право, не признавъ Павла одинокимъ. Но то, что они жили вмѣстѣ, не уменьшало ихъ страшную бѣдность. Ни лошади, ни коровы ничего не было кромѣ заработка оставшагося брата, который работаль[85] на сторонѣ[86] и, хотя и былъ пьяница, кормилъ не только свою семью, но и солдатку съ ея дѣтенышами. Солдатка слѣзла съ печи и подтвердила то, что мнѣ говорила свекровь. Но все таки просила меня хлопотать о выручкѣ ея мужа, такъ какъ она считала невозможнымъ продолжать жить съ деверемъ. Я сказалъ, что попробую хлопотать, [87] но едва ли что выйдетъ. Подождемъ, что[88] отпишетъ отецъ. Тогда видно будетъ. На этомъ простились, и я пошолъ по обѣщанію къ вдовѣ на краю, чтобы посмотрѣть, какъ она просила, ее телку, которую кормить нечѣмъ. Телка стоитъ въ сѣняхъ. Телка какъ телка, смотрѣть на нее нечего. Иду въ домъ. Изба чистая, прибранная, мальчикъ здоровен[ькій], одѣтъ[89] по деревенски хорошо. Вдова по обычаю начинаетъ причитать со слезами о своей бѣдности, ѣсть нечего, [90] телку кормить нечѣмъ, вынимаетъ изъ за пазухи лоскутъ бумаги и съ громкимъ плачемъ подаетъ мнѣ.

— Что это? говорю.

— Да вотъ шаль залѣдила за трешницу.

Читаю, расписка въ томъ, что взята подъ залогъ шаль;

— Ну, а старуха что? спрашиваю.

— Да вонъ на печи.

Я подхожу къ печи, окликаю. Отзывается слабо старческій голосъ.[91]

— Охъ тяжело, о охъ горе мое.

— Что, старушка? Что болитъ?

— Все болитъ. Всю ломить.

— Старая она, говоритъ вдова.

— А сколько ей?[92] Не старше меня.

— Старше много, ей годовъ 90.

— Такъ что же намъ съ тобой, [93] говорю, старушка, помирать пора.

– Пора, пора.... батюшка., объ одномъ прошу Бога. Да не принимаетъ душу. За грѣхи видно. О господи.

Отдѣлавшись здѣсь, ѣдемъ съ Докторомъ на послѣднее его посѣщеніе въ деревнѣ, которое намъ на дорогѣ и[94] откуда[95] его прїѣзжали звать къ больному. Прїѣзжаемъ и идемъ внизъ въ избушку. Небольшая, но[96] чистая горница, въ серединѣ люлька, и женщина качаетъ, за столомъ дѣвочка съ удивленіемъ[97] смотритъ на насъ.

– Гдѣ же больной? спрашиваетъ докторъ.[98]

– На печкѣ вонъ, говоритъ женщина, сильно качая люльку съ ребенкомъ.

Докторъ влѣзаетъ на приступку печки и окликаетъ больного. Больной не отвѣчаетъ. Я влѣзаю тоже на лавку, такъ что стою рядомъ съ Докторомъ.[99] И вижу въ полутьмѣ[100] человѣка въ рубахѣ, лежащаго головой на камнѣ печи безъ постели, не совсѣмъ навзничъ, такъ что обѣ руки на просторѣ. Докторъ держитъ одну за пульсъ.

– Ну что? спрашиваю я.

– Агонія, говоритъ Докторъ и обращается къ хозяйкѣ. Запали лампу.

Хозяйка зоветъ дѣвченку и велитъ ей качать люльку, а сама зажигаетъ лампу и подаетъ Доктору.

– Кончено, говоритъ Докторъ, спускается, и я за нимъ.

Очень странно мнѣ послѣ этого садиться за нашъ обѣдъ съ 12 серебряными приборами, двумя слугами, полторарублевыми розами, стоящими на столѣ, и разговорами о превосходствѣ той или другой музыки, о[101] умѣстности или неумѣстности рѣчи министра и члена Думы, о страшной невралгіи Гр. А. и горести кн[ягини] Б., о смерти своего отца и о преимуществѣ гимназическаго воспитанія передъ институтскимъ.

Странно и скучно и возмутительно и стыдно.

№ 5.

ѣдемъ домой съ Докторомъ и дорогой молчимъ. Думаю, что оба испытываемъ одинаковое чувство.

– Какъ же онъ лежалъ? Ничего подстелено не было?

– Ничего, коротко отвѣчалъ Д[окторь], понимая, о чемъ я спрашиваю и почему.

Опять ѣдемъ молча довольно долго.

И опять очевидно зная, о чемъ я думаю, докторъ говоритъ:

– Да, очень есть бѣдныя. Вчера я былъ въ Крутомъ послѣ родовъ. Чтобы изслѣдовать, надо было положить такъ, чтобы вытянулась во весь ростъ. Не было такого мѣста.

– Неужели?

– Да, такая плохая изба.

Подъѣзжаемъ къ дому. У крыльца стоитъ великолѣпная пара коней цугомъ въ ковровыхъ саняхъ. Кучеръ красавецъ въ тулупъ и мохнатой шапкѣ. Это сынъ пріѣхалъ изъ своего имѣнія.

За обѣдомъ изъ 5 блюдъ съ двумя сортами вина, двумя служащими лакеями и стоящими на столѣ цвѣтами, идутъ разговоры.

Сынъ, глядя на цвѣты, десятка два свѣжихъ розановъ, спрашиваетъ, откуда эти чудесныя розы. Жена рассказываетъ, что это уже во второй разъ присылаетъ намъ какая то дама изъ Петербурга, не открывающая своего имени.

– Такіе розы по 11/2 рубля за штуку, говоритъ сынъ. И онъ рассказываетъ, какъ на какомъ то концертѣ или представленіи закидали всю сцену такими цвѣтами.

Разговоръ переходитъ на Гофмана и его игру.

– Техника изумительная, но нѣтъ настроенія, говоритъ кто то.

– Послѣдній разъ я встрѣтила въ его концертѣ – называютъ имя и фамилію. Онъ почти годъ никуда не выѣзжаетъ, а на Гофмана пріѣхалъ и остался вполне доволенъ. А онъ кажется знаетъ толкъ.

– А что, какъ его здоровье?

– Да все нехорошо. Докторъ посылаетъ его въ Алжиръ, но онъ не хочетъ. Говоритъ, что всё можетъ переносить, только не скуку.

– А для меня на[шъ] противный Петербургъ самое скучное мѣсто на свѣтѣ. Особенно теперь съ Думой и все одними и тѣми же разговорами...

Обѣдъ кончается, подаютъ кофе. Я ухожу къ себѣ и мнѣ на душѣ странно и мучительно стыдно.

[Первая редакция статьи «Подати».]

№ 6.

Подати.

Кромѣ обычныхъ посѣтителей и просителей нынче 20 Дек[абря][102] еще особенные: это[103] знакомый мнѣ бездѣтный, доживающій въ большой бѣдности свой вѣкъ старикъ крестьянинъ <на маломъ надѣлѣ> и оч[ень] бѣдная женщина изъ нашей деревни и то[же] изъ нашей деревни крестьянинъ, сколько я знаю достаточный. Всѣ трое по одному и тому же дѣлу. Собираютъ подати, и у старика описали самоваръ, у бабы овцу и у достаточнаго крестьянина[104] корову. Я забылъ да и не зналъ всѣ эти порядки и потому спрашиваю, что такое, какъ, отчего?

Первый жалуется зажиточный крестьянинъ, высокій, красивый, старѣющійся, сердитый человѣкъ. Рассказываетъ, какіе то продовольственные, какъ-то не слѣдуетъ брать теперь и съ нихъ, а пришло староста, описалъ телку и все. А не по закону. Я говорю, что справлюсь, узнаю, и обращаюсь къ старичку. Маленькій, худенькій, слабый, плохо одѣтый человѣчекъ[105] рассказываетъ съ отчаяніемъ, какъ пришли, взяли самоваръ и все. А гдѣ же я возьму три[106] семь гривенъ, какія то, кто ихъ знаетъ, казенныя чтоль. Гдѣ жъ мы съ старухой возьмемъ? И такъ ели живы.[107] Какія же это права. Помогите какъ?

Я обещаюсь узнать, обращаюсь къ бабѣ. – Худая, измученная, я ее знаю, знаю, что мужъ пьяница и 5 дѣтей.

– Пришли. Давай говорить деньги. Я говорю, хозяина нѣтъ, на работѣ. Давай говорить. Гдѣ жъ я возьму. Одна овца и ту забрали. Плачетъ. Общаюсь разузнать помочь, чѣмъ могу, и иду на деревню къ старо[стѣ], чтобы узнать подробности. На улицѣ деревни останавливаютъ меня еще двѣ просительницы бабы. Мужья въ работѣ. Бабы однѣ дома, а по всѣмъ дворамъ идетъ строгая описка за недоимки. Одна проситъ купить у ней холстъ, отдаетъ за 2 рубля. А то описали курь. Только развела. Тѣмъ и кормлюсь, что соберу яичекъ продамъ. [108] Возьмите, холстъ хорошій. Я бы и за три не отдала, кабы не нужда. Отсылаю домой, когда вернусь, обсудимъ, а то можетъ и такъ уладится. Не доходя до старосты на перерѣзъ выходитъ еще бывшая школьница, быстроглазая, черноглазая, бывшая ученица моя, Ольгушка, теперь старушка. Та же[109] бѣда, описали телку.

Староста сильный, умный, [110] съ сѣдѣющей бородой[111] мужикъ подходитъ ко мнѣ на улицу[112] и спрашиваю, какія подати собираются и почему такъ вдругъ строго, что отбираютъ самовары,

овець, курь. Староста[113] рассказывает мнѣ, [114] что приказано строго на строго собрать къ новому году всю недоимку.

– Какже, спрашиваю, отбирать самовары, скотину?

– Велѣно, [115] что же будешь дѣлать? говорит староста, пожимая сильными плечами. Только есть и такіе, что могут отдать. Хоть бы Абакумовъ. [116]

Онъ называет мнѣ того достаточнаго крестьянина, у котораго описали корову за какой то продовольственный капиталъ, который Аб[акумовъ] не считаетъ обязаннымъ платить.

– Ну этотъ положимъ, говорю, ну а бѣдныхъ то какъ же. Хоть бы у стариковъ, самоваръ взяли.

– Эти точно что бѣдные и взять не съ чего. Да вѣдь тамъ не разбираютъ.

– Ну, а Курносенкова? Я говорю про женщину, у которой взяли овцу. И эту староста[117] жалѣетъ, но какъ будто оправдывается тѣмъ, что не можетъ не исполнять приказанія.

– Я спрашиваю, давно ли онъ старостой. И сколько получаетъ.

– Да что получаю? отвѣчаетъ онъ не на мой высказанный, а на не высказанный вопросъ, зачѣмъ онъ участвуетъ въ такомъ дѣлѣ?

– И то хочу отказаться. 30 рублей наше жалованье, а грѣха не оберешься.

– И чтоже, и отберутъ и самовары, и овецъ, и курь? спрашиваю я.

– А они какъ же. Обязаны отбирать. А волостное уже торги назначить. И продадутъ. Да натянуть какъ нибудь....

Иду къ Курносенковой, къ той бабѣ, которая приходила объ описанной у ней овцѣ. Крошечная избенка, въ сѣняхъ та самая единственная овца, которая должна итти на пополненіе государствен[наго] бюджета[118] въ дополненіе къ тому, что получится за торговлю водкой, на[119] содержаніе арміи, двора и всякихъ чиновниковъ. По бабьему обычаю, особенно свойственному нервной, измученной и нуждой и трудами женщинѣ, Курносенкова, увидавъ меня, съ волненіемъ начинаетъ быстро говорить:

– Вотъ и живу. Послѣднюю овцу берутъ, а я сама чуть жива съ этими. Указываешь на хоры и печку. Идите сюда, чего. Не бойтесь. Вотъ и кормись тутъ съ ними, съ голопузыми.

Голопузые, дѣйствительно голопузые, слѣзаютъ съ печи и окружаютъ мать...

ѣду въ тотъ же день въ волость.

Старшина подтверждаетъ мнѣ всё то же, что сказалъ староста.

Въ волости нѣсколько человѣкъ стоятъ за рѣшеткой. Старшины нѣтъ. Онъ сейчасъ придетъ... Распрашиваю[120] ожидающихся. Кто зачѣмъ?

Двое за паспортами. Идутъ въ заработки.[121] Принесли деньги за[122] паспорта. Одинъ прїѣхалъ за копїей съ рѣшенїемъ волостного суда, отказавшаго ему, просителю, въ томъ, что усадьба, на которой онъ жилъ и работалъ 23 года, похоронивъ принявшихъ его стариковъ дядю и тетку, не была бы отнята отъ него внучатной племянницей того же дяди. Племянница эта, будучи прямой наслѣдницей дяди, пользуясь закономъ 9 ноября, продаетъ въ собственность и землю и усадьбу, на которой жилъ проситель. И ему отказано, но онъ[123] не хочетъ вѣрить, чтобы были такія права, и хочетъ просить вышнїй судъ, онъ самъ не знаетъ какой. Я разъясняю ему, что права эти есть, и это вызываетъ доходящее до недоумѣнїя и недовѣрїя неодобренїе всѣхъ присутствующихъ.[124]

Едва кончилъ разговоръ съ этимъ крестьяниномъ, какъ[125] обращается ко мнѣ[126] за разъясненїями по его дѣлу высокїй, съ суровымъ, строгимъ выраженїемъ лица крестьянинъ. Дѣло его въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ односельцами копаютъ руду желѣзную на своихъ пашняхъ, копали съ поконъ вѣка. Нынче вышло распоряженїе. Не велятъ копать. На нашей землѣ не велятъ копать. А мы только этимъ кормимся. Второй мѣсяць хлопочемъ и нигдѣ концовъ не найдемъ. И ума не приложимъ, кому это нужно мужика раззорять.

Я ничего не могу сказать этому человѣку утѣшительн[аго] и обращаюсь къ пришедшему старшинѣ съ моими вопросами о тѣхъ рѣшительныхъ мѣрахъ, которыя прилагаются у насъ для взысканїя недоимокъ. Спрашиваю[127] и о томъ, по какимъ да по какимъ статьямъ собираются подати. Старшина сообщаетъ мнѣ, что всѣхъ видовъ податей, по которымъ собирается теперь недоимка 7:[128] 1) казенная, 2) земскїя, 3) страховая, 4) продовольственные долги, 5) продовольственнаго капитала въ замѣнъ засыпи, 6) мірскихъ волостныхъ, 7) сельскихъ.

Старшина говоритъ мнѣ то же, что и староста, что причина особенной строгости взысканїя предписанїе высшаго начальства. Старшина признается, что трудно собрать съ бѣдныхъ, но уже не съ такимъ сочувствїемъ, какъ староста, относится къ бѣднякамъ и не позволяетъ ужъ себѣ осуждать начальство и, главное,[129] почти не сомнѣвается въ необходимости своей должности и въ[130] безгрѣшности участїя въ этомъ дѣлѣ.

— Вѣдь нельзя же, тутъ и волостныя, и земскїя.

Вкорѣ послѣ этого мнѣ случилось говорить объ этомъ же съ Земскимъ начальникомъ. Да [у] земскаг[о] начальника сомнѣнїй въ необходимости

его деятельности уже не было совсѣмъ. Хотя все таки онъ признавалъ, что въ сущности лучше бы и вовсе не служить. Да все таки, разъ живу въ деревнѣ, почему же не воспользоваться хоть небольшимъ жалованьемъ. А все таки приносишь пользу тому же самому народу.

Знаю, что для губернатора сомнѣнія о пользѣ своей дѣятельности уже нѣтъ и помина.

Министры же, какъ тѣ, которые занимаются торговлей[131] водки, такъ тѣ, которые занимаются[132] приготовленіемъ убійць, также и тѣ, которые заняты присужденіями къ изгнані[ямъ], тюрьма[мъ], каторгамъ, вѣшанію людей, всѣ министры эти уже вполне увѣрены, что они благодѣтели русскаго народа и что самоваръ Исаевыхъ, и овца Курносенковой, и холстъ Ольги находятъ самое лучшее помѣщеніе въ устройствѣ ихъ гостиныхъ, костюмахъ ихъ женъ и въ необходимыхъ имъ путешествіяхъ и увеселеніяхъ, предпринимаемыхъ ими отъ тяжести своихъ трудовъ для этого грубаго и неблагодарнаго народа.

№ 7.

[Первая редакция статьи «Сон».]

Разговоръ начался еще за обѣдомъ. Начался онъ съ того, что Мар[ія] Васильевна Краснопѣвцова, вдова-хозяйка дома и опекунша своихъ малолѣтнихъ дѣтей, рассказывала обѣдавшему у нея гостю, [133] уѣздному Предводителю Герценштейну, [134] истинно русскому человѣку, какъ самъ себя считалъ Герц[енштейнъ], сдѣланное въ лѣсу имѣнья ея дѣтей похищеніе лѣса.

— Пріѣхали, срѣзали 7 дубовъ точно въ своемъ лѣсу и повезли. Не могу же я оставить безъ наказан[ія]: такъ всѣ пріѣдутъ и ничего не останется. Я не имѣю права.

— Но все таки жестоко, да и главное совершенно не нужно вслѣдствіе этого оторвать отъ труда домохозяевъ-кормильцевъ семьи и посадить ихъ въ тюрьму.

— Такъ что же прикажете дѣлать, поблагодарить ихъ?

Ироническій[135] отпоръ этотъ[136] относился къ Сем[ену][137] Терентичу Прокофьеву, [138] учителю дѣтей М[арьи] В[асильевны], по ея мнѣнію, [139] хотя и не умѣющему себя держать «въ порядочномъ» домѣ и съ разными идеями, все таки доброму, услужливому скромному человѣку и очень хорошему учителю, заставившему[140] дѣтей[141] полюбить ученіе и учиться такъ, что два старшіе прекрасно выдержали экзамены въ 3-й и 4-й классы гимназіи.

С[емень] Т[ерентъичъ] замолчалъ и только вздохнулъ. Онъ хорошо зналъ, что съ рѣшительностью сужденій М[арьи] В[асильевны] и совершеннымъ равнодушіемъ къ доводамъ разговаривающихъ нельзя спорить. Онъ замолчалъ и [142] потупился въ тарелку съ [143] компотомъ. Доѣдали послѣднее блюдо.

— Это что то особенное сдѣлалось въ послѣднее время съ народомъ, отозвался [144] на возраженіе М[арьи] В[асильевны] [145] предводитель Ф. И. Герценштейнъ. Исчезли послѣднія сдерживающія начала нравственности. Понятіе о правѣ собственности совершенно исчезаетъ въ народѣ. Нѣтъ уже различія между твое и мое. Страшный упадокъ и религіозности и нравственности.

— А Сем[ень] Тер[ентъичъ] хочетъ, чтобы ихъ по головкѣ гладили.

С[емень] Т[ерентъичъ] [146] молчалъ, нагибался ниже къ тарелкѣ и давился середкой [147] проглоченнаго почти цѣликомъ яблока.

— Я ничего не хочу, пробурлилъ онъ.

— Я не слышу, что вы говор[ите].

— Ничего я не говорю.

— Да ужъ Сем[ень] Тер[ентъичъ] не говоритъ про мужиковъ, для него они всѣ святые, сказала М[арья] Васильевна].

— Да, если бы на этихъ святыхъ не было тюрьмы да, пожалуй, и висѣлицы, мы бы не то заговорили, сказала истинно русскій человекъ. Это теперь сплошные воры.

Сем[ень] Т[ерентъичъ] [148] покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ и трясущимся голосомъ, [149] [съ] неестественной улыбкой сказала: сплошные воры очень хорошее выраженіе, только отнесено вами не по назначенію.

— Т.—е. что собственно вы хотите сказать, сказала истинно русскій человекъ.

— Ничего. Только то, что воры тѣ, кто [150] захватываетъ чужую собственность и пользуется ей. Когда же люди, отъ которыхъ отнята ихъ собственность, отбираютъ ее назадъ у похитителей, я не думаю, чтобы ихъ можно было назвать ворами.

— Вотъ какъ.

Лакей Тарась [151] предложилъ предводителю, уже скушавшему свою порцію, взять еще компоту. Предводитель сердито отказался, сердито, потому что онъ хотѣлъ возражать этому дерзкому учителяшкѣ, очевидно намекавшему на что то грубое. М[арья] В[асильевна] поднялась и улыбаясь сказала.

- Лучше договоримъ въ гостиной, туда и кофей подадутъ.
- Прекрасно, улыбаясь хозяйкѣ, сказалъ предводитель. И вставъ, широко, какъ подобаеть русскому человѣку, перекрестился на уголь.
- Погоди жь ты. Я покажу тебѣ, какъ закидывать такія словечки, думаль онъ въ это время о дерзости всѣхъ этихъ шелкоперовъ.
- Такъ какъ это вы изволите[152] по новому опредѣлять воровство, обратился онъ къ С[емену] Т[ерентьичу].
- Не по новому, а по самому старому здравому смыслу, заговорилъ горячо С[емень] Т[ерентьичъ]. Нечего ходить вокругъ да около, [153] вы знаете, [154] кого я разумѣлъ, [155] говоря о томъ, что воры тѣ, кто захватываетъ чужую собственность и владѣютъ ею, я разумѣю всѣхъ земельныхъ собственниковъ.
- Почему же тотъ, кто владѣеть землею, захватываетъ ее и нарушаетъ право другого?
- Земельная собственность приобрѣтается, какъ и всякая собственность, трудомъ. [156] Одинъ человѣкъ трудится и приобрѣтаетъ. [157] Разница только въ томъ, что приобрѣсти жемчуга, брилліанты, золото можно не на права другихъ. Если же на островѣ, гдѣ всѣ кормятся землей, одинъ присвоить себѣ то, чѣмъ можетъ кормиться другой, онъ отнимаетъ у другого. Онъ дѣлаетъ другого нищимъ или своимъ рабомъ.
- Но вѣдь мы не на островѣ.
- Все равно, поверхность земли опредѣленна.
- Да, но какъ же такъ ровно раздѣлить землю? вступила въ разговоръ М[арья] В[асильевна] – Вамъ сколько сахара? спросила она при томъ, когда Тарасъ поставилъ на столъ подносъ съ кофеемъ.
- Дѣлить не нужно и нельзя, какъ нельзя дѣлить воздухъ, всѣмъ одинаково нужно, сказалъ С[емень] Т[ерентьичъ].
- Какъ же это такъ, не дѣлить.
- А такъ, какъ это понимаютъ эти самые «воры», народъ, такъ, чтобы признавать землю божьей, общею и [158] пользоваться ею только съ общаго согласія.
- Да это тотъ милый міръ съ своими двухаршинными полосками. Это какъ ваше чтаніе, высокія понятія и довели крестьянъ до того, что они всѣ стали – не назову – тѣмъ, что они стали теперь.
- Не міръ ихъ довель до нищеты, а землевладѣльцы и правительство.

– Да если бы не правительство, они бы окончательно погибли. Спасибо теперь и правительство поняло въ чемъ дѣло. И законъ 9 ноября еще можетъ исправить дѣло. [159] Крѣпкая земельная собственность есть первое и единственное условіе порядка и благоустройства.

– Да хорошо благоустройство, [160] которое основано на незаконной отдѣльной, личной земельной собственности.

– Во всей Европѣ она существуетъ и благодаря ей во всей Европѣ порядокъ и благоустройство.

С[емень] Т[ерентьичъ] началъ горячиться и быстро заговорилъ:

– Вотъ это то и ужасно. Европа. [161] Наше правительство – простите меня – состоитъ изъ такихъ глупыхъ, отсталыхъ. людей, что они не умѣютъ, не могутъ думать своимъ умомъ, руководствоваться условіями своей жизни. Европа. Да въ Европѣ никогда не было того, что у насъ было и есть – община, земельная община.

– Хороша эта община, поощрительница кабака. Вотъ что община.

– Позвольте. Въ русскомъ народѣ жило и живетъ сознание того, что земля не можетъ быть предметомъ собственности, и это сознание, опередившее Европу, сознание того, что Европа рано или поздно должна будетъ ввести – оно и начинается кое гдѣ и въ Англіи теперь – и это передовое сознание русскаго народа мы считаемъ отсталостью и беремъ примѣръ съ [162] потерявшей всякое сознание справедливости Европы.

– Да, хорошо бы было, если бы мы хоть немножко были похожи на Европу. Главное дѣло въ томъ, что все, что вы говорите, это общія фразы. Я спрашиваю, какъ организовать, земельную собственность.

– Сильные люди *ne se laissent pas payer par* [163] *les grands mots*. [164] Нужно дѣло. А его такъ и нѣтъ, какъ [нѣтъ]. Вотъ тутъ у васъ и вамъ подобныхъ фантазеровъ и нѣтъ отвѣта.

– Напротивъ, очень простой, ясный, опредѣленный.

– Интересно послушать.

– Отвѣтъ въ томъ, что земля должна быть общая.

– Да это мы слышали. Но какъ это сдѣлать? Когда одни хотятъ заниматься землею, а другіе тѣмъ, чтобы играть на. скрипкѣ.

– Сдѣлать такъ, чтобы тотъ, кто пользуется землей, выплачивалъ тому, кто играетъ на скрипкѣ, за то преимущество, которымъ онъ пользуется передъ тѣмъ, кто ею не пользуется.

– Да, но какъ же?

– А такъ, чтобы онъ платилъ ему.

– Сколько? Какъ странно, какъ все это вамъ легко кажется.

– Сколько? Столько, сколько играющій на скрипкѣ долженъ. платить[165] податей для общественныхъ дѣлъ государства.

– Да это Г[енри] Дж[оржъ]. Единый налогъ.

Да, Г[енри] Дж[оржъ], единый налогъ.

– Но вѣдь это неисполнимо.

– Почему? Неисполнимо казалось освобожденіе рабовъ, у насъ уничтоженіе крѣпостного права, Еще гораздо болѣе неисполнимо, чѣмъ освобожденіе отъ рабства земельного. И тогда говорили точно также. Вѣдь дѣло всё въ томъ, чтобы сознать всю преступность землевладѣнія. Вѣдь вотъ вы говорите и М[арья] В[асильевна]: воры. А вѣдь воры всё землевладѣльцы. Вѣдь какое было время, когда народъ, рабы не чувствовали всей неправды своего рабства и несли его покорно, и пришло время, когда нельзя было больше терпѣть этого, и поня[ли] это лучшіе люди изъ рабовладѣльцевъ и поняли это рабы и только силою можно было удержать ихъ, – а силой недолго удержишь – тоже самое и теперь и съ земельнымъ рабствомъ. Точно также лучшіе люди...

– Такіе, какъ вы.

– Лучшіе люди изъ земельных рабовладѣльцевъ понимаютъ, что это не можетъ такъ продолжаться и сознаютъ себя преступниками.

– Это мы съ вами, М[арья] В[асильевна], преступники.

– Да, преступниками, и, главное, народъ сознаетъ себя обманутымъ, признаетъ преступниками, ворами всѣхъ землевладѣльцевъ. И въ такое время мы ничего умнѣе не можемъ придумать, какъ безнравственный, развращающій народъ, законъ 9-го ноября, и только мечтаемъ о томъ, какъ бы намъ не отстать отъ Европы, хотя мы стоимъ въ народномъ сознаніи на 1000 верстъ впереди ея. Да это ужасно.

– Да всетаки я не вижу что же дѣлать?[166]

– Оцѣнить землю и перевести всё подати и налоги на землю.

– Генри Джоржъ. А городское населеніе?

– Городское населеніе не будетъ платить налоговъ. Но не въ томъ дѣло. Я даже не знаю: какъ осуществить освобожденіе рабовъ земли, такъ, какъ могли не знать, какъ осуществится освобожденіе негра, крѣпостныхъ въ Россіи, но знаю, что нельзя продолжать жить при этой вопіющей несправедливости. И не скрывать надо отъ себя, но, напротивъ, чувствовать, что то, что у М[арьи] В[асильевны] увезли 15 дубовъ не есть воровство, а есть указаніе на то, что владѣніе

М[арьей] В[асильевной] или ея дѣтьми землей, на которой выросли эти дубы, незаконно, преступно и что если есть воровство...

— Да, что я воровка, благодарю, вступилась М[арья] В[асильевна]. Вы, мнѣ кажется, уже зарпортовались, С[емень] Т[ерентьичь].

— М[арья] В[асильевна], вѣдь это не шутка — заговорилъ ужь совсѣмъ расходившійся С[емень] Т[ерентьичь]. Вѣдь вы подумайте. Они, крестьяне, знаютъ также хорошо, какъ то, что солнце всякій день всходитъ, что земля Божья, и знаютъ яе такъ, какъ я, по разсужденью, а знаютъ своими боками, что имъ безъ земли жить нельзя, что они, только работая всю жизнь на землѣ и ели-ели питаюсь, [167] могутъ возростить дѣтей, такихъ же людей, какъ ваши. И вдругъ они ясно понимаютъ, что земля эта отнята у нихъ людьми, которые не работаютъ, держать эту землю, за эту землю заставляютъ ихъ работать имъ всякія ненужныя глупости, и вотъ ему нужно или платить подати, за которыя продаютъ его послѣднюю корову, или купить лошадь, поправить избу, и онъ идетъ срѣзать выросшіе на божьей землѣ дубы. Его отношеніе къ этому дѣлу одно: ловко сдѣлать его, такъ какъ ловко увязать возъ, проѣхать по трудной [дорогѣ]. О несправедливости своего поступка для него [не] можетъ быть и рѣчи. Онъ знаетъ, на чьей сторонѣ несправедливость, жестокость и ужасная несправедливость и жестокость.

— Странныя у васъ мысли, начала М[арья] В[асильевна] и начала длинную рѣчь о своихъ обязанностяхъ передъ дѣтьми, о томъ, какъ бываютъ дурные опекуны, о томъ, какъ дѣти князя [168] Адашева, [169] а онъ былъ женатъ на Строгановой, родной сестрѣ извѣстнаго. Еще у него была эта исторія съ Бубновой.

С[емень] Т[ерентьичь] молчалъ, потомъ всталъ и вышелъ молча.

— А знаете, я бы не держалъ такого господина при своихъ дѣтяхъ.

— Я [170] сама думала. Найдите мнѣ.

— Такая каша въ головѣ.

—

Въ этотъ же вечеръ лакей Тарась, имѣвшій привычку писать свои записки, написалъ въ нихъ слѣдующее описаніе дня:

Былъ Предводитель, кушали поздно, дожидались дѣтей. Барыня выговаривала за гардины. А развѣ я могу разорваться.

Хорошо говорилъ С[емень] Т[ерентьичь] съ предводителемъ. Ужъ такъ выворотилъ все дѣло наружу, что онъ и туда [и] сюда. Правды не скроешь. Да, [171] въ великомъ обманѣ живетъ наша братія крестьянская. [172] Приходила братнина невѣстка.

№ 8.

Обѣдали въ деревнѣ у Княгини Кат[ерины] Петровны Черкасовой ея домашніе и два гостя. Гости были: одинъ предводитель «русскій человѣкъ», какъ онъ самъ считалъ себя, и другъ покойнаго брата кн. Черкасовой, другой гость не только не свѣтскій, но самый странный, дикій по понятіямъ княгини человѣкъ, к[отораго] она терпѣла только потому, что онъ былъ другомъ de notre pauvre[173] Мика, к[оторый] почему то любилъ его. Человѣкъ этотъ б[ылъ] Ник[олай] Ив[ановичъ] Орловъ, сынъ священника, бывшій товарищъ Мики. Орлову было теперь за 50, онъ б[ылъ] холостъ, нигдѣ не служилъ, и, какъ говорила кн[ягиня], жилъ безъ дома и безъ дѣла, такъ себѣ. Жилъ онъ сначала съ Ламинцевымъ, братомъ княгини. Орловъ б[ылъ] товарищъ Ламинцева и высоко цѣнилъ его за его высоко нравственныя и религіозныя убѣжденія, к[оторыя] онъ проводилъ въ жизнь. Лам[инцевъ] былъ слабъ грудью. Болѣзнь его развивалась все больше и больше. Лам[инцева] почти противъ его воли возили родные по теплымъ климатамъ, Орловъ не покидалъ его и ухаживалъ за нимъ, и Л[аминцевъ] умеръ въ Египтѣ на рукахъ. Теперь Н. И., задумавши написать біографію своего друга, пріѣхалъ къ Кат[еринѣ] Петр[овнѣ] съ тѣмъ, чтобы получить отъ нея свѣдѣнія о дѣтствѣ Мики и, главное, воспользоваться дневниками Мики, к[оторые] б[ыли] у Кат[ерины] Петр[овны]. Это былъ 2-ой гость. Кромѣ гостей были домашніе: дочь высокая, худая 18-лѣтъ дѣвушка, меньшая 13 лѣтъ дѣвочка, ея гувернантка англичанка и два меньшіе мальчика и ихъ учитель русскій студентъ [зачеркнуто: «соціалъ революціонеръ»].

Разговоръ начался еще за обѣдомъ. Начался разговоръ съ того, что Катерина Петровна рассказывала предводителю, истинно русскому человѣку, про сдѣланное въ лѣсу имѣнія ея дѣтей похищеніе лѣса.

№ 9.

Во первыхъ, я думаю, что вы изволите ошибаться, предполагая, что крестьянское сословіе не получаетъ вознагражденія за свои труды. Я думаю напротивъ, что они получаютъ гораздо больше того, что даютъ. Это во 1-хъ. Во 2-хъ же, какова бы ни была различными людьми раздѣлка даваемого и получаемого труда, воровство все таки воровство, грѣхъ противъ законовъ, признаваемыхъ всѣми народами, кромѣ нашего теперешняго крестьянства, и потому ничѣмъ, кромѣ какъ софизмами не можетъ быть оправданнымъ.

– Позвольте прежде всего отвѣтить вамъ на первое, заговорилъ Орловъ. Вы говорите, что крестьянское сословіе получаетъ вознагражденіе за свой трудъ. Я знаю, что вы понимаете подъ этимъ вознагражденіемъ: правительственныя учрежденія (военныя) административныя, судебныя. Но всѣ эти учрежденія....

– По вашему бесполезны, я знаю эти взгляды, но могу сказать только то, что, не будь этихъ учрежденій, мы бы не сидѣли здѣсь, и не только не б[ыло] бы возможности жить намъ, мнѣ, княгини съ дочерьми (Лина, все время жадно слѣдившая за разговоромъ, при этихъ словахъ вспыхнула и хотѣла сказать что то, но удержалась) нормальной жизнью, но эти самые крестьяне, въ к[оторы]хъ однихъ вы видите всѣ добродѣтели, давно бы перерѣзали другъ друга.

– Только и слышишь, что драки и убійства среди нихъ, вставила Е. П.

– Я говорю, что всѣ эти учрежденія, продолжалъ свою мысль Орловъ, считаются нужными не крестьянами, а тѣми, кто ихъ устрояютъ. Они не просятъ объ этомъ.

– Да это анархизмъ. Позвольте мнѣ устраниваться отъ обсужденія этого давно рѣшеннаго для меня вопроса. Вопросъ о воровствѣ и я желалъ бы знать, какъ вы оправдываете его и соединяете воровство съ нравственностью.

– Воровство, заговорилъ Орловъ, взглянувъ на Лину, въ которой одной онъ видѣлъ сочувствіе себѣ, воровство. Надо опредѣлить воровство, прежде чѣмъ признавать извѣстные факты воровствомъ.

– Я думаю, что нѣтъ и не можетъ быть разногласія въ томъ, что считается воровствомъ: присвоеніе чужой собственности.

– Совершенно вѣрно, согласился Орловъ, присвоеніе чужой собственности. Но позвольте васъ спросить, если, какъ это было недавно, и я видѣлъ на Кавказѣ, человекъ схватилъ въ плѣнъ другого и считаетъ этого плѣннаго своей собственностью, что если другой человекъ освободитъ этого человека, будетъ ли этотъ поступокъ воровствомъ.

– Я не понимаю васъ, сказала Предв[одитель]. *C'est trop profond pour nous autres*, [174] сказала онъ обращаясь къ К. П.

– Это совсѣмъ не такъ трудно. Владѣть землей, той землей, к[оторая] нужна для поддержанія жизни другихъ людей, есть такой же незаконный поступокъ, какъ владѣніе рабами.

– Ну?

– И потому освобожденіе отъ этого не есть воровство, а освобожденіе.

– *Nous y voilà*. [175] Прекрасно. Стало быть нѣтъ воровства въ покражѣ

моего лѣса, моей травы, моей ржи.

— Разумѣется. При вопросѣ о томъ, кто виноватъ въ томъ, что крестьяне запустили своихъ лошадей въ луга княгини, надо прежде всего разобрать, кто виноватъ въ томъ, что луга эти составляютъ собственность одного лица, когда они нужны сотнямъ тысячъ.

№ 10.

Обѣдали въ деревнѣ у княгини Екатерины Петровны Черкасовой: ея домашніе и два гостя. Гости были: одинъ сосѣдъ, уѣздный предводитель, человѣкъ, какъ онъ самъ считалъ, здоровыхъ понятій, вѣрный сынъ церкви и слуга государя и отечества, настоящій русскій человѣкъ. Онъ дорожилъ дружбой Ек[атерины] П[етровны] и потому, что она держалась однихъ съ нимъ консервативныхъ взглядовъ, и потому, что она по своимъ большимъ связямъ могла быть полезна и ему и его зятю, искавшему хорошо оплачиваемаго мѣста въ Петерб[ургѣ] или хотя бы въ провинціи. Онъ теперь и заѣхалъ къ Ек[атеринѣ] П[етровнѣ] съ цѣлью попросить у нея рекомендательнаго письма къ министру, ея двоюродному брату. Это былъ одинъ гость. Другой же гость былъ человѣкъ совершенно противоположнаго склада. Человѣкъ этотъ былъ Николай Ивановичъ Орловъ, сынъ священника. Орлову было теперь за 50-ть, онъ былъ холостъ, нигдѣ не служилъ, и всю жизнь ничего путнаго не дѣлалъ и даже, какъ кажется, и пилъ, какъ говорила княгиня. Терпѣла и принимала его къ себѣ въ домъ княгиня только потому, что онъ былъ другомъ ея покойнаго брата, се pauvre cher[176] Міка, какъ говорила к[нягиня], этими французскими словами выражая свое, хотя и неодобрительное, но прощающее отношеніе къ брату, его взглядамъ и выбору своихъ друзей. Дѣло въ томъ, что еще въ университетѣ Ламинцевъ, братъ кн. Черкасовой, сдружился съ Орловымъ, поступившимъ изъ семинаріи тоже въ университетъ. Сдружились они потому, что сошлись въ нравственно-религіозныхъ взглядахъ. Ламинцевъ подпалъ вліянію Орлова и горячо полюбилъ. Орловъ оплачивалъ ему тѣмъ же. Ламинцевъ съ молодыхъ лѣтъ былъ слабъ грудью и съ годами болѣзненность его все увеличивалась. Почти противъ его воли родные возили его по теплымъ климатамъ. Орловъ вездѣ сопутствовалъ ему, ухаживалъ за нимъ, и Ламинцевъ умеръ въ Египтѣ на его рукахъ. Все это сдѣлало то, что Ек[атерина] П[етровна] не могла не принимать Орл[ова], когда онъ являлся къ ней. Такъ она приняла его и теперь, когда Орловъ появился въ Скрипицынѣ (такъ звали имѣніе Черкасовыхъ) съ просьбой къ Екат[еринѣ] Петровнѣ о сообщеніи нужныхъ матеріаловъ для составленія біографіи своего друга. Таковы были два гостя, обѣдавшіе въ этотъ день у Кат. Петр. Кромѣ гостей были домашніе.

№ 11.

Человѣкъ этотъ былъ бывшій семинаристъ и не кончившій курса студентъ, человѣкъ безъ всякаго общественнаго положенія, Николай Ивановичъ Орловъ. Орлову было за 50-ть лѣтъ. Онъ былъ плѣшивъ, но на вискахъ топорщились курчавые, сѣдые волоса, лицо было обыкновенное, но умное, подвижное и въ особенно[сти] выразительны были добрые большіе голубые глаза. Терпѣла и принимала княгиня къ себѣ въ домъ Орлова, котораго она считала самымъ пустымъ человѣкомъ и пьяницей, только потому, что Орловъ, какъ ни странно это было, былъ другомъ ея покойнаго брата се раувге cher[177] Міка, какъ говорила княгиня, этими французскими словами выражая свое хотя и неодобрительное, но прощающее отношеніе къ покойному, оставившему ей и ея дѣтямъ все свое большое состояніе, брату и къ его взглядамъ и выбору своихъ друзей.

№ 12.

– Я говорю, что всѣ эти учрежденія – продолжалъ свою мысль Орловъ – считаются нужными не крестьянами, а тѣми, кто ихъ устрояетъ. Крестьяне не нуждаются въ нихъ. Не только не нуждаются въ нихъ, но всѣ эти учрежденія давятъ крестьянъ.

– Но никогда народы не жили безъ этихъ учреждений.

– Позвольте мнѣ досказать свою мысль. Вы говорите, что не будь судовъ, полиціи, войска, мы бы не сидѣли здѣсь, и Тарась – онъ указалъ на вошедшаго лакея съ подносомъ – не подавалъ бы намъ кофе. Тарась слышалъ, но дѣлалъ видъ, что слова эти произнесены по французски и непонятны ему. Но онъ дѣлалъ только видъ. Он слушалъ внимательно за обѣдомъ, слушалъ и теперь, придумывая различные предлоги для того, чтобы оставаться въ гостиной и слушать.

Ек[атерина] Петровна была возмущена и ей хотѣлось обругать Орлова. Сказать же что-нибудь не ругательное, она чувствовала, что не могла, и потому молчала, считая говорить у себя въ домѣ грубости гостю – не порядочнымъ. Лина съ жадностью ждала опроверженія словъ предводителя. Студентъ старался скрыть улыбку.

№ 13.

– Никакого, весь сія какой то радостью, говорилъ Орловъ. Для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, воровство ли совершили крестьяне, присвоившіе себѣ дубы, надо рѣшить вопросъ о томъ, чья собственность эти дубы, т. к. воровство есть присвоеніе чужой собственности.

– Разумѣется мои, т.-е. дѣтей.

– А я думаю, что не ваша, ни вашихъ дѣтей, а собственность всего народа, какъ воздухъ. Собственностью можетъ быть только произведете труда, а земля и то, что она безъ труда производитъ, есть собственность общая, всѣхъ людей. Всѣ люди очевидно на такія произведенія земли имѣютъ одинаковое право.

– Да это: *la propriété c'est le vol*[178] Прудона, сказалъ Предводитель, спокойно улыбаясь.

– Нисколько, собственность я признаю, но только тогда, когда она произведеніе труда.

– Оч[ень] хорошо, но и отецъ княгини и отецъ ея дѣтей или ихъ предки, всѣ они трудились для того, чтобы пріобрѣсти эти земли. Чѣмъ же они виноваты, что произведеніе своего труда они положили на землю, а не на какія либо предпріятія или просто не положили ихъ въ банкъ. По вашему выходитъ, что за то, что они положили произведеніе своего труда на землю и продолжаютъ трудиться на землѣ, у нихъ надо отнять ее и отдать мужикамъ.

– Я не говорю, что надо отнять. Я только говорю то, что владѣніе землей не есть собственность, а захватъ чужой собственности.

– Вотъ этого я никакъ не пойму. Почему это?

– А потому что если люди живутъ на островѣ, гдѣ всѣ кормятся землей, одинъ присвоить себѣ то, чѣмъ можетъ кормиться другой, онъ отнимаетъ у другого то, что въ извѣстной мѣрѣ должно составлять его собственность, т. е. совершаетъ то, что мы согласились называть воровствомъ.

– Но ведь мы не на островѣ.

№ 14.

[Вторая редакция статьи «Сон».]

Изъ воспоминаній врача.

Не люблю я этих чопорных аристократических домовъ, [179] но наше дѣло такое, что выбирать своихъ пациентовъ не приходится. [180]

Заботливая матушка вызвала къ родамъ дочери. Роды, какъ роды, ничего особеннаго, но нужно показать свою любовь, или приличіе требуетъ не пожалѣть 300 рублей за консультацію, и вотъ я имѣлъ удовольствіе присутствовать – дѣлать нечего было – вмѣстѣ съ домашнимъ докторомъ при [181] немножко затянувшихся, но [182] вполне нормальныхъ родахъ, новаго [183] его [184] сіятельства, краснаго, здоровеннаго, горланющаго, не путемъ горланющаго князя. Вся эта условность, чопорность и узкоуміе этой среды мнѣ очень противны, но выкупилъ все разговоръ, начавшійся за обѣдомъ, въ которомъ [185] совершенно неожиданно выдался незамѣтный, [186] безъ опредѣленныхъ занятій старичокъ, кажется, изъ духовнаго званія, нѣкто Орловъ, бывший большимъ другомъ старшаго, покойнаго сына княгини, котораго я не зналъ, но про котораго много слышалъ, какъ о необыкновенно даровитомъ, передовомъ человѣкѣ. Княгиня принимаетъ этого Орлова, очевидно, только изъ милости, такъ какъ онъ совсѣмъ чуждъ ея міру. Живетъ же онъ теперь у нея, потому что, какъ она мнѣ объяснила [187] присутствіе такого неприличнаго господина въ ея аристократическомъ деревенскомъ [домѣ], потому что пишетъ біографію de se pauvre cher Mîka, [188] какъ по дурацкому аристократическому обычаю прозывался ея умершій сынъ. А этотъ самый Mîka особенно любилъ Орлова. Такъ вотъ, благодаря неожиданно горячему выступленію Орлова, разговоръ, начавшійся за обѣдомъ и продолжавшійся послѣ въ гостиной, былъ очень интересень. Благодаря же тому, что учитель внуковъ княгини, студентъ, очень милый малый [189], умѣющій стенографировать, записалъ самую интересную часть разговора и далъ мнѣ возможность воспользоваться ею, я могу и записать [190] этотъ разговоръ почти дословно.

Обѣдало съ дѣтьми человѣкъ больше десяти. Предсѣдательствовала [191] княгиня во всемъ великолѣпіи огромнаго парика прекрасныхъ пушистыхъ, очень [192] правдоподобно замѣняющихъ на плѣшивой головѣ, какъ мнѣ, какъ врачу, хорошо извѣстно, свои отсутствующіе волосы, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, старательно разглаженнаго [193] отъ морщинъ на щекахъ и лбу [194] валикомъ, въ великолѣпномъ шелковомъ платьѣ, съ брилліантами въ ушахъ и на пальцахъ, потомъ ея зять, молодой камергеръ съ представительнымъ бритымъ лицомъ, крѣпкимъ, особенно замѣтнымъ воротничкомъ и утонченными манерами, потомъ меньшая дочь, какъ рассказываетъ скандальная хроника, плодъ уже не брака, а случившейся маленькой [195] ошибочки великолѣпной и столь строгой въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ княгини. Подтверждается же этотъ слухъ поразительнымъ несходствомъ этой красивой брюнетки, очень милой и серьезной дѣвушки, совершеннымъ несходствомъ ея со всѣми остальными [196] бѣлокурами и скорѣе некрасивыми въ отца дѣтьми княгини, потомъ Орловъ, про котораго я говорилъ, плѣшивый, съ курчавыми бѣлыми висками, [197] невзрачный и грязноватый человѣкъ, потомъ [198] мой сотоварищъ, уѣздный докторъ, очень милый социаль

демократъ[199] самага теперь обычного типа[200] людей подавленныхъ, недовольныхъ, озлобленныхъ и только разводящихъ руками передъ тѣмъ, что совершается. «Было худо, казалось хуже не могло быть, а вотъ еще хуже. И куда мы идемъ и т. д.» Потомъ студентъ, учитель 3-хъ внуковъ, потомъ[201] англичанка, гувернантка меньшей дочери...

Обѣдъ, какъ обыкновенно въ такихъ домахъ, великолѣпный, молчаливый и напряженно внимательный, лакей, великолѣпная сервировка, блюда и чопорность, и подавляющая[202] торжественность. Точно совершается въ молчаніи какое то таинство. Слышно только чавканіе и, какъ лучъ солнца среди мрака, вдругъ сдержанный хохотъ на[203] томъ концѣ стола, гдѣ внуки.

Разговоръ начался въ концѣ обѣда, начался онъ съ того, что княгиня рассказала событіе, случившееся въ сосѣднемъ имѣніи. Событіе состояло въ томъ, что крестьяне, которымъ ничего кромѣ благодѣяній не дѣлалъ богачъ Графъ, владѣлецъ этого имѣнія, [204] сожгли огромные, крытые соломой грунтовые сараи, погубивъ этимъ вѣковыя деревья[205] шпанскихъ вишенъ, грушъ дюшесъ, сливъ[206] и еще какихъ то плодовыхъ деревьевъ. [207] Княгиня возмущалась на грубость, дикость нашего народа. [208] Они за что-то сердятся на управляющаго. И вотъ. Но деревья то въ чемъ же виноваты. Прекрасныя 200-лѣтнія деревья[209] погублены. Нашли поджигателей и судятъ. Ну, ихъ сошлютъ, посадятъ, но деревьевъ то не будетъ. Такъ говорила княгиня. Зять ея, [210] пожимая плечами, подтверждалъ мнѣнія своей тещи. [211]

— Nous ne pouvons pas nous attendre à autre chose par le temps qui court, [212] сказала она, когда она кончила. Чего же ждать отъ этихъ дикихъ людей.

— Да, а вотъ Лина (это брюнетка меньшая дочь), сказала княгиня, просить меня написать графу Александру, чтобы ихъ простить, этихъ поджигателей. [213] Лина находить, что это очень мило со стороны крестьянъ. [214]

Бѣдная брюнетка вспыхнула и что то пробормотала.

— Что ты говорить, я не слышу?

— Ничего, я говорю, что я [215] не говорю, что это очень мило, а только мнѣ жалко женъ и дѣтей, они приходили.

Оказывается, что крестьяне, [216] ихъ три человекъ, забавлялись этимъ, ихъ разумѣется посадили и вотъ жены ихъ... [217]

— Это очень мило, Лина, что ты жалѣешь ихъ, сказала зять свояченицѣ, но что же дѣлать, что же дѣлать? повторилъ онъ. Вѣдь жизнь становится невозможной, и онъ рассказаль, какъ у него въ его имѣніи нынѣшнимъ же лѣтомъ, во 1-хъ, вырубили 27 деревъ и потомъ запустили все стадо (онъ сказалъ стадо, а не табунъ) въ [218] барскіе луга и потомъ все отрицали, несмотря на то, что были со всѣхъ сторонъ

уличены. Нѣтъ, милая моя, есть всему предѣль. И дерзость, безсовѣстность, безнравственность, полная безнравственность нашего народа дошла теперь до послѣдней степени. Sans foi ni loi. [219]

Камергеръ съ кверху поднятыми усами, извѣстный по своимъ похощеніямъ съ французскими] актрис[ами], еще что то говорилъ о [220] безнравственности народа и кончилъ тѣмъ, что когда нѣтъ въ людяхъ [221] религіозно–нравственныхъ принциповъ, то сдерживать его можетъ только одинъ страхъ. Брюнетка вспыхнула, но очевидно сдѣлавъ усиліе надъ собой и проглотивъ, какъ говоритъ магометанская мудрость, самую вкусную на свѣтѣ конфету – уже бывшее во рту недоброе слово – замолчала. Но мой [222] сотоварищъ [223] не выдержаль и вступилъ въ разговоръ, возражая камергеру.

Онъ [224] говорилъ, что при теперешнемъ составѣ и направленіи правительства, [225] при отсутствіи всякаго направленія, при полномъ [226] царствующемъ произволѣ [227] нельзя ничего ожидать другого. Вверху безпринципность, произволъ и случайность, тоже и внизу. Измѣниться, улучшиться положеніе можетъ только при [228] возможности складываться людямъ въ тѣ условія, которыя свойственны ихъ политическому возрасту. При теперешнемъ же коснѣніи правительства въ формахъ жизни 16–го вѣка чего же можно ждать отъ народа.

Были возраженія за и противъ. Я [229] не принималъ участія. Орловъ тоже молчалъ и все больше и больше хмурился. Но за то княгиня вмѣшивалась [230] вкривь и вкосъ, [231] очевидно совершенно не понимая то, о чемъ говорилось, но зато съ самымъ рѣшительнымъ тономъ, въ разговоръ, озадачивая говорившихъ. Такъ напримѣръ, когда камергеръ доказывалъ, что за границей собственность уважается, потому что люди имѣютъ уваженіе къ закону, и когда есъ–еръ возражалъ, что уважать можно только тотъ законъ, который установленъ самимъ народомъ, она вдругъ заявила, что она, когда была въ Италіи, то сама видѣла, какъ прачка утромъ стирала бѣлье, а вечеромъ въ прекрасной шляпочкѣ à la какой то моды сидѣла въ театрѣ. [232] Выждавъ время, пока она [233] кончила говорить, разговоръ продолжался. Камергеръ [234] сказалъ, что [235] ничто такъ не развращаетъ народъ, какъ эта дурацкая obsolete община (онъ почему то по англійски выразилъ слово устарѣлое) съ неизбѣжнымъ при ней при всякомъ удобномъ случаѣ пьянствомъ. [236] Съ нашимъ пьянымъ и дикимъ народомъ, теперь еще возбуждаемымъ еврейскими революціонерами, безъ тѣхъ неукоснительно строгихъ мѣръ, который слава Богу введены и поддерживаются, ничего нельзя сдѣлать. Съ человѣкомъ можно и должно обращаться по человѣчески, а съ животными [237] такъ, какъ это свойственно животному. Съ сословіемъ же, лишеннымъ всякаго понятія о нравственности, не считающимъ воровство безнравственнымъ....

– А я такъ думаю, вдругъ вмѣшался Орловъ, что наше русское крестьянство [238] есть то сословіе, которое въ нравственномъ отношеніи всегда стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ сословій.

– Т. е. что собственно вы хотите сказать? сказала, улыбаясь, камергеръ, очевидно готовый на снисхождение къ тѣмъ глупостямъ, которыя можетъ сказать этотъ человѣкъ съ грязными руками и ѣдущій съ ножа (камергеръ замѣтилъ этотъ важный признакъ въ серединѣ обѣда).

– Хочу сказать то, что одинъ изъ главныхъ признаковъ нравственности есть служеніе другимъ людямъ своимъ трудомъ, безъ надежды на вознагражденіе за него. Обратное же, самый вѣрный признакъ безнравственности и таково пользованіе чужими трудами, ничѣмъ не оплачивая за нихъ. И вотъ все крестьянское сословіе въ огромномъ большинствѣ своемъ дѣлаетъ это самое – кормить всѣхъ насъ, ничего не получая за это. Всѣ же другія сословія дѣлаютъ обратное.

– Вотъ какъ! согнувъ голову на бокъ и переглянувшись съ хозяйкой, сказала камергеръ.

Лакей Тарасъ предложилъ ему, въ это время уже скушавшему свою порцію, взять еще компоту, но онъ сердито отказался, сердито потому, что онъ хотѣлъ возражать этому шальному и дерзкому человѣку, съ грязными руками и ѣдущему съ ножа. Но Ек. П. поднялась и улыбаясь сказала:

– Лучше договоримъ въ гостиной, туда и кофе подадутъ.

– Прекрасно, сказала зять. И вставъ, широко перекрестился на уголь. Всѣ встали и перешли въ гостиную. Я, уѣздный докторъ и старшая заинтересованные пошли за ними. Только англичанка съ дѣтьми ушла къ себѣ.

– Во первыхъ, я думаю, что вы изволите ошибаться, предполагая, что крестьянское сословіе не получаетъ вознагражденія за свои труды, – сказала камергеръ, когда мы всѣ усѣлись вокругъ круглаго стола. Я думаю, напротивъ, что они получаютъ гораздо больше того, что даютъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ же, какова бы ни была различными людьми расцѣнка даваемого и получаемого труда, воровство все таки воровство, грѣхъ противъ законовъ, признаваемыхъ всѣми народами, кромѣ нашего теперешняго крестьянства.

Орловъ слушалъ внимательно и то хмурилъ, то поднималъ брови, пристально глядя въ лицо камергера своими блестящими, умными глазами.

– Позвольте прежде всего отвѣтить вамъ на первое – сказала онъ, когда камергеръ кончилъ. Вы говорите, что крестьянское сословіе получаетъ вознагражденіе за свой трудъ. Очевидно, вы понимаете подъ этимъ вознагражденіемъ правительственныя учрежденія, военныя, административныя, судебныя. Но всѣ эти учрежденія....

– По вашему бесполезны, я знаю эти взгляды, но могу сказать только то, что, не будь этихъ учрежденій, мы бы не сидѣли здѣсь и не только

не было бы возможности жить намъ, мнѣ, княгинѣ съ дочерьми нормальной жизнью, но эти самые крестьяне, въ которыхъ вы видите всѣ добродѣтели, давно бы перерѣзали другъ друга...

– Только и слышишь, что драки и убійства среди нихъ, вставила Ек. П. Вчера мнѣ кормилица рассказывала, и началась длинная исторія о кормилицѣ. Когда она кончила, Орловъ продолжалъ.

– Вы такъ изволите думать, и это очень естественно, всякій купецъ свой товаръ хвалить – и Орловъ улыбнулся обворожительно милой улыбкой, озарившей все его лицо, но позвольте же и другимъ и въ особенности заинтересованнымъ въ дѣлѣ людямъ, тѣмъ, кто пользуется этимъ товаромъ, крестьянамъ, имѣть свое мнѣніе. А мнѣніе ихъ совершенно иное.

– Какое бы ни было ихъ мнѣніе, никогда народы не жили безъ государственныхъ учреждений, обеспечивающихъ порядокъ и безопасность жителей.

– Вы изволите говорить, продолжалъ Орловъ, и его старческое лицо вдругъ помолодѣло, глаза блестѣли. Онъ говорилъ спокойно, медленно, и чувство, руководившее имъ, невольно сообщалось мнѣ по крайней мѣрѣ, что не будь всѣхъ этихъ учреждений, судовъ, полиціи, войска, мы бы не сидѣли здѣсь, и Тарась – онъ, улыбаясь, указалъ на вошедшаго лакея съ подносомъ – не подавалъ бы намъ кофе.

Тарась очевидно былъ смущенъ этимъ обращеніемъ къ нему, но какъ лакей «порядочнаго» дома сдѣлалъ видъ, что слова эти произнесены по французски и непонятны ему. За то княгиня была очевидно скандализована и сдѣлала знакъ Тарасу, чтобъ онъ немедленно исчезъ, что Тарась тотчасъ же исполнилъ.

– Правда, продолжалъ спокойно О[рловъ], не будь всѣхъ этихъ учреждений, мы бы не сидѣли здѣсь, во всей этой обстановкѣ, пользуясь трудами многихъ и многихъ голодныхъ, измученныхъ людей, приготовлявшихъ эту обстановку. Но за то не будь всѣхъ этихъ учреждений, не было бы и тѣхъ милліоновъ голодныхъ, измученныхъ трудами людей, которые были принуждены готовить эту обстановку.

– Да это социализмъ! Позвольте мнѣ устраниваться отъ обсуждения этого, давно рѣшеннаго для меня вопроса. Вопросъ шель о воровствѣ, которое вы оправдываете и какъ-то соединяете съ нравственностью.

– Воровство, опять улыбаясь, сказалъ Орловъ, воровство? Что такое воровство?

– Я думаю, что нѣтъ и не можетъ быть разногласія въ томъ, что такое воровство. Воровство – это присвоеніе чужой собственности. Такъ по крайней мѣрѣ понималось до сихъ поръ воровство всѣми людьми міра.

– Присвоеніе чужой собственности, вѣрно, совершенно вѣрно. Но

позвольте васъ спросить, если, какъ я это видѣлъ въ моей молодости на Кавказѣ, одинъ человѣкъ захватилъ въ плѣнъ другого и считаетъ не только самаго этаго плѣннаго, но и его трудъ своей собственностью. Что если этотъ плѣнный освободится отъ власти своего порабитителя и будетъ самъ для себя пользоваться своимъ трудомъ – будетъ этотъ поступокъ воровствомъ?

– Я не понимаю васъ – сказала предводитель, *s'est trop profond pour vous autres*, [239] – сказала онъ, обращаясь къ кн[ягинѣ].

– Совсѣмъ не профонъ – сказала Орловъ, выговаривая французское слово по русски, – а очень просто. Какъ освобожденіе раба отъ своего хозяина не есть присвоеніе чужой собственности, а есть только возстановленіе своего законнаго права, такъ и пользование землей, отнятой отъ людей, имѣющихъ одинаковое право на землю – никакъ не есть присвоеніе чужой собственности, а напротивъ – только возстановленіе законнаго равнаго права всѣхъ людей на ту землю, на которой они живутъ и которой питаются.

– *Nous y voilà*. [240] Прекрасно. Стало быть то, что крестьяне вырубали мой лѣсъ, это не воровство?

– Воровство, какъ вы сами сказали, есть присвоеніе однимъ человѣкомъ собственности другого. И потому для опредѣленія того, что есть воровство, надо рѣшить, что есть собственность.

– Собственность это то, что принадлежите мнѣ по закону.

– Какому закону? – заговорилъ Орловъ, есть законъ божескій и человѣческій. Законъ божескій вѣченъ, законъ человѣч[ескій] подлежитъ измѣненіямъ. Рабы, крѣпостные были собственностью и перестали быть собственностью.

– Какъ что такое собственность, вмѣшалась княгиня. У насъ въ семьѣ наше Знаменское переходить въ 8 поколѣніе и всегда было собственностью отцовъ, такъ какъ же это не собственность.

– И все таки не собственность, воскликнулъ Орловъ.

– Да это: *la propriété c'est le vol* [241] Прудона, сказала камергеръ, спокойно улыбаясь.

– Пожалуй что и такъ, когда собственность не есть произведеніе труда.

– По вашему выходитъ, что за то, что они положили произведеніе своего труда на землю, трудились на ней и наслѣдники ихъ продолжаютъ трудиться на землѣ – у нихъ надо отнять ее и отдать мужикамъ.

– Я ничего не говорю объ отнятіи. Я только говорю, что владѣніе землей не собственность, а захватъ чужой собственности.

- Вот этого я никакъ не пойму, сказала камергеръ, почему это?
- А потому, что если люди живутъ на островѣ, гдѣ всѣ кормятся землей, одинъ присвоить себѣ то, чѣмъ можетъ кормиться другой, онъ отнимаетъ у другого то, что въ извѣстной мѣрѣ должно составлять его собственность, т.-е. совершаетъ[242] то, что мы согласились называть воровствомъ.
- Но вѣдь мы не на островѣ.
- Все равно, поверхность земли не безконечна, а опредѣленна.
- Да, но какъ же такъ ровно раздѣлить землю, вступила въ разговоръ кн[ягиня]. Вамъ сколько сахара? спросила она, разливая кофе.
- Дѣлить не нужно и нельзя, какъ нельзя дѣлить воздухъ, всѣмъ одинаково нужно – сказала Орловъ.
- Какъ же это такъ не дѣлить?
- А такъ, какъ это понимаютъ эти самые «воры» – народъ, такъ, чтобы признавать землю Божьей, общей, и пользоваться ею только съ общаго согласія.
- Да, это тотъ милый міръ съ своей водкой и двухъаршинными полосками, которыя и довели крестьянъ до того, что они всѣ стали теперь ворами.
- Не ворами, а нищими, а довели ихъ[243] до этого не міръ, а землевладѣльцы и правительство.
- Отъ чего въ Европѣ нѣтъ міра, а частная земельная собственность и порядокъ и благоустройство.
- Порядокъ и благоустройство, еще горячѣе заговорилъ Орловъ. Вотъ это то и ужасно, Европа. Наше правительство, – простите меня – состоитъ изъ такихъ глупыхъ, отсталыхъ людей, что они не умѣютъ, не могутъ даже думать своимъ умомъ, руководствоваться условіями своей жизни. Европа? Да и въ Европѣ никогда не было того, что у насъ было и есть – община, земельная община.
- Хороша эта община, поощрительница кабака. Вотъ что община.
- Позвольте, въ русскомъ народѣ жило и живетъ сознание того, что земля не можетъ быть предметомъ собственности и это сознание, опередившее Европу, сознание того, что Европа рано или поздно должна будетъ ввести – оно и начинается кое гдѣ и въ Англіи теперь – и это передовое сознание русскаго народа мы считаемъ отсталостью и беремъ примѣръ съ потерявшей всякое сознание справедливости – Европы.
- Да, хорошо было бы, если бы мы хоть немножко были бы похожи на

Европу. Но вѣдь все, что вы говорите, это общія фразы «Съ общаго согласія». Но какъ? Спрашивается, если земельная собственность неправильна, незаконна, то какъ организовать пользование землею.

– Какъ организовать? Никакъ, а сознавъ несправедливость земельной собственности, признать землю общимъ достояніемъ всѣхъ.

– Да это мы слышали. Но какъ это сдѣлать? Когда одни хотятъ заниматься землею, а другіе заниматься науками, искусствами, торговлей, фабричнымъ производствомъ.

– Сдѣлать такъ, чтобы тѣ, кто пользуется землею, выплачивали бы тѣмъ, кто занимаются искусствомъ, фабричнымъ производствомъ и пр. за то преимущество, которое они имѣютъ, пользуясь землею, общимъ достояніемъ всѣхъ.

– Да это Генри Джорджъ. Единый налогъ.

– Да, Генри Джорджъ. Единый налогъ.

– Но вѣдь это неисполнимо.

– Почему? Неисполнимо казалось освобожденіе рабовъ, у насъ уничтоженіе крѣпостного права гораздо болѣе неисполнимо, чѣмъ освобожденіе отъ рабства земельного. И тогда говорили точно также. Вѣдь дѣло все въ томъ, чтобы сознано было всѣмъ обществомъ, большинствомъ людей преступность земельной собственности. Вѣдь было время, что народъ – рабы не чувствовали всей несправедливости своего рабства и несли его покорно, но прошло время, люди сознали несправедливость, своего положенія и поняли это лучше люди изъ рабовладѣльцевъ и поняли это рабы и нельзя было больше продолжать этого положенія. Только силою можно было удержать рабовъ въ ихъ положеніи, а силой не долго удержишь, – тоже самое и теперь и съ земельнымъ рабствомъ. Точно также лучше люди...

– Такіе, какъ вы.

– Лучшие люди изъ земельныхъ рабовладѣльцевъ понимаютъ и теперь, что это не можетъ такъ продолжаться, и сознаютъ себя преступниками.

– Это мы съ вами, княгиня, преступники.

– Да преступниками. Вы можете не сознавать свое преступленіе, но народъ не можетъ не видѣть его. Онъ не только видитъ, но чувствуетъ его на своей шеѣ. И въ такое время мы ничего умнѣе не можемъ придумать, какъ безнравственный, развращающій народъ законъ 9-го ноября, и только мечтаемъ. о томъ, какъ бы намъ не отстать отъ Европы, хотя мы стоимъ. въ народномъ сознаніи на тысячи верстъ впереди ея. Да это ужасно.

– Да, но какъ же осуществить это?

– Нужно, чтобы люди сознали незаконность, преступность. земельной собственности. А сознают это люди, они найдут средство осуществить освобождение рабовъ земли, такъ же, какъ нашли средства освободить негровъ въ Америкѣ и крѣпостныхъ. въ Россіи, надо только, чтобы люди поняли, что нельзя болѣе продолжать жить при этой вопіющей несправедливости. И не скрывать надо отъ себя, но напротивъ всѣ силы употреблять, на то, чтобы сознать ее также, какъ сознаетъ ее народъ. А мы говоримъ: Европа. Мы, стоящіе по сознанию народа впереди Европы, мы, которымъ такъ легко сдѣлать этотъ шагъ, который неизбежно сдѣлаетъ и Европа, мы справляемся о томъ, что дѣлаетъ Европа, и стараемся затормозить рѣшеніе вопроса и скрыть отъ себя преступность нашего положенія, двойную преступность, потому что мы имѣемъ передъ собой указанія народа.

– Да, что, я значить преступница, вступилась княгиня. Благодарю, мнѣ кажется однако, что вы немножко зарепортовались, милый Н. И.

– Нѣтъ, я ничего этого не говорю, вдругъ уныло сказалъ Орловъ. Нѣтъ, я ничего, ничего не говорю.

Всѣ замолчали. Всѣмъ было неловко. Потомъ вдругъ О[рловъ] вскочилъ и дрожащимъ голосомъ заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, къ кн[ягинѣ], камергеру и особенно къ дочери брюнеткѣ.

– Милые мои, заговорилъ онъ, простите, если я васъ обидѣлъ, но подумайте, ради Бога подумайте, о чемъ я говорю, и вы, Е[катерина] П[етровна], и вы, къ камергеру. Вѣдь это не шутка. Не шутка, а страшное дѣло. Вы говорите о народѣ, о крестьянскомъ народѣ, что они сожгли какіе то сараи, срубили деревья, потравили луга, вы осуждаете, браните ихъ. А вы только подумайте, что они должны испытывать, глядя на эту вашу жизнь, которую они поддерживаютъ только потому, что вы отняли у нихъ ихъ достояніе. Въ особенности потому должны мучительно испытывать, что они также хорошо знаютъ, какъ то, что солнце каждый день всходитъ, что земля Божья, и знаютъ не такъ, какъ мы, по разсужденію, а знаютъ своими боками, что имъ безъ земли жить нельзя, что они, только работая всю жизнь на землѣ и ели-ели питаюсь, могутъ возрастить дѣтей, такихъ же людей, какъ ваши. Подумайте, какое должно быть ихъ смиреніе, терпѣніе, незлобивость, если они, зная все это, продолжаютъ, миллионы и миллионы ихъ, нести свою матеріальную жизнь, только изрѣдка сжигая ваши груши и вишни и вырубая десятки деревъ, выросших на землѣ, которая принадлежит имъ больше, чѣмъ вамъ. Подумайте объ этомъ, оглянитесь на себя и поймите величіе этого народа и поклонитесь ему и попросите его прощенія. А не говорите, что вы хотите устроить его по образцу несчастной, развращенной Европы.

– Странная у васъ мысли Н. И. – сказала кн[ягиня] и начала длинную рѣчь о своихъ обязанностяхъ передъ дѣтьми, о томъ, какіе бываютъ дурные опекуны, о томъ, какія дѣти князя Адашева, а онъ былъ женатъ на Строгоновой, родной сестрѣ извѣстнаго, еще у него была исторія съ Бубновой.

Орловъ молча слушалъ, потомъ вздохнулъ, повернулся и вышелъ скорыми, взволнованными шагами.

— А знаете, я бы не пускалъ такихъ людей въ домъ.

— Что дѣлать. Je le souffre en mémoire de mon pauvre cher Mika. [244]

— Такая каша въ головѣ у этихъ людей, сказалъ камергеръ, обращаясь ко мнѣ, не правда ли, докторъ?

— Я не достаточно обдумалъ этотъ вопросъ, чтобы составить себѣ о немъ опредѣленное мнѣніе.

—

№ 15.

«Я видѣлъ во снѣ, что сижу я за обѣдомъ, въ деревенскомъ аристократическомъ домѣ, за обѣдомъ, кромѣ домашнихъ, гость уѣздный предводитель, врачъ и безъ опредѣленныхъ занятій старичекъ, кажется изъ духовнаго званія, по фамиліи Орловъ, какъ я почему то знаю, бывшій большой другъ старшаго покойнаго сына княгини, про котораго я тоже знаю, что онъ былъ необыкновенно даровитый, передовой человекъ, вродѣ моего покойнаго брата. Я знаю тоже, княгиня принимаетъ этого Орлова только изъ милости, такъ какъ онъ совсѣмъ чуждъ ея міру. Живетъ же онъ теперь у нея потому, что, какъ она мнѣ объяснила во время обѣда, присутствіе такого неприличнаго господина въ ея домѣ тѣмъ, что [онъ] пишетъ біографію de se pauvre cher Mika, [245] какъ по дурацкому аристократическому обычаю она называетъ своего покойнаго сына.

№ 16.

«Я видѣлъ во снѣ, что сижу въ большомъ обществѣ за обѣдомъ и слушаю разговоръ. Говорятъ: хозяйка, к[отор]ую называютъ княгиней и гость уѣздный предводитель. Княгиня, великолѣпная дама, въ огромномъ парикѣ — прекрасныхъ пушистыхъ, замѣняющихъ на плѣшивой головѣ, какъ мнѣ почему то хорошо извѣстно, сплошную лысину, окруженную сѣдыми волосами, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, к[отор]ый, какъ я это почему то тоже знаю, наведенъ разглаживающимъ морщины валикомъ, одѣта въ

черное шелковое платье. Въ ухахъ и на пальцахъ блестятъ брилліанты. Собесѣдникъ ея такой же великолѣпный господинъ, сіяющій и одеждой и лицомъ съ усами, торчащими кверху, и золотымъ пенсне и, какъ мнѣ тоже почему то хорошо извѣстно, человекъ ограниченный, развратный, раззоренный, но несмотря на это, безгранично самоувѣренный и самодовольный.

Разговоръ идетъ о событіи, случившемся въ сосѣднемъ имѣніи. Княгиня многословно рассказала, какъ крестьяне, которымъ ничего, кромѣ благодѣяній, не дѣлалъ графъ, владѣлецъ этого имѣнія, сожгли огромные крытые соломой грунтовые сараи, погубивъ этимъ вѣковыя деревья: шпанскихъ вишень, грушъ-дюшесъ, сливъ и еще какія то плодовые деревья. Княгиня предлагаетъ и совѣтуетъ гостю взять побольше и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ свое возмущеніе на грубость и дикость нашего народа. Въ то время какъ к[нягиня] рассказываетъ это, лак[ей] Захаръ подаетъ ей соте изъ рябчиковъ. Я знаю этого Захара, знаю, что онъ изъ этой же деревни. Знаю почему то и то, что онъ нынче же сбѣгалъ къ отцу и тамъ чуть не поссорился съ нимъ за жену, которую свекоръ чуть не побилъ за дурно испеченные хлѣбы.

— Сердятся на управляющаго и уничтожаютъ вѣковыя деревья. Деревья то въ чѣмъ же виноваты? Прекрасныя, столѣтнія деревья. Поджигателей нашли и судятъ. Ну, ихъ сошлютъ, посадятъ, но деревьевъ то не будетъ.

Такъ говорила княгиня. Предводитель, кушая, пожималъ плечами и подтверждалъ мнѣніе хозяйки.

— Par le temps qui court, c'est tout à quoi nous pouvons nous attendre, [246] сказалъ онъ.

— А вотъ, Лина — и княгиня указала на милую брюнетку меньшую дочь — находить, что это очень мило со стороны крестьянъ, и просить меня написать графу Александру, чтобы простить этихъ поджигателей.

Я смотрю на Лину и вижу и почему то знаю, что она, эта Лина, полная противоположность матери и уже привыкла терпѣть ея нападки, и вижу, какъ она вся вспыхнула и что то пробормотала.

— Что ты говоришь, я не слышу? говорить княгиня.

— Ничего, я только никогда не говорила, что это очень мило, просто мнѣ жалко женъ и дѣтей, они приходили.

— Это очень мило, что вы, княжна, жалѣете ихъ, мягко съ какимъ то особеннымъ, только къ женщинамъ и только къ красивымъ, умилениемъ сказалъ предводитель, обращаясь къ Линѣ, но что же дѣлать, что же дѣлать, повторилъ онъ, при чѣмъ усы стояли твердо кверху. И онъ, пріятно улыбнувшись, обратился къ хозяйкѣ и подробно рассказалъ, какъ у него, въ его имѣніи нынѣшнимъ же лѣтомъ вырубилъ 27 деревъ, а потомъ запустили все стадо (онъ сказалъ стадо, а не табунъ) въ его

луга и какъ я ничего, ничего не могъ сдѣлать, сказалъ онъ.

А я между тѣмъ почему то знаю, что онъ сдѣлалъ оч[ень] много, т. к. десятокъ крестьянъ болѣе полугода таскаютъ по тюрьмамъ и теперь еще двое изъ нихъ сидятъ, дожидаясь суда.

– Нѣтъ, повѣрьте, милая княжна, есть всему предѣлъ, опять съ нѣжностью обратился онъ къ дочери. Дерзость, безсовѣстность, безнравственность, полная безнравственность нашего народа дошли теперь до послѣдней степени. Sans foi ni loi.[247]

Предводитель съ кверху поднятыми усами, какъ мнѣ почему то это тоже было точно извѣстно, давно уже не платящій свои долги и большой любитель француженокъ, при томъ же и дуэлистъ, имѣвшій въ своей жизни двѣ affaires d'honneur, [248] которыми онъ очень гордился, много говорилъ о безнравственности народа и кончилъ тѣмъ, что когда нѣтъ въ людяхъ религіозно-нравственныхъ принциповъ, то сдерживать такой народъ можетъ страхъ и только одинъ страхъ...

Тогда одинъ изъ обѣдавшихъ, кажется врачъ, какъ я тоже почему то знаю, одинъ изъ людей, к[отор]ымъ совершенно все равно, какъ живутъ люди, но к[отор]ые считаютъ нужнымъ и привычнымъ осуждать все, что дѣлаетъ правительство – вступилъ въ разговоръ, возражая предводителю. Онъ разводилъ руками передъ тѣмъ, что совершается: «Было худо, казалось хуже не могло быть, а вотъ еще хуже. И куда мы идемъ». Онъ говорилъ всѣ эти обыкновенныя слова о томъ, что при теперешнемъ составѣ и направленіи правительства, при отсутствіи всякаго направленія при полномъ царствующемъ произволѣ нельзя ничего ожидать другого. Вверху безпринципность, произволъ и случайность. Измѣниться, уллучшиться положеніе можетъ только при возможности складываться людямъ въ тѣ условія, которыя свойственны ихъ политическому возрасту. При теперешнемъ же коснѣніи правительства въ формахъ жизни XVI в., чего же можно ждать отъ народа и т. д. и т. д.

Кто то возражалъ, кто то соглашался. Все было неинтересно, и всѣмъ, кто говорилъ, было все все равно. Я тоже почему то зналъ это. Забавно было то, какъ княгиня вкривь и вкосъ вмѣшивалась въ разговоръ, какъ я хорошо видѣлъ и зналъ, совершенно не понимая того, о чемъ говорилось, но за то своимъ рѣшительнымъ тономъ озадачивая говорившихъ. Я тоже зналъ, что ей еще болѣе, чѣмъ другимъ, было все равно, но ей скучно б[ыло] сидѣть и не говорить, а она не хотѣла лишать себя этого удовольствія. Когда предводитель доказывалъ, что за-границей собственность уважается, потому что люди имѣютъ уваженіе къ закону, и когда врачъ возражалъ, что уважать можно только тотъ законъ, который установленъ самимъ народомъ, она вдругъ заявила, что она, когда была въ Италіи, то сама видѣла, какъ прачка утромъ стирала бѣлье, а вечеромъ въ прекрасной шляпкѣ à la Reine de Prusse [249] или что то подобное сидѣла въ театрѣ. Выждавъ время пока она кончила говорить, предводитель продолжалъ тамъ, гдѣ былъ прерванъ.

– Въ Европѣ рабочій народъ – люди. Но съ нашимъ пьянымъ и дикимъ народомъ, теперъ еще возбуждаемымъ жидами революціонерами, безъ тѣхъ неукоснительныхъ строгихъ мѣръ, которыя, славу Богу, введены и поддерживаются, ничего нельзя сдѣлать. Съ человѣкомъ можно и должно обращаться по человѣчески, а съ животными такъ, какъ это свойственно животному. Съ сословіемъ же, лишеннымъ всякаго понятія о нравственности, не считаемъ воровство безнравственнымъ...

Вдругъ съ конца стола послышался голосъ пріятный и взволнованный, повторившій слова пр[едводителя]:

– «Безнравственное сословіе. Хорошо безнравственное сословіе». Говорилъ это совершенно плѣшивый только съ курчавыми бѣлыми волосами на вискахъ и такой же бородкой старичекъ въ грязномъ пиджакѣ, безъ видимаго бѣлья, съ грязными руками, но съ прекрасными умными, милыми голубыми глазами.

Я какъ будто и знаю и не знаю этого человѣка. Знаю, что онъ чудакъ, кажется любить выпить, но золотое сердце и свѣтлый умъ.

– Хорошо безнравственное сословіе, то сословіе [которое] кормить всѣ другія нравственныя, вдругъ заговорилъ онъ усмѣхаясь.

Предводитель пожалъ плечами, выражая недоумѣніе передъ смѣлостью этого страннаго, съ грязными руками человѣка. Но тутъ княгиня поднялась шурша платьемъ и сказала.

– Лучше договоримъ въ гостиной, туда и кофе подадутъ.

– Прекрасно – сказалъ предводитель. И вставъ, широко перекрестился на уголь, въ которомъ хотя и очень маленькій, но все таки виднѣлся образокъ. А я почему то будто бы знаю, что не вѣрить этотъ г-нь ни въ чохъ, ни въ смерть, и въ ту минуту, какъ крестится, думаетъ нѣкоторыя такія мысли о тѣлесномъ сложеніи княжны, которыя я знаю, но не могу и не хочу сказать здѣсь.

И вотъ я вижу себя въ гостиной слушающимъ страшно интересующій меня разговоръ пр[едводителя] съ старичкомъ.

№ 17.

«Сонъ».

«Я видѣлъ на дняхъ удивительный сонъ. Больше всего меня поразили высказанныя въ этомъ снѣ однимъ человѣкомъ мысли. Я въ тотъ же день

записаль то, что говорилъ этотъ человекъ, а также и тѣ разныя лица, которыхъ я видѣль въ этомъ снѣ, и тѣ обстоятельства, которыя вызвали рѣчь этого человека. Обстоятельства эти, какъ всегда бываетъ въ снахъ, представлялись мнѣ въ безпорядкѣ, такъ что нельзя было разобрать, что было прежде, что послѣ. Для того же чтобъ все, что происходило во снѣ, было понятнѣе, я записаль этотъ сонъ не такъ, какъ онъ безсвязно представлялся мнѣ, а такъ, какъ все бываетъ наяву, т.-е. все по порядку по времени, что прежде, что послѣ.

Сонъ былъ вотъ такой:

Вижу я, что сижу въ большомъ обществѣ, за обѣдомъ и слушаю разговоры. Говорять: хозяйка, которую называютъ княгиней, и гость, кто то очень важный. По крайней мѣрѣ я знаю, что онъ считаетъ себя очень важнымъ.

Разговоръ идетъ о событіи, случившемся въ сосѣднемъ имѣніи. Хозяйка многословно рассказала, какъ крестьяне, которымъ ничего, кромѣ благодарній, не дѣлалъ какой-то графъ или князь – владѣлецъ имѣнія – сожгли грунтовые сараи, погубивъ этимъ вѣковыя деревья: шпанскихъ вишень, грушь-дюшесъ, сливъ и еще какихъ то необыкновенныхъ деревьевъ. Хозяйка рассказываетъ это, а я смотрю на нее и мнѣ смѣшно то, что прекрасные, такъ хорошо причесанные ея волосы не имѣютъ ничего общаго съ ея головой, про которую я, какъ это бываетъ во снѣ, почему то навѣрно знаю, что она вся плѣшивая и что только на вискахъ есть сѣдые волосики. И знаніе это въ соединеніи съ ея торжественнымъ видомъ и величественнымъ тоже, какъ я знаю, поддѣльнымъ бюстомъ, и брилліантами въ ушахъ и на пальцахъ, доставляетъ мнѣ какое то особенное удовольствіе.

– Ну-ка, ну-ка, поговори, думаю я себѣ, а я все знаю:знаю даже и то, какъ утромъ разглаживали тебѣ валикомъ морщины на щекахъ и лбу. Говори, говори, а я послушаю.

Собесѣдникъ ея тоже великолѣпный господинъ съ усами, торчащими кверху, и золотымъ пенснэ и, какъ мнѣ тоже почему то хорошо извѣстно, человекъ ограниченный, развратный, раззоренный, но несмотря на это, безгранично самоувѣренный и самодовольный. Онъ внимательно учтиво слушаетъ хозяйку и, поднимая плечи и закрывая глаза, разводитъ руками въ знакъ сочувствія и сознанія возмущенія противъ такихъ поступковъ.

– Que voulez vous, Princesse, avec ce malheureux peuple. [250]

Хозяйка совѣтуетъ гостю взять побольше. Гость благодаритъ и слѣдуетъ ея совѣту. Въ это время лакей Захаръ подаетъ господину соте изъ рябчиковъ. Я знаю Захара, знаю, что онъ изъ крестьянъ этой же деревни, и знаю почему то и то, что онъ нынче же сбѣгалъ къ отцу и тамъ крупно поговорилъ съ нимъ за жену, которую свекоръ чуть не побилъ за дурно испеченные хлѣбы, и ему оч[ень] тяжело на душѣ, но

въ эту минуту все вниманіе его направлено только на исполненіе своей сложной обязанности.

– Сердятся на управляющаго и уничтожаютъ вѣковыя деревья. Прекрасныя, столѣтнія деревья. Въ чемъ же виноваты деревья? Je vous demande un peu?[251]

– Поджигателей нашли, говорить кто то.

– Ну, их сошлютъ, посадятъ. Но деревьевь то не будетъ.

– Par le temps qui court c'est tout à quoi nous pouvons nous attendre,[252] сказала г[оспод]инь, и я почему то знаю, что въ это самое время онъ думаетъ: какая она однако глупая. Твердить все одно и то же.

И вотъ мнѣ представляется, что хозяйка обращается на другой конецъ стола, указывая на черноглазую, миловидную дѣвушку – я знаю, что это дочь хозяйки, и говорить:

– А вотъ Лина находить, что это сдѣлали милые мужички очень мило, и просить меня написать графу Александру, чтобы простить этихъ поджигателей. Какъ вамъ это нравится?

Я смотрю на ту, на кого указываетъ княгиня, и вижу, какъ эта черноглазая дѣвушка вся вспыхнула и что то пробормотала.

– Что ты говоришь, и т. д »

№ 18.

Онъ говорилъ и во все время его рѣчи я глядѣлъ только на него и изрѣдка на дочь и на Аркадія. Я чувствовалъ и зналъ, что оба они понимаютъ его, восхищены его рѣчью и благодарны ему. Аркадій все время, какъ легко было догадаться, придумывалъ поводы оставаться въ гостиной, и дѣлая видъ, что занятъ лампой, подносомъ, сбившимся ковромъ, жадно слушалъ. Какъ это бываетъ во снѣ, я зналъ это, мало того, какъ это тоже бываетъ во снѣ, гдѣ времени нѣтъ и неизвѣстно, что прежде, что послѣ, я почему то зналъ, что нынче вечеромъ Ар[кадій], придя въ свою комнату, вписалъ въ своемъ дневникѣ. Ходилъ къ папашѣ, все обижаетъ мою Варвару, пуще всего мамаша, да слава Богу, обошлось мирно. Вслѣдъ за этимъ было записано. Ну ужъ пробралъ Ник[олай] Ив[ановичъ] и барыню и гостя, и туда и сюда метались, не даетъ ходу. Грабители, говорить, вы всѣ дармоѣды, ужъ такъ ловко, что надо бы лучше да некуда.

№ 19.

[Четвертая редакция статьи «Сон».]

Сонь.

Я видѣлъ на дняхъ запомшившійся мнѣ сонъ. Такой сонъ, про который вспоминаешь на яву: «что, бишь, это случилось нынче такое важное» – спросишь себя. И вспомнишь, что такое особенно важное было то, что видѣлъ во снѣ.

Вижу я, что кто то такой невидный мнѣ, но очень близкій[253] человекъ, старичокъ, горячо говорить, возражая[254] не одному, а многимъ людямъ на ихъ утверждение о томъ, что среди крестьянского народа[255] въ послѣднее время крестьяне не считаютъ узко дурными поступками ни поджоги, ни убійства, ни воровство, такъ что въ наше время крестьяне дошли до послѣдней степени безнравственности.[256] И какъ это бываетъ во снѣ, гдѣ нѣтъ послѣдовательности времени,[257] въ одно и то же время слышу[258] то, что говорить старичокъ, и то, [259] что[260] вызвало утверждение о безнравственности крестьянства. [261] Вызвали же эти утверждения рассказы о томъ, какъ крестьяне въ одномъ мѣстѣ доггли помѣщичій домъ, гумно, грунтовые сараи, [262] вырубилъ лѣсъ, какъ потравили луга, какъ увезли даже стогъ сѣна. Рассказываютъ это старая дама, какъ я почему то знаю, очень богатая и важная, и [263] молодой г[осподи]нъ, особенно раздраженный противъ крестьянъ.

Дама все повторяетъ: ну хорошо, они сердятся на помѣщика, на прикащика, но деревья то, вѣковыя деревья, чудныя груши дюшесь, шпанки вишни, они то въ чемъ виноваты. Истинно варвары.

– Не[264] осталось признаковъ какого либо нравственного сдерживающаго начала, говорить молодой г[осподи]нъ и рассказываетъ случай воровства въ его имѣніи.

Старичокъ вступаетъ только тогда, когда мол[одой] г[осподи]нъ рѣшительно высказалъ свое мнѣніе о всеобщей безнравственности крестьянского сословія. [265]

– Безнравственное сословіе, говорить онъ, [266] хорошо безнравственное сословіе то, которое одно кормитъ всѣ другія. Думаю, что какъ про человека, который живетъ не для себя, а для другихъ, нельзя сказать, что такой человекъ безнравствененъ, точно такъ же, думаю, и про сословіе, а крестьянское сословіе есть то, трудами котораго живутъ всѣ другія сословія.

Вы говорите[267] воровство: [268] украли у васъ деревья въ лѣсу, стравили ваши луга, увезли сѣно. [269] Но вѣдь это не воровство, это

только возстановленіе нарушеннаго права. Вѣдь если, какъ это бывало [270] на Кавказѣ, одинъ князекъ сдѣлаеть набѣгъ на аулъ и отобьетъ и угонить всѣхъ лошадей аула, [271] а одинъ изъ жителей какъ-нибудь вернетъ себѣ отбитую у него лошадь, то вѣдь ясно, что онъ не укралъ, а только вернулъ украденное. Тоже и съ вашими деревьями въ лѣсу, травами, [272] хлѣбами, всѣмъ тѣмъ, [273] что производитъ земля и чѣмъ вы незаконно пользуетесь. Не у васъ украли и крадутъ, а вы, не переставая, поколѣніе за поколѣніемъ, дѣлаете то самое преступленіе, въ которомъ упрекаете народъ, обворовываете его, отнимая отъ него самое нужное, неизбѣжно нужное всякому человѣку и несомнѣнно принадлежащую ему ою собственность: равное всѣхъ людей право на ломлю.

Опять я въ одно и то же время слышу его рѣчь и [274] возраженіе ему. Ему говорятъ, что земля ость такая же собственность, какъ и всякая другая, что нельзя отнять ее, не поколебавъ основы всякаго порядка, что нельзя и распредѣлить равномерно землю, что проэктъ Единого налога Ген[ри] Дж[оржа] неисполнимъ, что въ Европѣ существуетъ земельная собственность и существованіе ея не мѣшаетъ порядку и благоустройству. И я слышу, какъ онъ отвѣчаетъ на всѣ эти возраженія.

— Нѣтъ. Земля не такая же собственность, какъ всякая другая. Вы можете владѣть всѣмъ золотомъ, всѣми бриліантами, всѣми автомобилями, [275] парчами, рысаками міра, и другимъ людямъ [276] это все равно, но не то съ землею. Если вы владѣете землею, которая мнѣ нужна для пропитанія, вы владѣете мною, я становлюсь рабомъ того, кто владѣетъ нужною мнѣ землею. [277] Право земельной собственности, защищаемое законами, т. е. насиліемъ, есть право рабства, [278] по своимъ послѣдствіямъ точно такое же, какъ рабство [279] крѣпостное, но только не прямое, опредѣленное, а посредственное, неопредѣленное. Тамъ Петръ былъ рабъ Ивана, [280] а теперь рабъ неизвѣстнаго х, которому нужно кормиться на моей землѣ. Тогда утверждалось закономъ насиліе, право владѣнія извѣстными крѣпостными, теперь утверждается право владѣнія неизвѣстными рабами также закономъ, поддержива[ющимъ] насиліе. [281]

Говорятъ, [282] нельзя распредѣлить землю равномерно. А я говорю, что и не нужно ничего распредѣлять. Говорить это все равно, что было бы говорить во время крѣпостнаго права, что нельзя распредѣлить равномерно крѣпостныхъ. Дѣло было не въ распредѣленіи крѣпостныхъ, а въ признаніи незаконности владѣнія человѣкомъ человѣка. Тоже и теперь: дѣло не въ распредѣленіи, а въ признаніи преступности владѣнія землею. [283] А какъ только люди признаютъ эту преступность, и правительства перестанутъ поддерживать эту отжившую форму рабства, люди сами найдутъ средства распредѣлить землю и выгоды съ ея пользованія равномерно между всѣми, хотя бы по мысли Ед[инаго] нал[ога] Генри Дж[оржа], если они не найдутъ лучшаго.

– Дѣло только въ томъ, чтобы признать незаконность, преступность земельного рабства, такъ же какъ въ 50 годахъ была признана преступность крѣпостного рабства, а какъ только это будетъ признано, найдутся и средства исполненія. Къ счастью, ото уже начинается признаваться лучшими людьми нашего круга, какъ это было по отношенію крѣп[остного] права, главное же съ особенной силой, вызванной страданіями, несравненно большими, чѣмъ при крѣп[остномъ] правѣ, страданіями всего порабощеннаго народа. II страданія, вызванныя теперешнимъ безличнымъ рабствомъ земельнымъ, не могли по быть больше тѣхъ, которыя вытекали изъ крѣп[остного] права. Тамъ[284] крѣпостные были связаны съ владѣльцами, владѣлецъ если не сострадалъ, то видѣлъ въ рабѣ орудіе труда и[285] изъ боязни потерять, поддерживалъ его. Теперь же рабовладѣльцу все равно, онъ и не знаетъ раба, пропадетъ одинъ, сейчасъ явится на его мѣсто другой. Пропадай пропадомъ, кто попало, я не виноватъ, я только владѣлецъ собственности, священной собственности. Въ этомъ весь ужасъ теперешняго положенія.

Старичокъ все больше и больше горячился.

– Ужасъ теперешняго положенія въ томъ, [286] что въ оправданіе себя говорятъ: Европа, посмотрите на Европу. Ахъ, Европа, Европа, которой намъ тычутъ въ глаза, которой наше правительство по бѣдности своей мысли считаетъ нужнымъ подражать. Такъ сейчасъ, когда земельный вопросъ такъ назрѣлъ, что требуетъ рѣшенія, мы ничего не умѣемъ выдумать, какъ законъ 9 ноября, разрушающій вѣковые устои русской общины, стирающійся разрушить въ сознаніи народа, признающемъ общей принадлежность земли всему народу, имѣющій только одну цѣль – разорить народъ, привить ему соблазнъ земельной исключительной собственности. Все только для того, чтобы этотъ вашъ графъ съ 10–ю тысячами десятинъ могъ бы сказать мужику, у котораго пять десятинъ: у тебя пять десятинъ, а у меня 10–ть тысячъ – мы одинаково собственники. Европа? Прельщать насъ. можетъ въ Европѣ только до высшей степени совершенства доведенное фарисейство. Грабятъ въ Европѣ, какъ и у насъ и такъ же, какъ у насъ дѣлятъ награбленную добычу между капиталистами, землевладѣльцами, чиновниками и точно такъ же нѣтъ ограбленнымъ другого выхода изъ своего положенія, какъ участіе въ грабительствѣ – переходъ въ сословіе грабителей, что и совершается, такъ что почти невозможно разобрать, кто кого грабитъ. Разница между нами и Европой только та, что тамъ условія государственной и общественной жизни такъ сложны, такъ запутаны, что уже трудно, почти невозможно разобрать, кто кого грабитъ. У насъ же, какъ ни стараются въ министерствахъ и Думахъ завести то же устройство, еще, слава Богу, видно, простымъ глазомъ видно, кто кого и какъ грабитъ. У насъ еще видно по крайней мѣрѣ тому, у кого есть глаза, чтобы видѣть, а главное видно мужикамъ, которые если бы и не видѣли, чуяли бы это своими боками, кто главные воры и грабители. Мужики твердо знаютъ, что не у васъ украли деревья въ лѣсу, а вы и ваши родители вѣками обворовывали сотни тысячъ людей, и то, что у какого–то тамъ графа уничтожили его персики или что то тамъ такое, такъ если счесть все то, что уничтожилъ этотъ графъ жизней людскихъ, стариковскихъ, дѣтскихъ, женскихъ отъ недостатка соотвѣтствующей

пищи, отъ сверхсильнаго труда, которые терпѣли нѣсколько поколѣній люди отъ того, что данная имъ, какъ и всѣмъ людямъ, Богомъ земля была отнята отъ нихъ. А вы говорите про преступниковъ крестьянъ. Вотъ кто преступники.

Тутъ все смѣшалось, я не помню послѣдовательно, что было послѣ этихъ словъ. Помню только, что послѣ этого старичокъ заговорилъ совсѣмъ другое и совершенно другимъ и не прежнимъ строгимъ, а тихимъ внутреннимъ голосомъ.

– Милые мои, – заговорилъ онъ, вы не обижайтесь, а подумайте, ради Бога подумайте объ этомъ дѣлѣ, о своей душѣ подумайте. Вѣдь это не шутка, а страшное дѣло. Вы только подумайте, что они должны испытывать, тѣ люди, которыхъ вы не только не жалѣете, но еще и осуждаете. Что должны испытывать эти люди, глядя на эту вашу жизнь, съ вашими тенисами, парками, конными заводами, дворцами, какъ этотъ, съ всей вашей безумной роскошью? Вѣдь они не могутъ не знать, что вся эта роскошь существуетъ потому, что они своими жизнями поддерживаютъ ее, а поддерживаютъ ее только потому, что вы отняли у нихъ ихъ достояніе – данную всѣмъ намъ равно Богомъ землю. А что земля Божья, они такъ же хорошо знаютъ, какъ то, что солнце каждый день всходитъ и заходитъ, и знаютъ не такъ, какъ мы, по разсужденіямъ, а знаютъ своими боками. Знаютъ потому, что какъ только у нихъ отберутъ землю, они должны работать то, чего имъ не нужно, или умирать съ семьями съ голоду. Подумайте, какое должно быть ихъ смиреніе, терпѣніе, незлобивость, если они, зная все это, прододжаютъ, милліоны и милліоны ихъ, нести свою тяжелую жизнь, только изрѣдка вырубая десятки деревь, выросшихъ на землѣ, которая принадлежитъ имъ больше, чѣмъ вамъ. Подумайте объ этомъ, оглянитесь на себя и поймите величіе этого народа и поклонитесь ему и попросите его прощенія. А не говорите, что вы хотите устроить его по образцу несчастной, развращенной Европы. Нѣтъ, милые мои братья, сестры, поймемъ свой грѣхъ, покаемся въ немъ.

Старичокъ хотѣлъ говорить еще, но тутъ случилось что то бессмысленное, не имѣющее никакой связи со сномъ, и такое, что какъ это бываетъ во снѣ, не показалось мнѣ тогда страннымъ, но что я теперь не могу даже вспомнить. И я проснулся и въ воображеніи повторилъ и записалъ кое-что изъ того, что слышалъ отъ говорившаго человѣка.

Комментарии А. И. Никифорова

ТРИ ДНЯ В ДЕРЕВНЕ. СОН.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

«Три дни в деревне» состоит из четырех статей: 1) «Первый день. Бродячие люди», 2) «Второй день. Живущие и умирающие», 3) «Третий день. Подати» и 4) «Заключение. Сон». Именно такой вид текста был утвержден Толстым в письме к В. Г. Черткову от 14 января 1910 года, где Толстой писал: «Работы свои, кажется, очень неудачные я кончил, рад, что развязался с ними. Вы виновны в том, что они в более или менее художественной форме. Все это вместе должно составить одно целое. И как это ни плохо каждое отдельно, вместе это может быть полезно. Вместе это так: 1-й день в деревне – бродячие люди. 2-й день в деревне. Живущие и умирающие. 3-й день в деревне. Подати, и 4-й Сон. Две из них переписаны, две будут переписаны на днях и высланы вам» (т. 89).

Процесс писания показывает, что в «Трех днях в деревне» соединились три разновремененно возникших замысла и, следовательно, три различных произведения. Об этом ясно говорят дневниковые записи. Раньше других был начат «Сон» (23 октября 1909 г.). Параллельно со «Сном» возникло произведение «Бродячие люди» (начато 14 ноября). Наконец, 1-го лишь декабря возникает замысел написать «Три дня в деревне», т. е. мысль дополнить «Бродячие люди» еще двумя этюдами. И только когда «Три дня» были готовы (около 14 января), Толстой присоединяет к ним и «Сон»

Сон.

Первым по времени произведением, из вошедших в «Три дня в деревне», был, как указано, Сон (в Дневнике заглавия: «Записки лакея», «Сон», «Разговор за обедом», «Орлов», «Разговор»; в рукописях: без заглавия, «Из воспоминаний врача», «Сон», «Разговор»).

Еще в середине 1880-х гг. Толстой познакомился с сочинениями американского экономиста Генри Джорджа. В 1885 г. он писал В. Г. Черткову: «Я был нездоров с неделю и был поглощен George'ом и последней и первой его книгой: «Progress and Poverty», которая произвела на меня очень сильное и радостное впечатление. Прочтите, когда будет время. Оболенскому необходимо прочесть. Книга эта замечена, но не оценена, потому что она разрушает всю эту паутину научную, спенсеро-миллевскую – всё это толчение воды и прямо

призывает людей к нравственному сознанию и к делу и определяет даже дело. Есть в ней слабости, как и во всем человеческом, но это настоящая человеческая мысль и сердце, а не научная дребедень. Я здесь поручил узнать его адрес и хочу написать ему письмо. Я вижу в нем брата, одного из тех, которых, по учению апостолов, любишь больше, чем свою душу» (см. т. 85, стр. 144). В списке сочинений, оказавших влияние на Толстого в 1880-х гг., он сам отводит книге Джорджа «Прогресс и бедность» «очень большое влияние» (Б, III, стр. 141). Упоминает Толстой Джорджа в те же годы в разговоре с Г. П. Данилевским (там же, стр. 31). В 1890-х гг. Толстой говорит о Джордже с американцем Эрнестом Кросби, в 1894 г. пишет письма о Джордже Т. М. Бондареву и Эжену Шмиту. По поводу смерти Г. Джорджа 24 октября 1897 г. Толстой пишет жене: «Как ни странно это сказать, смерть эта поразила меня, как смерть очень близкого друга... Чувствуешь потерю настоящего товарища и друга» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». М. 1913, стр. 532).

Во время работы над «Воскресением» Толстого сильно занимают идеи Джорджа, и он вводит их в роман. Мысли о срочности и необходимости земельной реформы в духе Джорджа мучают и волнуют Толстого в феврале 1902 г. во время почти смертельной болезни. Он диктует П. А. Буланже мысли о проекте Джорджа (Б, IV, стр. 61). Едва оправившись от болезни, он пишет два письма о том же великому князю Николаю Михайловичу (там же, стр. 63). И августа 1905 г. Толстой пишет предисловие к статье С. Д. Николаева: «В защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа» (отдельное издание «Посредник» № 630. М. 1906). В 1906 г. Толстой пишет предисловие к книге Генри Джорджа «Общественные задачи» (изд. «Посредник» № 659. М. 1907). В 1907 году посылает письмо Столыпину о необходимости уничтожения частной собственности на землю на основаниях, указанных Г. Джорджем. (Письмо опубликовано Н. Н. Гусевым в «Юбилейном сборнике» «Лев Николаевич Толстой», ГИЗ. 1928, стр. 84–89.) 28 августа 1908 г. в день 80-летия Толстой отвечает теплым письмом на приветствие союза австралийских лиг земельной реформы («Единый налог») (Б, IV, 158). 2 июня 1909 г. Толстой с интересом ожидает свидания с сыном Генри Джорджа. 5 июня принимает корреспондента «Русского слова» и пишет для этой газеты статейку о земельной собственности опять с изложением идеи Генри Джорджа. (Статья не была напечатана в «Русском слове» и появилась в «Русских ведомостях».) 20 августа 1909 г. Толстой записывает в Дневнике: «Разговор с Тенишевым об Едином налоге». 21 августа: «Говорил с Гольденвейзером и Николаевым о Едином налоге». 27 августа: «Много думается... и о проекте для Маклакова. Попробую сказать», т. е. Лев Николаевич думает поднять вопрос о проекте Джорджа в Государственной думе через депутата В. А. Маклакова. 28 августа: «...«С утра приехал Маклаков, Цингер, Семенов. Я позвал Маклакова и говорил с ним о том, чтобы он поднял вопрос в Думе. Он говорит, что ничего не знает о Генри Джордже и что вопрос не может не только пройти, но и вызвать суждения». 29 августа: «Попытаюсь написать тезисы для Маклакова». 30 августа Толстой пишет еще письмо к Столыпину, о чем говорит запись 31 августа: «Вчера продиктовал Саше письмо к Столыпину, едва ли кончу и пошлю». (Письмо действительно не было отправлено.) Через месяц Толстой думает о письме к царю по тому же вопросу; под 27 и 28 сентября запись: «Обдумываю письмо государю о земле, самой, кажется, первой

важности...» 9 октября, после беседы с Чельшевым, Толстой отмечает в Дневнике, что некоторые мысли Чельшева могут «связаться с Единым налогом» (см. т. 57).

Наконец, Толстой берется за художественное воплощение своих мыслей по земельному вопросу, где находят место идеи Генри Джорджа. Таким произведением является «Сон». 22 октября 1909 г. в Дневнике Толстого читаем: «Теперь 12-й час. Видел прекрасный сон о том, как я горячо говорил о Г. Жорже. Хочу записать. Очень бы хорошо. Но слаб. Стало быть Он не хочет, т. е. Ему не нужно» (см. т. 57). 23 октября Толстой записывает в Дневнике: «Всё хочется писать. Пошел гулять... Вернулся, сначала не хотелось, а потом написал сон свой о Генри Джорже. Не совсем хорошо, но и не совсем дурно» (там же). Совершенно очевидно, что эти две записи относятся именно к началу работы над «Сном». С этим согласуется и запись на его обложке (см. ркп. № 31) и указание письма Толстого к Полилову (имя, которым прикрылась дочь Толстого Татьяна Львовна), где между прочим читаем: «Вопрос о земле, т. е. о земельном рабстве, хотя и считается вопросом политическим, есть вопрос нравственный, вопрос нарушения самых первобытных требований нравственности, и потому вопрос этот не только занимает меня, но мучает меня... Вопрос этот так мучает меня, что я на днях видел очень яркий сон, в котором среди общества «ученых», оспаривая их взгляды, излагал взгляд на существующую вопиющую несправедливость земельной частной собственности... Я кое как записал этот сон и хотел исправить, напечатать». [287] Таким образом ясно, что замысел «Сна» берет начало в сновидении. Его первая черновая редакция относится к 23 октября. Гольденвейзер отметил 23 октября 1909 г. как хороший трудовой день Толстого: «Лев Николаевич бодр, но всё же не вполне тот, чем он был в Москве. Лишь сегодня он хорошо и много поработал» («Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 353). Первая черновая редакция «Сна» напечатана нами полностью в вариантах под № 7. Сновидение было не только источником самого замысла, но и источником его первичной диалогической формы («как я горячо говорил о Г. Жорже»).

Ближайшие следующие дневниковые записи Толстого о «Сне» падают на конец октября и начало ноября 1909 г. 31 октября «К запискам лакея. [288] Говорят о земле. Старик всё время молчит и начинает говорить только тогда, когда его вызвали». 6 ноября. «Не только 6-е, но и 7-е нынче. Вчера утром получил прекрасное письмо от Полилова о Г. Джорже и отвечал ему... Сегодня опять поправлял письмо Полилову, прочел и написал письма и начал поправлять «Сон». 8 ноября... «Много писем, поправил «Песни на деревне» и Сон. Порядочно»... 9, 10 ноября... «Вчера 9-го ходил по саду, потом очень много относительно писал. Сон и письма. Сон может быть не дурен...» В записи мыслей этого же дня под № 3 значится: «Потом записано к речи Орлова в Сон». (Имеется в виду, очевидно, запись в Записную книжку.) А 11 ноября в Дневнике читаем: «2) (к сну). Мы отстали. Слава Богу, что отстали, т. е. народ отстал, не развратился еще и может вывести нас развращенных уже на верную спасительную дорогу всеобщего равенства, при котором только возможна любовь. Этого-то нам, высшим «образованным» и не хочется, и мы всячески стараемся не выходить на эту дорогу, а напротив оставаться в прежнем положении и развратить народ и школами и Законом Божиим и наукой и, главное, двумя китами: каждое по 760

миллионов – одно прихода – кабаки, другое расхода – солдатство. Собираем доход с развращения, приучения к пьянству, и расходует то на приучение к убийству» (т. 57). Этот текст ни в один вид текста «Сна» не вошел.

Текст первой редакции был сильно испорчен машинисткой при переписке (пропустила всю 17-ю страницу рукописи, изменила некоторые слова). И Толстой по копии начинает править текст. Так получилась первая переделка первой редакции (ркп. №№ 32 и 33). Вероятно, она относится к 31 октября, так как записи 8 ноября в Дневнике говорят о второй и третьей переделках первой редакции (см. обложки ркп. №№ 34 и 35). Впрочем возможно, что первая переделка была сделана 6 ноября, когда Толстой получил толчок к работе вследствие письма Полилова о Генри Джордже. Важнейшие особенности первой переделки первой редакции следующие.

Вместо первых шести строк (см. вариант № 7) появляется новое обстоятельное начало, которое печатаем в вариантах под № 8.

В переделке увеличено число действующих лиц с четырех до одиннадцати (прибавлены две дочери хозяйки, гувернантка, два мальчика, студент-учитель, умерший брат Ламинцев), пополнены, оживлены и конкретизированы характеристики лиц. Далее расширена конечная запись лакея. Вместо строк 23–30 сверху на стр. 369 в первой переделке первой редакции читаем:

«Хорошо говорилъ С. Т. съ предводителемъ, ужъ такъ выворотилъ все дѣло наружу, что онъ и туда суда, да не вышло его дѣло. Н. И. не даль ходу. Все правильно говорилъ: земля божья, а кто ей владѣеть, тотъ воръ. Не тотъ, кто дубъ въ лѣсу срѣзалъ, а тотъ, кто весь лѣсъ захватилъ. Охъ, хорошо высказывалъ. Приходила братнина невѣстка, сказывала не миновать корову продавать. Что же мнѣ то? У меня своей нужды въ волю»

Материал суждений автор также расширяет. Так, расширена тема «мужики воры» и особенно тема о земельной собственности. Стр. 365 строка 32 стр. 366 строка 3 варианта № 7 снабжены большой вставкой, которую мы публикуем в вариантах под № 9.

Остальные особенности первой переделки – стилистические попытки индивидуализировать речи действующих лиц. В языке княгини и предводителя увеличено число французских фраз, язык Орлова сделан стремительным и порывистым.

Таким образом главная работа Толстого в первой переделке – художественная и лишь в небольшой степени идейно-логическая.

Между 31 октября и 6 или 8 ноября сделана небольшая правка Толстым нового начала первой переделки (ркп. № 33, начало). В этой правке автор расширил описательные характеристики Ламинцева (самобытный и радикальный человек) и Орлова (пьет, не кончил университета и т. п.) и немного поправил стиль.

8, 9 и 10 ноября Толстой еще дважды серьезно работает над текстом,

который перед работой в отдельных частях перебеливается на машинке, в других переносится механически из предшествующего текста. Так получились вторая (р.кп. № 34) и третья (р.кп. № 35) переделки рассказа.

Важнейшие особенности второй переделки первой редакции: снова значительно исправлено начало, которое печатаем в вариантах под № 10.

Далее Толстой несколько увеличивает число ремарок, – вставлены, например, слова: «сказал Предводитель, когда они уселись вокруг круглого стола»; или: «Орлов слушал внимательно и то хмурил, то поднимал брови, пристально глядя в лицо Предводителя своими большими добрыми глазами» и др. В темы беседы никаких поправок не внесено.

Важнейшие особенности третьей переделки первой редакции. Предводитель назван «верным слугой» государю и отечеству, «каким он сам считал себя», характеристика Орлова обогащена описанием его внешности (см. вариант № 11).

Приписаны моменты *mise en scène* и новые ремарки (см. вариант № 12).

Затем в третьей переделке более полно развернуты отдельные темы разговора, особенно вместо вставки в первой переделке (см. вариант № 9) со слов: «Разумеется, при вопросе о том... Но ведь мы не на острове» теперь имеется новый текст (см. вариант № 13).

Таким образом третья переделка есть исправление частью художественной формы, частью тематического материала второй переделки.

Вторая редакция. Окончив третью переделку первой редакции, Толстой отдал перебеливать на машинке несколько листов и получил полный текст (р.кп. № 36 содержит остатки от этого текста). Но он автора не удовлетворил. Толстой делает такой сдвиг в работе, который позволяет говорить о возникновении почти нового произведения. Я его называю второй редакцией «Сна». Общая сводка работы Толстого над первой редакцией (все ее переделки) показывает, что автор для определенного тематического содержания ищет всё более и более художественной формы и прежде всего недоволен чисто литературной характеристикой действующих лиц.

Работа над первой редакцией, которая под пером Толстого не получила никакого заглавия, а в Дневнике называлась «Записки лакея» и «Сон», была закончена около 10 ноября. После этого числа Толстой 14 ноября без всякой связи со «Сном» начинает писать статью о безработных (т. е. «Первый день в деревне»), а 21 ноября снова возвращается к «Сну» и заносит в Дневник: «писал с начала разговор за обедом». Далее после записей 23 ноября и 3 декабря, интересных для душевного настроения Толстого за это время, [289] запись о «Сне» встречаем лишь 7 декабря: «Писал Орлова. Немного подвинулся». 8 декабря читаем: «Спал всю ночь. Проснулся слабый и нездоровый, но с очень ясным умом. Записал оч[ень] хорошее для разговора. Пришел гость – не хочется». 9 декабря: «Поправил добавление о Н[ищих], начал

поправлять «Разговор за обедом». 10 декабря: «Занимался всё Сном нехорошо»... 11 декабря: «Хотя поздно начал, но довел хотя вчерне до конца «Сон». 12 декабря: Поправлял Сон. Еще придется поработать. Но форма эта может быть удачная». 13 декабря: «Работал над «Сном». Подвигается» (см. т. 57).

На этих записях остановлюсь. Сравнительный анализ этих записей с состоянием рукописей дает вполне надежное решение вопроса о внешней стороне работы над второй редакцией. Третья редакция, в основе которой лежит перебеленный текст второй редакции, находится в обложке, на которой стоит дата, хотя и не рукой Толстого, но вполне согласующаяся с данными дневника: «11 дек. 09». Эта третья редакция в рукописи уже названа «Сон». Если до 10 декабря в Дневнике Толстой колеблется в названии своей статьи, то с 10 декабря он принимает «Сон», как единственное для нее название. Только раз еще 17 декабря, т. е. тогда, когда уже он бесспорно работал над третьей редакцией, он назвал статью «Разговором». До 10 же декабря были другие названия.

Если, далее, сопоставить записи Дневника с 21 ноября по 9 декабря включительно с палеографическими данными и заглавиями, то получим следующее. Пространное обозначение произведения «Разговор за обедом» (21 ноября) есть новость в Дневнике Толстого. Надо думать, что эта новость связана именно с новой редакцией, т. е. вернее с ее началом, тем более, что Толстой выражается: «писал», а не «поправлял». (Я отношу запись 21 ноября к стр. 374 строка 23–стр. 378 строка 24 варианта № 14.) Дальше идут другие чернила, а запись 7 декабря как раз и говорит о том, что Толстой снова «писал Орлова. Немного подвинулся». Действительно, серыми чернилами дописывается начало и правится несколько листов дальше (т. е. захватывают строки стр. 378 строка 25–стр. 379 строка 35 варианта № 14). Начиная на стр. 380 со слов: «государственных учреждений» появляются снова чернила лиловые, и следы их находим до конца текста второй редакции. Этот конец, очевидно, обрабатывался в третий прием и между прочим в самом конце дана на двух особых листках вставка – последний монолог Орлова (стр. 384 строка 9–по строку 32). Я думаю, что именно к этому монологу и относится запись 8 декабря. «Записал оч[ень] хорошее для разговора». [290] Конец «Из воспоминаний врача» производит впечатление не полной законченности. С этим вполне согласуется пометка 8 декабря, что Толстому помешали в работе: «Пришел гость, не хочется». Запись 9 декабря относится к просмотру второй редакции до ее перебели. Слово «нехорошо» в записи 10 декабря свидетельствует о недовольстве автора этой редакцией в белом виде, и Толстой ее снова очень крупно перерабатывает уже в третьей редакции. Приведенные соображения, во-первых, датируют вторую редакцию, относя ее начало к 21 ноября, а завершение к 8 или 9 декабря, и во-вторых, доказывают, что вторая редакция работалась не меньше чем в три присеста, что не могло не отразиться и на технике ее выполнения.

Текст второй редакции напечатан нами целиком в вариантах под № 14 по ркп. № 37. Он имеет совершенно иное оформление (форму личных записок), иной конец, больше действующих лиц, вместо предводителя – камергер, прибавлен уездный врач, Орлов сделан человеком с достоинством, громадной выдержкой и спокойствием, т. е.

противопоставлен, горячему Орлову первой редакции, дано изображение внешности действующих лиц, в текст рассуждений внесены сокращения в одних случаях и увеличение текста в других и т. д. Таким образом вторая редакция представляет собою совершенно новое художественное произведение, написанное именно «с начала», по собственному свидетельству автора.

Четыре страницы второй редакции, сильно испещренные поправками, пошли в переписку и, видимо, были снова поправлены (см. ркп. № 38). Получилась правка второй редакции. Исправления невелики и носят большей частью стилистический характер.

Третья редакция. Текст второй редакции был перебит машинисткой почти целиком, перенесено механически было немного. Как указано выше, запись 10 декабря дает указание на недовольство автора работой: «Занимался всё Сном, нехорошо...» 11 декабря в Дневнике читаем: «Хотя поздно начал, но довел хотя вчерне до конца Сон» (т. 57). На обложке третьей редакции мы имеем дату 11 декабря (ркп. № 39). Таким образом начало работы над третьей редакцией определенно датируется. 10–11 декабря 1909 г.

В третьей редакции заглавие «Из воспоминаний врача» зачеркивается, и над ним вписывается новое – «Сон». Отныне так в рукописях будет всегда называться текст. Важнейшие особенности новой редакции следующие. Всё, что говорило о записках врача или было вызвано формой записок, вычеркивается, и вместо этого вводится новое начало (см. вариант № 15).

Главная работа над художественной рамкой третьей редакции сводится к многим почти механическим сокращениям.

В этом начале третьей редакции «Сна» между прочим механически выброшен эпизод о родах дочери, бывший во второй редакции (см. вариант № 14, стр. 374 строки 26–35), в остальном текст лишь стилистически приспособлен к новой внешней рамке да кое-где подправлен. Дальше опять механически выброшены из второй редакции стр. 375. строка 10 («А этот самый Мика...») по строку 17. Текст на стр. 375 строка 18–25 (... пальцах) целиком сохранен. Далее выброшены слова строки 21 на стр. 375 «как врачу», а вместо них вписано: «почему то» (т. е. приспособление к новой рамке), и в строке 24 стр. 375 «шелковым» заменено «газовом». Дальше строки 25 – 37 стр. 375 механически пропущены, получилось: «потом мой сотоварищ, уездный доктор, очень милый, потом студент»... и так дальше, текст рамки сохраняется без больших пропусков до самого начала диалога, т. е. до строки 25 стр. 378. В нем только характеристика социал-демократа врача (строки 1–5 стр. 376) перенесена на строку 24 стр. 377 перед словами «не выдержал». Надо предполагать также мелкие стилистические изменения. Этот обзор текста начала внутренней рамки показывает, что третья редакция сохраняет эту рамку в механически сжатом виде сравнительно со второй редакцией.

Далее в третьей редакции выпал доктор – автор записок, камергер снова превращается в предводителя, выпали характеристики внешности камергера, Орлова, Лины. Другими словами, вводя свой материал в

рамку сновидения, Толстой начинает (и в последующих редакциях усиливает) обратную работу отказа от приемов конкретизации и прояснения художественного материала и идет к выставлению его в более туманной или общей форме.

И в тематике третьей редакции Толстой начинает сокращать материал. Так, выброшены из второй редакции стр. 379 строки 17–34 и 45–48, стр. 380 строки 26–29, стр. 380 строка 32–стр. 381 строка 15, стр. 381 строки 17–35. Т. е. Толстой почти возвращается по объему тем к первой редакции. Кроме того, местами сняты части диалога и взята установка на монолог Орлова, который написан почти заново (см. ркп. № 39а). Всё произведение, следовательно, перестроено по форме, приближающейся к четвертой редакции (см. вариант № 16). Новая редакция представляет опять совершенно особое произведение. Это – авторская запись собственного сновидения в виде диалога–спора.

12 декабря, на следующий день после доведения до конца третьей редакции, в Дневнике Толстого читаем: «Поправлял Сон. Еще придется доработать. Но форма эта может быть удачная» (см. т. 57). На обложке листков от первой переделки третьей редакции (ркп. № 40) дата – «12 декабря 1909 г.» В первой переделке третьей редакции Толстой очень значительно правит начало текста. Его новый вид см. в вариантах под № 16.

Толстой делает новое сжатие текста. Крупные пропуски – характеристика Орлова в начале (варианта № 14, стр. 374 строка 36 – стр. 375 строка 171) общее впечатление от обеда (стр. 376 строки 7–12), реплика (стр. 377 строки 2–3), ремарка (стр. 377 строки 20–23).

Дальше вносятся ряд фраз, внедряющих в текст форму сна, например: «Я слушаю...», «Как это, почему–то тоже знаю», «Как мне почему–то хорошо известно...», «и вижу и почему–то знаю» и др. Автором снимается цифра действующих лиц и некоторые лица (сын княгини, англичанка, студент, младшие дети княгини), остаются княгиня («хозяйка»), предводитель, Лина и врач. Орлов превращен просто в старичка, «который, кажется, любит выпить», и отличается снова порывистостью и горячностью. Предводитель охарактеризован как развратник. В отношении тем дано только одно сокращение; стиль почти не правится. Т. е. первая переделка третьей редакции главную работу ведет над художественной рамкой статьи, оставляя содержание и стиль нетронутыми.

После 12 декабря имеются следующие ближайшие записи в Дневнике.

13 декабря: «Работал над сном. Подвигается». 14 декабря: «Продиктовал письма и кое что ко сну...». 15 декабря: «Думал о сне – кажется хорошо, но не в силах писать». 17 декабря: «Поправлял немного разговор. Нехорошо, но приближается. Просмотрел и приписал к (Нищенство и народ) конец. Не дурно». Все эти указания оправдываются текстовым материалом. 17 декабря значится на обложке третьей переделки третьей редакции: значит, вторая переделка третьей редакции приходится на 13, 14 или 15 декабря. На рукописной обложке второй переделки рукой В. М. Феокритовой значится дата 15 декабря, но она возбуждает сомнение по трем причинам: 1) определенно указано,

что 15 декабря автор не в силах был писать, а только «думал» о «Сне»; 2) к второй переделке приложены 3 листка блокнота с текстом, предназначенным для вставок, но писанным рукой А. Л. Толстой. Это очевидно то, что продиктовано 14 декабря; 3) вторая переделка обнаруживает значительную работу автора, которая не могла быть не отмечена 14 или 15 декабря. Таким образом остается дата 13 декабря, которая примиряет все неясности. 13 декабря Толстой именно «работал». Дату же на обложке легко объяснить тем, что Толстой лишь 15 декабря мог передать новую переделку для переписки, и именно дата перебелики и поставлена на обложке. Таким образом вторая переделка третьей редакции появилась 13 декабря, т. е. на следующий же день после первой переделки (см. ркп. № 41).

Опять значительная часть работы уходит на начало, которое принимает сильно отличный от первой переделки третьей редакции вид (см. вариант № 17).

Во второй переделке Толстой продолжает затуманивать действующих лиц: вместо княгини чаще «хозяйка»; вместо предводитель – «кто-то очень важный» или «великолепный господин с усами торчащими кверху», вместо Орлова «какой-то человек, которого все называли Николаем Ивановичем». Усиливаются фразы: «вижу я», «я замечаю это», «помню только» и т. п. Совершенно переделан ввод главного героя. Вместо слов первой переделки третьей редакции: «Вдруг с конца стола послышался голос приятный и взволнованный, повторивший слова предводителя» (см. вариант № 17), во второй переделке читаем:

«И вот тут началось то, что мнѣ показалось замѣчательнымъ въ этомъ сновидѣніи. Вдругъ послышался голосъ. Я теперь не могу вспомнить и опредѣлить, за столомъ ли сидѣлъ тотъ человекъ, который заговорилъ или это было послѣ обѣда. Знаю только, что заговорилъ человекъ, котораго всѣ называли Николаемъ Ивановичемъ и что Ник. Ив. былъ мнѣ очень знакомъ, близокъ даже, и что все, что онъ говорилъ, было мнѣ знакомо, но какъ то по новому выражено, такъ что особенно запало мнѣ въ память. Наружность Н. И–а я хорошенько не помню и не могу восстановить. Помню только блестящіе, голубые глаза и бѣлые серебряные, курчавые, сѣдые виски по обѣимъ сторонамъ лба. Про внѣшность его знаю то, что одѣтъ онъ былъ очень дурно и руки у него были грязныя, знаю потому, что про растерзанность его костюма и нечистоту его рукъ я слышала замѣчанія и кн[ягини] и господина съ усами».

Имеется еще вставка в этой переделке, продиктованная Толстым дочери Александре Львовне. Толстой возвращается к старой концовке – записи лакея, которого он теперь называет Аркадием. Печатаем ее в вариантах под № 18.

В темах небольшие поправки, например, в монологе старика в конце сделано распространение.

Таким образом, во второй переделке третьей редакции, при сохранении почти неизменным тематического и стилистического материала первой переделки, направлено серьезное внимание на обработку внешней

художественной рамки сна.

Под 16 декабря в Дневнике Толстого записей о работе над «Сном» нет, а 17 декабря значится: «Поправлял немного разговор. Нехорошо, но приближается. Просмотрел и приписал к (Нищенство и народ) конец. Не дурно». Однако на обложке ближайшей переделки значится рукой О. К. Толстой дата «16 декабря 09». С другой стороны, запись 17 числа вполне подходит к следующей четвертой переделке первой редакции. Возникает предположение, что Толстой создал третью переделку 16 декабря, но не вписал об этом в Дневник.

Третья переделка третьей редакции кое-где вводит эмоциональный авторский комментарий, в роде: «И я понимаю эту девушку, потому что знаю», «я замечаю это, и мне противно», «я замечаю с злорадством, что он не умеет говорить по-русски», «княжна ничего не отвечает – и это мне нравится в ней» и др., выбрасывает весь кусок о лакее и местами немного расширяет отдельные места тематического содержания. Т. е. третья переделка, главным образом, продолжает работу над рамкой сновидения и вызываемой ею формой.

Как выше сказано, четвертая переделка третьей редакции (ркп. № 43) третьего очерка возникла 17 декабря. Четвертая переделка дает главным образом стилистическую правку с очень немногими некрупными поправками в темах да снова делает из «господина» – предводителя.

19 декабря в Дневнике Толстого читаем: «Поздно взялся за работу. Но всё таки недурно успел просмотреть обе статьи и близко к концу. Особенно радостно при сознании работничества это спокойствие, неторопливость, отсутствие желанья сделать скорее то-то и то-то...» (см. т. 57). «Обе статьи» – это «Сон» и «Первый день в деревне». Запись совпадает с датой 19 декабря на обложке пятой переделки третьей редакции (см. ркп. № 44). В пятой переделке продолжается работа над рамкой сна. В начале сделана вставка:

«Я видѣль на дняхъ запомнившійся мнѣ сонъ. Такой сонъ, про который вспоминаешь наяву. «Что бишь это случилось нынче такое важное» – спросишь себя. И вспомнишь, что такое особенно важное было то, что видѣль но снѣ. Больше всего меня поразили высказанныя въ этомъ снѣ мысли».

Далее Толстой обращается к переделке концовки и вместо механически передвигавшихся строк 33–46, страницы 384 варианта № 14, в пятой переделке написана новая концовка и тут же исправлена. Вот эти две редакции новой концовки:

Черновая (в скобках – зачеркнутое).

Редакция, вписанная по зачеркнутому.

<И вотъ тутъ случилось нѣчто необыкновенное. Рѣчь этого кого то об>
<кто то> хотѣль говорить еще, но тутъ случилось необыкновенное.
<Господинъ подскочилъ къ княгинѣ, схватилъ съ ея головы парикъ, она

опередила и завизжала и бросила парикъ въ того, кто говорилъ. Парикъ же былъ бомба. Онъ вдругъ лопнулъ съ страшнымъ звукомъ и я проснулся. Звукъ <же взрыва былъ который я слышалъ во снѣ>, былъ ударъ захлопнутой двери, <въ которую вошелъ мальчикъ, разбудившій меня>.

«Кто то» хотѣлъ говорить, еще, но тутъ случилось что то необыкновенное.

– Забудьте, забудьте, кричала княгиня. И только что кто то успѣлъ проговорить что то, какъ княгиня подняла руки кверху и бросила что [то] на землю

– Вотъ вамъ, коли такъ – крикнула она.

И что то съ страшнымъ звукомъ лопнуло, и я проснулся. Звукъ, разбудившій меня, былъ ударъ захлопнутой двери. [291]

Остальные поправки стилистические. В темах сделана вставка в монологической части:

«Мы ничего не умѣемъ выдумать какъ законъ 9–го ноября, разрушающій вѣковые устои русской общины, старающійся разрушить въ сознаниі народа, признающемъ общей принадлежность земли всему народу, имѣющій только одну цѣль разорить народъ, привить ему соблазнъ земельной исключительной собственности. Все только для того, чтобы этотъ вашъ графъ съ 10000 дес[ятинъ] могъ бы сказать мужику, у к[отор]аго 5 десятинь: у тебя 5 дес., а у меня 10.000, мы одинаково собственники».

Затем изменен последний заключительный монолог. Вместо текста, который переносился из второй редакции (см. вариант № 14, страница 384 строки 9–32, теперь получился текст буквально перешедший в четвертую редакцию (см. страница 394, строки 18–43). 20 декабря упоминаний в Дневнике о работе над «Сном» нет, но что автор чувствовал конец работы, можно видеть из его письма к В. Г. Черткову от 20 декабря 1909 г., где Толстой между прочим пишет: «Я совсем здоров и бодр и понемногу работаю. Результаты: статьи Сон и бродяч[ие люди], на днях думаю послать вам» (см. т. 89). По 21 декабря в Дневнике значится лаконически: «Сон скверно. Я всё выкинул, и остался один сон» (см. т. 57). Эту лаконическую запись расшифровывает текст шестой переделки (рпк. № 45), на обложке которого нет никакой даты, но который по внутренним признакам надо несомненно отнести к 21 декабря. По правому полю текста пятой переделки почти сплошь (на 19 лл. из 24, составлявших белой текст пятой переделки) проведена карандашная линия с пометкой «пр.», т. е. пропустить. Остались лишь пять строк начала да несколько листов в конце. Действительно Толстой «всё выкинул, и остался один сон».

Четвертая редакция. Судя по тому, что на обложке первой переделки четвертой редакции имеется дата 21 декабря, можно утверждать, что

четвертая редакция сделана 21 декабря, т. е. в тот же день, когда Толстой отказался от последней переделки третьей редакции. Всматриваясь в этот новый текст от 21 декабря (ркп. № 46), констатируем, что в нем мы имеем совершенно новое произведение, с новым художественным замыслом, несмотря на то, что осталось прежнее заглавие «Сон» и отдельные, хотя и небольшие части текста механически перешли сюда из предшествующей работы писателя. Эта четвертая редакция нами издается в вариантах под № 19. Новый очерк построен на принципе художественного монолога дискуссионного типа, вставленного в рамку сновидения. Идеино-логическое содержание в новом виде произведения берет верх над художественной рамкой.

22 декабря в Дневнике Толстого записано: «Письма... потом Сон и всё не кончил. Ездил верхом. Вечером опять поправлял Сон» (см. т. 57). Эта запись относится к первой переделке четвертой редакции. На обложке ее (ркп. № 47) дата «21 дек. 09». Эту дату, вероятно, надо понимать как канун дня работы. Дело в том, что текст первой переделки сильно правлен и именно потому производит впечатление правки не одного раза. Предполагать тройную работу 21 декабря (шестая переделка третьей редакции, четвертая редакция и первая переделка четвертой редакции) нет оснований. Вместе с тем последующие записи Дневника согласуются с датами следующих переделок, если отнести первую переделку на 22 декабря. В первой переделке сокращена и изменена начальная рамка сна. Вместо текста стр. 390 строка 23 – стр. 391 строка 24 четвертой редакции (см. вариант № 19) в первой переделке читаем:

Я видѣлъ на дняхъ такой значительный сонъ, что въ слѣдующій день нѣсколько разъ говорилъ себѣ: «что, бишь, это случилось нынче такое важное?» И вспоминалъ, что это особенно важное было то, что я видѣлъ во снѣ.

Вижу я во снѣ, что въ большомъ обществѣ кто-то рассказываетъ о томъ, какъ крестьяне въ одномъ мѣстѣ сожгли помѣщичій домъ и грунтовые сараи, какъ въ другомъ вырубили въ лѣсу лучшія деревья, какъ въ третьемъ потравили луга и увезли даже стогъ сѣна. И слышу я какъ кто то изъ присутствующихъ говорить: «Да, до такой степени въ послѣднее время крестьяне развратились, что ни поджоги, ни убійства, ни воровство уже не считаются преступленіями».

И тутъ вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на эти слова я слышу въ сторонѣ отъ всѣхъ голосъ стараго какого-то старичка, никогда мною невиданнаго, но почему то хорошо извѣстнаго мнѣ, который говорить, не обращаясь ни къ кому особенно:

– Воровство, говорить онъ...

Дальше исправлено несколько ремарок в паузах между частями монолога, например вместо строк 14–17 страницы 394 варианта № 19 вставлено:

«Старичекъ говорилъ еще что-то, чего я не помню. Послѣднія же слова его мнѣ особенно памяты.

Толстой делает ряд перестановок текста, небольших вставок, распространяет словесно отдельные мысли и вообще правит идейно-логическую сторону произведения.

23 декабря в Дневнике значится: «Опять поправлял обе статьи» (т. е. «Сон» и «Первый день в деревне»). 24 декабря: «Опять не раз правил «Сон» и Бродяги. Видно, «откупался». На обложках второй и третьей переделок значится дата: «23 XII 09», на четвертой переделке – 24 декабря, на пятой – даты нет. Таким образом вероятно 23 и 24 декабря Толстой работал дважды в день, и во всяком случае переделки вторая, третья и четвертая относятся к этим двум дням.

Всматриваясь в текст второй переделки четвертой редакции (рпк. № 48), видим, что она может быть названа логико-стилистической. В логическом направлении меняют текст несколько вставок, не особенно крупных, и перестановки значительных отрывков. Большинство же поправок, внесенных в текст второй переделки, невелики: два-три слова, фраза. Рамка первой переделки третьей редакции оказалась совершенно нетронутой. Количество тем и общая структура их те же.

Третья переделка четвертой редакции (рпк. № 49) датируется, как указано, 23 декабря. В ней внимание автора снова обращено на концовку, которая вместо строк 44–49 страницы 394 варианта № 19 получает следующий вид:

«Старичекъ хотѣлъ говорить еще, но тутъ случилось что то безсмысленное, не имѣющее никакой связи со сномъ и такое, что, какъ это бываетъ во снѣ, не показалось мнѣ тогда страннымъ, но что я теперь съ трудомъ могу вспомнить. Въ комнату вошелъ продавецъ игрушекъ, кто то сталъ торговаться съ нимъ, а я сталъ рассчитывать, сколько барыша на каждой игрушкѣ беретъ торговецъ. И усиліе вычислить этотъ барышъ разбудило меня. Я проснулся и въ воображеніи повторялъ и записалъ то, что помнилъ изъ рѣчи старичка. Въ серединѣ рѣчи я мож[еть] быть и прибавилъ что нибудь, но конецъ рѣчи я хорошо помнилъ и записалъ такъ, какъ слышалъ».

Вместо неопределенного старичка Толстой снова возвращается к Орлову:

«Я слышу въ сторонѣ отъ всѣхъ тихій, пріятный голосъ какого то старичка, никогда мною невиданнаго, котораго я признаю немножко за моего покойнаго друга Орлова, съ сѣдыми висками, немножко за помощника начальника станціи».

Остальные особенности третьей переделки логико-стилистическіе. Две вставки не вносят ничего существенно нового в смысл текста.

Четвертая переделка четвертой редакции (рпк. № 50) составлена 24 декабря 1909 г., когда в Дневник записано: «Опять не раз правил Сон и Бродяги». В новой редакции еще раз изменена концовка. Она получила такой вид:

«Человѣкъ этотъ хотѣлъ говорить еще, но тутъ случилось что то

безсмысленное, не имѣющее никакой связи со сномъ и такое, что, какъ это бываетъ во снѣ, не показалось мнѣ тогда страннымъ, но что я теперь съ трудомъ могу вспомнить. Знаю только, что я проснулся весь полный словами говорившаго человѣка. Я повторилъ ихъ себѣ и записалъ то, что помнилъ».

Кроме того по всему тексту логико–стилистическая правочная работа.

Пятая переделка четвертой редакции (р.кп. № 51) имеет уже в конце текста дату и подпись самого автора: «25 Дек. Лев Толстой». Действительно, в Дневнике в этот день читаем: «вечер. Опять исправлял сон. Немного лучше. Сонливость и слабость. Странное чувство. Испытываю нечто особенное новое сложное, которое хочется выразить. И скорее художественное образное» (см. т. 57).

Особенности пятой переделки таковы. Она дает новую работу над рамкой: и над началом ее и над концовкой. Начало первой переделки четвертой редакции, переходившее механически во вторую, третью и четвертую переделки в пятой изменено так:

«Я видѣлъ на дняхъ такой значительный сонъ, что въ слѣдующій день нѣсколько разъ говорилъ себѣ: «что, бишь, это случилось нынче такое важное?» И вспоминалъ, что это особенно важное было то, что я видѣлъ или вѣрнѣе слышалъ во снѣ. Слышалъ же очень поразившую меня рѣчь одного, какъ это часто бываетъ во снѣ и незнакомаго и оч[ень] хорошо извѣстнаго мнѣ человѣка. Началось это съ того, что кто то одинъ рассказывалъ, что мужики сожгли помѣщичій домъ и грунтовые сараи, а въ сараяхъ были вѣковыя деревья шпанскихъ вишенъ и дюшесъ, а другой рассказывалъ, какъ у него въ лѣсу срубили 15 дубовъ и даже увезли стогъ сѣна». Сплошные воры, говоритъ кто то, такъ развратились, что ни поджоги, ни воровство уже не считаются преступленіями».

И тутъ вдругъ какъ бы въ отвѣтъ на эти слова въ сторонѣ отъ всѣхъ слышу голосъ этого знакомаго и незнакомаго человѣка, котораго я признаю немножко за моего давно умершаго друга Орлова, съ сѣдыми висками, немножко за добраго пьющаго старичка Ник[олая] Андреевича], служившаго у моего брата».

Но особенно сильной переделке подверглась концовка. Здесь исписано в рукописи две страницы, многое зачеркнуто. Не приводя зачеркнутого текста, укажу, что в переделке фигурирует неожиданно появившаяся старушка, которая упрекает говорившаго за то, что тот не отдал ей три с полтиной за какую–то посуду, и что автору приходится унимать старушку. Окончательный же вид концовки в пятой переделке определился так:

«Такъ говорилъ этотъ человѣкъ и слова его все больше и больше умиляли меня. И мнѣ вдругъ пришла мысль: неужели это только во снѣ. И какъ только подумалъ это, я проснулся и тотчасъ же повторилъ себѣ все то, что слышалъ во снѣ, и потомъ записалъ. Можетъ быть, что, записывая, я что–нибудь прибавилъ, измѣнилъ въ подробностяхъ, но

сущность рѣчи я передаю совершенно вѣрно, такъ, какъ слышалъ ее во снѣ».

Затем в пятой переделке текст монолога подвергнут крупной логико-стилистической правке, причем внесена на особом листке новая тема – рабовладельцами являются и дворяне, и купцы, и фабриканты, и чиновники, и ученые, и писатели, и музыканты. Эта тема соответствует в основном тексте стр. 28 строкам 6–19.

26 декабря в Дневнике Толстого есть запись: «Проснулся бодрее. Записал для Сна, погулял, письма. Сон кажется окончательно поправил» (см. т. 57). Эта запись относится к шестой переделке четвертой редакции (ркп. № 52). В ней снова изменена концовка на следующую:

«Какъ хорошо онъ говорить! – подумалъ я. Неужели это во снѣ. И какъ только я подумалъ это, я проснулся. Проснувшись, я повторилъ себѣ все то, что слышалъ во снѣ и записалъ. Пусть не думаютъ, что я придумалъ дать форму сна тому, что я записалъ здѣсь. Я точно видѣлъ или скорѣе слышалъ все записанное во снѣ въ ночь съ 11-го на 12 декабря. Правда, что я часто думаю на яву о земельномъ вопросѣ, но того, что я записалъ, я не думалъ на яву и услышалъ только во снѣ. Оч[ень] можетъ быть, что, записывая сонъ, я что-нибудь невольюно измѣнилъ и прибавилъ въ изложеніи подробностей. Во снѣ все было проще, яснѣе, убѣдительнѣй, но сущность слышаннаго мною во снѣ записана мною совершенно вѣрно».

Остальные особенности шестой переделки опять логико-стилистические. Почти каждый лист испещрен поправками, вставками, сокращениями. Вложено 4 листа почтовой бумаги с вставками, расширен несколько тематический материал, введены новые темы: учреждение министров, судов, университетов, флотов, подводных и воздушных судов – на псевдо-пользу (а в действительности во вред) народу, или тема: народ знает истину и др. Во всяком случае шестая переделка дает действительно большую логическую переделку предшествующего материала. Толстой пронумеровал шестую переделку красным карандашом, и, ему казалось, окончил с нею работу над произведением («Сон, кажется, окончательно поправил»).

Седьмая переделка четвертой редакции (ркп. № 53) датирована и подписана в конце текста самим автором: «27 дек. ЛевъТолстой». В Дневнике под этим числом читаем: «Опять писал только Сон». Седьмая переделка образовалась из шестой путем правочных наслоений (по перебеленному почти целиком тексту шестой переделки). Переделку эту можно назвать снова логико-стилистической. Отмечу, что и рамка, т. е. начало и конец, тоже стилистически подправлены. В конце, например, вместо сказанного в шестой переделке: «Пусть не думают, что я придумал дать форму сна тому, что я записал здесь»... в седьмой переделке читаем: «но я не выдумываю то, что всё это я видел во сне» и т. п.

Седьмая переделка была перебелена почти целиком, и Толстой снова принялся за правку, вероятно, 28 декабря, так как в Дневнике под

этим числом значится: «Ничего не ел целый день. Только утром походил. Зато хорошо просмотрел Сон. Можно так оставить. И не дурно» (см. т. 57). Так на основе седьмой переделки возникла восьмая переделка (рукопись № 54). Она обнаруживает именно «хороший» просмотр, так как дает работу карандашом, серыми и лиловыми чернилами, т. е. указывает, что текст просматривался три раза. Характерно, что рамка в восьмой переделке почти не тронута. В концовке сделано несколько словесных замен. Поправки в монологе носят почти исключительно стилистический характер, но есть и более существенные смысловые передвижки.

Закончив работу, 28 декабря Толстой передает ее в переписку уже окончательную, и она была переписана на тонкой бумаге in Fo в пяти экземплярах. Все пять хранятся в рукописях, на них на машинке написанная дата: «28 декабря 09 года. Ясная Поляна». 29 декабря записи в Дневнике Толстого о «Сне» нет, а 30 декабря читаем: «Хорошо ответил Семенову и приятелю Гусева, потом поправил «Сон». Очевидно, на 30 декабря падают поправки, которые превращают восьмую переделку в девятую (рkp. № 55). Эта редакция – мелко-стилистическая: вставляются отдельные слова, исправляются фразы и т. п. Только в трех-четырёх местах Толстой захватил поправками до 5–6 строк. При этом поправки мало касаются рамки.

31 декабря 1909 г. и 1 января 1910 г. в Дневнике Толстого записей никаких нет, а 2 января 1910 г. значится: «Вчера всё как обыкновенно, опять поправлял сон... Вечером разговор о земле с Сер[ежей]... Третьего дня 31 утром кажется что-то поправлял» (см. т. 58). Дальше снова запись: «2 янв. 1910. Поправлял Сон» (там же). На обложке десятой переделки пометка «1 янв. 09» (конечно ошибочно вместо «10 г.»). Эта десятая переделка образовалась из наслоений частью на пятом дублете восьмой переделки, частью на перебеленном тексте девятой переделки.

Десятая переделка четвертой редакции (рkp. № 56) дает еще логико-стилистическую правку текста и весьма значительную. В рамке же поправки мелко стилистические. Самая значительная – перенос даты сна из концовки на начало произведения и изменение самой даты. Вместо: «в ночь с 11 на 12-е октября» в концовке девятой переделки в десятой читаем в начале... «В ночь с 12-го на 13-е декабря я видел такой значительный сон»... Почему взята декабрьская дата, а не октябрьская – неясно.

Как сказано, 2 января Дневник говорит: «Поправлял Сон». Видимо эта правка сохранилась в рkp. № 57. Она коснулась трех листов, которые очень значительно были исправлены в десятой переделке. Они были отданы в перебелку и потом снова исправлены Толстым. Поправки логико-стилистические. 2 же января Толстой пишет В. Г. Черткову: «Две небольшие статейки: одна Сон, другая о бродячих людях написаны, и дня через два пошлю вам» (т. 89).

3 января в Дневнике Толстого значится: «Поправлял народн[ую] бедноту и Сон» (см. т. 58). Эта поправка дает одиннадцатую переделку четвертой редакции (рkp. № 58). Она также логико-стилистическая.

4 января 1910 года в Дневнике Толстого запись: «Опять поправлял Сон. Не знаю, хорошо ли, но нужно» (там же). Речь идет несомненно о двенадцатой переделке четвертой редакции. Эта переделка (ркп. № 59 и беловик ее Доп. тетрадь № 31) есть снова логико–стилистическая правка предшествующей редакции и очень значительная. Помечены крупные перестановки, местами вставки и произведен сплошной стилистический просмотр текста. В рамке «Сна» отмечу две существенных поправки. Одна – замена даты сна другою. Вместо: «В ночь с 12–го на 13–е декабря» (одиннадцатая переделка) теперь имеем: «В ночь с 6–го на 7–е ноября». Другая поправка в двенадцатой переделке – восстановление характеристики старика (она была вычеркнута в одиннадцатой переделке). Восстановлена она так:

«Слышаль я... соединеннаго изъ двухъ людей челоѡвка: немножко стараго моего друга Орлова, съ курчавыми сѣдыми височками по обѡимъ сторонамъ лысой головы, и немножко Николая Андреевича, переписчика, жившаго у моего брата».

Двенадцатая переделка четвертой редакции была издана С. А. Толстой в «Сочинениях Л. Н. Толстого», т. XVI, изд. 12. М. 1911, стр. 487–496.

5 января 1910 г. в Дневнике Толстого запись: «Вечером читал Сон всему обществу. Много возражений. Но я думаю, что хорошо». Д. П. Маковицкий в своих записках от 6 января 1910 г. пишет, что «в кабинете Лев Николаевич прочел вслух «Сон» и раньше, чем начал, сказал: «возражайте как можно больше». Читал взволнованно, торопясь и задыхаясь» (см. т. 58).

6 января. «Немного поправил Сон и Бедноту и решил послать Ч[ерткову] как есть. Вообще надо перестать и писать и заботиться о писанном». Дальше только 27 и 28 января (общая запись) имеем: «Вчера, кажется, было письмо от Ч[ерткова] с исправлением Сна. Как хорошо» (там же).

На этом кончаются упоминания о «Сне» в Дневнике. Записи убеждают нас, что двенадцатая переделка была не последней. Последующую историю текста после двенадцатой переделки освещают уже материалы личного архива В. Г. Черткова.

Как видно из записи Дневника от 6 января, Толстой «решил» послать В. Г. Черткову законченную статью. Действительно текст двенадцатой переделки и был послан. Неясно только, которого числа была сделана эта посылка. 14 января 1910 г. В. Г. Чертковым было получено от Толстого вышеприведенное письмо, в котором последний объединяет Сон с «Тремя днями в деревне».

В. Г. Чертков, получив рукопись «Сна», просматривает ее и решается предложить Толстому несколько изменений. Для этого в Крекшине (имение Пашкова, где в то время жил В. Г. Чертков) были сделаны несколько копий с текста Толстого и на одной из них (тетрадь № 32) В. Г. Чертков нанес предлагаемые им исправления. Сущность их сводится к следующему:

1) Самое главное исправление состоит в том, что Чертков предложил Толстому вынести большую часть монолога, так сказать, за

художественные скобки. Именно, если взять текст двенадцатой переделки, то в нем конечная лирическая часть монолога со слов: «А вы говорите, что от того...» на стр. 494, строка 15 сн., т. XVI двенадцатого издания «Сочинений Толстого» кончая словами: «И как только я подумал это – я проснулся» на стр. 496, строка 8 сверху перенесена в начало на стр. 488 строка 14 после слов: «... а люди не могут быть собственностью людей». Этот перенос сделан простым разрезом листков.

2) Вся остальная часть концовки Чертковым вычеркнута.

3) Предложены небольшие поправки в тексте: а) вместо: «В ночь с 6-го ли 7-е ноября» – «Недавно»; б) «в продолжение дня» (стр. 487 строка 2) изменено на: «впродолжении последующего дня»; в) фраза: «золото, бриллианты... Но не то с землею» (стр. 488 строки 14–18) – зачеркнута; г) вместо «Но вы всё-таки говорите» (стр. 488 строка 13 снизу – «Люди говорят»; д) вместо «А говорите вы это» (стр. 418 строка 15 снизу) – «А говорят они это».

4) После слов: «придет рано или поздно» (стр. 494 строка 16 снизу) обозначено: «конец».

Произведя эти изменения в первой копии толстовской статьи, Чертков однако посылает не ее, а другую копию (тетрадь № 33), в которой его поправки нанесены набело, кое в чем дополнены и, главное, снабжены мотивировками. Экземпляр этой так сказать «Второй чертковской редакции» «Сна» очень интересен.

1) Предлагаемая перестановка сохраняется. Мотивировка ее сделана Чертковым в нижеприводимом сопроводительном письме его к Толстому.

2) Для перехода от монолога к авторским рассуждениям после слов: «И какъ только я подумалъ это – я проснулся», Чертков пишет на отдельном листке следующее предложение: «Здесь в виде перехода к вашему собственному изложению следовало бы вам сказать нечто в роде того, что сон этот заставил вас еще раз думать о земельном вопросе, о котором вам, живущему постоянно в деревне, среди крестьянского земледельческого населения, и так приходится постоянно думать. И что хотя вы об этом уже неоднократно писали, но почувствовали потребность еще раз высказаться, не боясь повторения уже сказанного вами много раз, так как пока отношение людей к земельной собственности не изменится, – никогда не будет слишком часто указывать на жестокость, безумие и зло признания земельной собственности».

3) Небольшая поправка а изменена из «Недавно» на «На днях» и к ней дана мотивировка: «Точное обозначение числа здесь, в статье, предназначенной для большой публики, производит нежелательное впечатление слишком большого значения, в роде как события, приписываемого своему сну. В. Ч.».

Поправка б – сохранена.

Поправка в – снабжена мотивировкой: «Вычеркнутые строки произведут

очень нежелательное впечатление на среднего читателя, недостаточно еще знакомого с вашим полным отрицанием собственности. В. Ч. .

Поправки г и д – сохранены.

4) Обозначение «конец» тоже сохраняется, а вслед за зачеркнутой концовкой приписано: «Это я совсем выпустил бы. В. Ч.»

В таком виде посылается текст «Сна» Чертковым к Толстому вместе с письмом, где В. Г. Чертков между прочим пишет:

«Сон» – разумеется, вещь содержательная, но художественная сила описания сна нарушается тем, что вы вставили туда длинное рассуждение, очень хорошее само по себе, но такое, которое и по мыслям и даже по форме изложения принадлежит и может принадлежать только вам. А потому я думаю, что вещь эта значительно выиграла бы в художественной цельности, – а потому и в убедительности впечатления – если бы ваше собственное рассуждение было бы совсем выделено из описания сна, в котором следовало бы оставить только то, что по тону своему действительно соответствует тому «составному» другу вашему, которого вы слышали во сне. В прилагаемом списке я постарался сделать это изменение, и, кажется мне, что статья от этого выиграла тем, что и художественные требования соблюдены и ни одна ваша собственная мысль не пропала. Очень может быть, что часть тех мыслей, которые выделил из сна и отнес лично к вам – действительно была услышана вами во сне. Но в таком случае, во-первых, мысли эти несомненно принадлежат вам лично, так как вы раньше их письменно высказывали, и вы во сне только олицетворяли их в говорившем человеке. А во-вторых, изложены они здесь вами до такой степени вашим собственным слогом и вашей индивидуальной манерой, что читатель невольно скажет себе: «да ведь это говорит сам Л. Н., а не то «составное» лицо. Между тем как та часть речи, которая осталась за «составным» лицом, выделенным вами во сне, действительно, производит впечатление, что говорите это не вы, а то лицо. Кроме того я позволил себе наметить некоторые ничтожные поправки, которые говорят за себя и не требуют комментариев. То, что вы говорите в этой статье о земельной собственности, разумеется, уже было вами раньше сказано, и – не один, а много раз – но как ежедневное повторение Carthago delenda est[292] было вполне уместно до взятия города, так и ваше повторение правды о земельной собственности вполне уместно, пока отношения людей к этому вопросу не изменятся. И то, что вы повторяете одно и то же столько раз, является неизбежным последствием того, что вы так близко к сердцу принимаете этот вопрос и так мало движения еще замечаете в желательном направлении. Не стану извиняться за свою смелость, а может быть и нахальство в том, что предлагаю вам эти изменения, так как по опыту знаю, что согласитесь ли вы или нет с моим мнением, вы не станете сердиться на меня за то, что без стеснения высказываю то, что думаю».

Письмо Черткова датировано: «24 января 1910 г. Крекшино». Через два-три дня Толстой получает письмо Черткова с предложенными исправлениями. Все исправления Черткова он безоговорочно принимает, записывает в Дневнике, как указано: «Вчера кажется, было письмо от Ч[ерткова] с исправлением Сна. Как хорошо». (см. т. 58), и отсылает

статью обратно к Черткову с письмом от 28 января, в котором пишет: «Получил, милый друг, сейчас ваше письмо с исправленной статьей. Не могу вам передать всю степень моего одобрения вашего исправления Сна. Пожалуйста так в этом исправленном виде пускайте его. Буду без совести пользоваться вашими трудами, выдавая их за свои. Это не шутка, а истинная правда... Также и слово «стыдно» прекрасно, и надо вставить. Статью с маленьким изменением в переходе от сна к рассуждениям посылаю обратно» (см. т. 89).

Указанное изменение действительно сделано рукой Толстого над текстом Черткова и вошло в окончательный текст (см. стр. 25 строки 27–36).

Таким образом 27–28 января 1910 г. были сделаны последние поправки «Сна» Толстым и вполне определилась последняя тринадцатая переделка четвертой редакции. Так как эта переделка вносит существенное художественное переформирование текста, благодаря предложенной Чертковым перестановке, то можно считать тринадцатую переработку пятой композиционной и окончательной редакцией «Сна».

Первый день. Бродячие люди.

(В Дневнике заглавия: «о безработных», «о нищих», «Нищенство и народ», «Бродяги»; в рукописях: без заглавия, «Надо что-нибудь сделать», «Бродячие люди».)

Дневники Толстого за 1909–1910 гг. полны упоминаний о нищих вокруг, о нищих и просителях, приходивших к нему, о нищенстве окружавших его крестьян. См. записи под 10, 11 октября; 8, 18, 23, 25, 28, 29, 30 ноября, 1, 3, 6, 23 декабря 1909 года (т. 57) и 2, 7 и 12 января 1910 года (т. 58). Это обилие нищих вокруг Толстого было своеобразно подхвачено «Вестником Европы», который снабдил первое издание статьи «Бродячие люди» следующим примечанием: «Одним из очень тягостных для Л. Н. Толстого условий той домашней обстановки, в которой ему приходится жить, является масса безработных и нищих с близ лежащего шоссе, ежедневно целыми часами ожидающих около дома выхода Льва Николаевича. Ему тяжело сознание того, что он не в состоянии им существенно помочь и что, вследствие неустранимых условий, в которые он поставлен, он не имеет даже возможности их накормить и приютить на ночь в том доме, в котором сам живет. Несчастные люди эти обступают Л. Н-ча у крыльца и осаждают его своими неотступными просьбами как раз в то время, когда, выходя на свежий воздух после продолжительной и напряженной умственной работы, он больше всего нуждается в одиночестве и душевном отдыхе. В виду этого, у некоторых из друзей Л. Н-ча явилась мысль о желательности устройства в деревне Ясной Поляне для нищих прохожих даровой столовой и ночлежного дома, пользуясь которыми, они не тревожили бы понапрасну Л. Н-ча. Учреждение такого помещения, к мысли о котором Л. Н. отнесся весьма сочувственно, доставляло бы хотя временную поддержку тем странствующим беднякам, которые так нуждаются в помощи. Оно, вместе с тем, избавило бы яснополянских крестьян от той непосильной тяготы содержания прохожих безработных, на которую указывает Л. Н. Толстой в своей статье. Наконец, ему самому оно доставило бы, на склоне его лет, значительное душевное облегчение, которое, казалось бы, он более чем заслужил своими неустанными трудами в защиту бедствующего

человечества. Быть может, среди читателей настоящих очерков найдутся такие, которые, проникнувшись воодушевлявшими автора побуждениями, пожелают оказать материальную поддержку задуманному предприятию и тем способствовать его практическому осуществлению. – Ред.». [293]

Мысль написать статью о безработных появляется у Толстого в начале ноября 1909 г. 8 ноября он подробно описывает в Дневнике свою беседу с просителем газетчиком с явным намерением использовать ее в статье. Первый черновик статьи был написан 14 ноября (рукопись № 60), когда Толстой заносит в Дневник: «Написал довольно много о безработных. Едва ли что-нибудь выйдет» (см. т. 57). Статья, вероятно, была написана в два приема (ср. разницу чернил) и очень сильно отличается от окончательного вида. Позже она обросла значительным количеством крупных вставок и подверглась главным образом в частях рассуждений заметной переработке. Поэтому первая редакция, черновая, публикуется полностью (стр. 348–352 под № 1). Любопытно, что вся запись Дневника от 8 ноября почти целиком перенесена в текст статьи.

9 декабря, т. е. почти через месяц после написания, Толстой помечает в Дневнике: «Поправил добавление о Нищих» (см. т. 57). Здесь несомненно имеется в виду та же первая редакция (т. е. ркп. № 60), в которой под «добавлением» имеется в виду вторая половина (лл. 9–17), а под «поправками», очевидно, те четыре перестановки, которые сделаны на этих листках. Так что 9 декабря была сделана очень небольшая правка текста.

17 декабря Толстой по машинной копии с первой редакции очень основательно прорабатывает текст. Получается первая переделка (ркп. № 61). Части листов этой рукописи, оставшиеся от перенесения в следующую рукопись, показывают работу, производившуюся дважды – сначала серыми чернилами, потом по ним еще лиловыми. Главная особенность этой переделки – длинная вставка в самом конце с рассуждением о русских вандалах. В Дневнике под 17 декабря помечено: «Просмотрел и приписал к Нищенство и народ конец. Не дурно» (см. т. 57). Эта вставка–конец соответствует (с небольшими поправками в последующих переделках) строкам 4–40 стр. 11 основного текста плюс кусочек, впоследствии выброшенный, публикуемый нами в вариантах под № 2. Этот кусочек служил концовкой в новой переделке. Кроме указанной большой вставки, в первой переделке была сделана на поле вставка, соответствующая строкам 4–12 стр. 6 основного текста (в варианте № 1 стр. 349 строка 4 сверху после слов: «иногда последней ковриги»). Наконец два места черновой редакции подвергнуты в первой переделке сильной правке. Первое: вариант № 1, стр. 348 строки 14–27 = основному тексту стр. 5 строки 8–24. Второе: вариант № 1, стр. 349 строки 16–23 сверху = основному тексту стр. 6 строки 23–38. Остальные поправки менее крупны: в варианте № 1, стр. 348 строка 10 сверху вставлено «80» перед «дворов»; строка 11 сверху вместо «от... до...» вставлено «от 6 до 12»; стр. 350 на поле против строк 4–8 помечено: «не даром говорит Генри Джордж (Выписать из 17 дек. 9)», стр. 350 строки 30–33 зачеркнуты; стр. 351 строки 31–36 зачеркнуты. Наконец, сделано несколько мелких стилистических поправок. Таким образом главное устремление автора в первой переделке – оттенить сторону ужаса, страха перед ростом безработных и нищих. Хотя на обложке рукописи № 61 проставлена дата 19 декабря, но она, очевидно,

относится не к работе Толстого, а к переписке машинисткой его исправлений.

На 19-е же декабря падает новый пересмотр Толстым текста, который дает вторую переделку текста (ркп. № 62). В Дневнике значится: «Недурно успел просмотреть обе статьи». Имеются в виду «Сон» и «Бродячие люди». На обложке ркп. № 62 дата – 19 декабря.

Главные особенности этой третьей редакции – три значительных вставки, две из них сделаны на отдельных почтовых листках бумаги. Именно: вариант № 1, стр. 351 строка 11 после слов: «и он уходит» большой кусок, который перешел с небольшими переделками в основной текст на стр. 8 строки 29–38; дальше, к вставке первой переделки о вандалах сделана новая вставка, перешедшая и в основной текст на стр. 11 строки 3–40. Самый конец первой переделки тоже изменен (см. вариант № 3).

В этой же переделке, надо полагать, было дано тексту и заглавие: «Надо что-нибудь сделать».

Кроме того во второй переделке имеется несколько небольших перестановок текста и стилистических вариантов. Основная цель поправок Толстого в этой переделке – отметить революционное настроение некоторых безработных и необходимость стыда перед ними богатыми.

Следующий этап работы над «Первым днем» падает на 20 декабря, когда Толстой записал в Дневнике: «Писал статью о безработных. Недурно» (см. т. 57). Результат этой работы – третья переделка (рукопись № 63) текста с датой на обложке «20 Дек. 09». Толстой, получив значительное количество листов из предшествующей редакции, а часть в перебеленном на машинке виде, снова правит текст. Из особенностей третьей переделки в основной текст вошли две небольшие вставки – на стр. 10 строки 30–32 и стр. 10 строка 39 по стр. 11 строка 4, вторичное указание на необходимость «Выписать 17 Дек[абря] 9» и довольно значительное число исправлений отдельных мыслей или стилистических оборотов на небольших участках текста. Словами: «Выписать 17 Дек. 9» Толстой указывает на мысль Генри Джорджа, включенную им в сборник «На каждый день» на 17 декабря. Мысль эта, начинающаяся словами: «Сколь устойчивой ни казалась бы нам наша цивилизация»....., была включена в текст «Сна». Кроме того, в третьей переделке еще раз изменен самый конец: в вышеприведенном тексте № 3 второй переделки слова: «Такие усилия... армии безработных» зачеркнуты, а вместо слов: «одни сотни и сотни... бродячих людей от» над ними и на поле заново вписано:

«если только они поймутъ важность предстоящаго дѣла, а захотятъ богатые отдать на это свои средства, небогатые же люди, живущіе среди богатыхъ, свои труды на устройство такихъ учреждений, при существованіи которыхъ люди, желающіе трудиться, могли бы найти пріютъ и работу, не желающіе же трудиться были бы лишены возможности отговорки и обмана, а и тѣ и другіе были бы избавлены отъ духовныхъ и тѣлесныхъ испытываемыхъ ими теперь страданій».

Все исправления в третьей переделке не вносят серьезных изменений в смысл текста, так что ее можно считать переделкой не материальной (внутренней), а скорей внешней.

23 декабря в Дневнике Толстого запись: «Опять поправлял обе статьи. Ездил в Деменку. Ужасная нищета». Имеются в виду «Сон» и «Бродячие люди». Текст третьей переделки, сохраняя заглавие «Надо что-нибудь сделать», был в начальной и конечной частях перебелен на машинке, частью был перенесен без переписки, и Толстой еще раз работает по нему пером. Так получается 23 декабря четвертая переделка статьи (сохранившаяся в полном тексте ркп. № 64). В ней зачеркнуто заглавие и вписано новое – «Бродячие люди», в разных местах вычеркнуты небольшие куски, другие переставлены, но большинство исправлений не крупные. Вот некоторые поправки, подводимые к основному тексту. Стр. 5 строка 5 после слова «прежде» в четвертой переделке зачеркнуто: «и тяжело, мучительно отравляющее жизнь всего населения». Стр. 5 строка 8: «Такие люди» вписано вместо зачеркнутого:

«0 томъ, въ какомъ положеніи находятся эти прохожіе, не могутъ представить себѣ люди, не видавшіе ихъ и, если и видѣвшіе издалека, не вглядѣвшіеся въ ихъ внѣшній видъ».

Стр. 6 строка 7 слова: «с каждым годом все растущая увеличивающаяся» вставлены именно в четвертой переделке. Стр. 10 строки 33–39 в четвертой переделке внесены именно так, как они имеются в основном тексте, тогда как в третьей переделке они стояли после слов «общественное благоустройство» (стр. 11 строка 4). Остальные поправки иногда столь же значительны по объему, но малосущественны по содержанию. На обложке рукой Толстого пометка «На бело», т. е. что рукопись можно переписывать окончательно.

Повидимому 23–го же или 24 декабря текст был переписан набело, потому что 24 декабря автор в Дневнике пишет: «Опять не раз поправил Сон и Бродяги» (см. т. 57). Эти поправки, сделанные 24 декабря, хранит рукопись № 65, представляющая пятую переделку статьи. Дата на обложке рукописи (31 декабря 1909 г.) несомненно ошибочная, так как следующий текст № 66 имеет машинную дату «26 декабря»; текст № 65 должен был появиться раньше. Что Толстой правил не раз, показывают два слоя поправок (чернила и карандаш). Пятая переделка представляет снова существенное материальное изменение текста. Прежде всего вносится очень крупная вставка, которая в основном тексте занимает стр. 7 строка 28 («Так что надо»...) – стр. 9 строка 5 (кончая словами: «возвращающихся из ссылки»). Дальше большой кусок текста, дошедший до четвертой переделки из первой (№ 1, стр. 350 строка 2–19), в пятой переделке вычеркнут карандашом. На стр. 8 основного текста строка 20 слова: «Ваше сиятельство, войдите в мое положение» вписаны в пятой переделке. Далее вместо текста четвертой переделки:

«Я спрашиваю: пьеть ли. Говорить что пиль, но никогда не быть пьяницей.

– Грамотень?

– Какже, читаль ваши книги, – говорить улыбаясь и называетъ нѣкоторыя.

Спрашиваю: кто онъ? откуда?, –

Соответствующее место в пятой переделке = основному тексту стр. 9, строки 13–16 (кончая словами: «Я прошу рассказать»)

Дальше вместо текста четвертой переделки «Самъ крестьянинъ нашего уезда» в пятой см. основной текст стр. 9, строки 18–20.

Вместо текста четвертой переделки:

«Живуть теперь на квартирахъ, кормясь работой. Когда жилъ при мѣстѣ, посылалъ имъ, но случилось, что торговая компанія, въ которой онъ служилъ – раззорилась, потерялъ мѣсто, искалъ другого, не нашель. И вотъ идетъ теперь къ своимъ, что было денегенокъ, издержалъ. Очевидно, дѣловитый человекъ, попалъ только отъ несчастной случайности въ положеніе голыша», –

Соответствующее место в пятой переделке = основному тексту стр. 9, строки 26–35.

Остальные варианты пятой переделки стилистические – более мелкие. Таким образом, если первая, вторая, третья и четвертая переделки отделяли материал главным образом рассуждений Толстого и совсем не касались его художественных иллюстраций, которые почти без поправок переходили из переделки в переделку, в пятой переделке внимание направлено на отделку именно этих художественных сцен статьи, встреч и разговоров. 28 декабря в Дневнике Толстого читаем: «Я просмотрел Бродяги, тоже годится» (см. т. 57). Эта запись относится к слою поправок в рукописи № 66. Машинная дата на ней – «26 Дек. 09 г.» – показывает, вероятно, что 26 декабря текст пятой переделки был перебелен, а 28 декабря на него нахлобачился текст шестой переделки. Исправления делались карандашом, и они незначительны. Так, в пятой переделке: «грязные и, само собой разумеется, покрытые вшами» – в шестой переделке (= основной текст стр. 3, строка 9): «грязные». В пятой переделке: «обсыпанного вшами человека»; в шестой (= основной текст стр. 5, строка 21): «оборванного, грязного человека». В пятой переделке: «и не только не считают это заслугой, а не могут себе и представить, чтобы могло быть иначе»; в шестой переделке, и в основном тексте этого нет. В пятой переделке: «если просит»; в шестой (= основной текст стр. 9, строка 2): «если просит, а не требует». В пятой переделке: «привел его только в такое положение голыша»; в шестой переделке (= основной текст стр. 9, строка 35): «привел его в теперешнее положение». В пятой переделке: «Стенки Разины с удовольствием видят такую деятельность правительства и господ, т. е. богатых. Такая деятельность освобождает их»...; в шестой (= основной текст стр. 11): «Такая деятельность освобождает Стенок Разиных». И т. п. Наконец, в шестой переделке зачеркнута черным карандашом вся концовка, т. е. вышеприведенный текст второй переделки с поправкой третьей переделки, прошедший нетронутым и в четвертой и в пятой. Таким образом, кроме этой концовки текст шестой переделки есть просто легкая стилистическая правка пятой.

После 28 декабря текст статьи упоминается в Дневнике лишь 13 января: «Перечитал все Три дня. И кажется кончу» (см. т. 58). Об этой работе Толстого над сводным текстом см. ниже. Во всяком случае текст шестой переделки уже очень близок к основному.

Второй день. Живущие и умирающие.

(В Дневнике заглавия: «Беднота», «Народная беднота»; в рукописях: без заглавия, «Второй день в деревне», «Живущие и умирающие».)

Статья «Первый день в деревне» возникла без всякой мысли о «Трех днях». Но 1 декабря Толстой записывает в Дневнике: «Очень хочется написать три дня в деревне» (т. 57). Поэтому, работая в декабре 1909 г. над «Первым днем», Толстой несомненно подыскивает материал для второго. Второй и третий день пишутся уже для трилогии. Впрочем Толстой подыскивает материал для какой-то работы о крестьянах еще в ноябре месяце, как показывают дневниковые записи. Например, в Дневнике под 25 ноября записано: «Ездил верхом в Новую Колпну. Федотов, старшина, сироты. Очень хорошо себя чувствовал. Всё руки не доходят писать». 28 ноября «Ездил к священнику и в волостное правление по делу сирот». 29 ноября... «вышел – женщина, по дурной привычке хотел отказать. Вышла, напротив, радость. Постараюсь в другом месте описать... Ездил с Душаном в Крыльцово. Застал в избушке на печи хозяина старика в агонии». 6 декабря:... «ходил на деревню. У Морозова 8 сирот, больная старуха». Наконец, 29 декабря, т. е. уже после окончания работы над «Первым днем», Толстой записывает: «Написал бедноту. Слабо. Ну да отделаться» (т. 57). 29 декабря была написана первая черновая редакция, в которой Толстой говорит о соседке по имению, помещице, едущей с мужем в Алжир. Текст этой первой редакции так значительно изменился позже и композиционно и текстологически, что мы считаем необходимым напечатать его полностью по ркп. № 67 (см. вариант № 4). Текст был переписан на машинке в тот же день 29 декабря, как это помечено в конце.

3 января 1910 г. в Дневнике Толстого запись: «Поправлял Народную Бедноту и Сон» (см. т. 58), 6 января: «Немного поправил Сон и Бедноту и решил послать Черткову как есть» (там же). Последние слова относятся главным образом к «Сну». Дальше в Дневнике Толстого о работе над «Вторым днем» нет упоминаний до 10 января. Между тем на рукописи № 69 на обложке дата 11 января 1910 г., на № 70 дат нет, на № 71 на обложке дата 12 января 1910 г.; кроме того анализ черновых показывает, что в ркп. № 70 на последнем листке была сделана рукой переписчицы дата 11 января 1910 г. Таким образом ясно, что записи Дневника от 3 и 6 января имеют в виду главным образом работу, оставшуюся в виде поправок машинного текста в рукописи № 68. Другими словами 3 и 6 января Толстой правит машинную копию с первой редакции и создает первую переделку «Второго дня», остатки которой хранятся в ркп. № 68 (которая даты не имеет). Особенности этой первой переделки следующие. Весь текст о даме, везущей мужа в Алжир (см. вариант № 4, стр. 354, строка 31 со слов: «родственница жена члена государственного совета»... до стр. 355, строка 17, кончая словами:... «о знакомых, о Думе»), изъят из рукописей «Трех дней в деревне». Мотивы изъятия неясны, но на неслучайность его указывает

то обстоятельство, что в следующем этапе работы Толстой пишет эту часть текста заново и делает ее композиционно концовочной. Дальше выброшены следующие места чернового текста: вариант № 4, стр. 355, строки 19–23 («обычную прогулку... захожу в Волостное правление»), а также стр. 359, строки 13–17. Далее, в первой переделке вставлен в месте, соответствующем основному тексту от стр. 17, строки 15–40 следующий кусок текста:

Я слѣзаю, чтобы не мѣшать. Докторъ разсматриваетъ что-то, потомъ оборачивается ко мнѣ и тихо говоритъ: агонія. Дѣвочка, вѣроятно, заглядѣвшись на насъ, недостаточно сильно качала, и ребенокъ закричалъ. Мать поставила лампу на столъ и, сердито оттолкнувъ, принялась сама качать.

Докторъ слѣзь съ хоръ и сталъ говорить снохѣ, что ея свекоръ кончается.

– Что же, за попомъ значить? – недовольно проговорила она, сердито качая раскричавшагося ребенка.

Докторъ подтвердил, что надо.

– Добро бы самъ дома былъ, а то теперь кого найдешь, гляди всѣ за дровами уѣхали.

– Больше тутъ мнѣ дѣлать нечего, сказалъ докторъ, и мы вышли.

Потомъ я узналъ, что баба нашла кого послать за попомъ, и попь только успѣлъ причастить умирающаго.

Немного не доѣзжая до дому, насъ нагнала великолѣпная тройка цугомъ...

Наконец, произведена правка отдельных частей. Текст варианта № 4, стр. 355, строки 25–30 дан в первой переделке так:

Онъ справляется и говоритъ мнѣ, что въ семьѣ этой два работника.

– Какъ же она говорила мнѣ, что онъ одинокій.

– Вреть, говоритъ онъ, улыбаясь.

– Ну какъ они живутъ?

– Что бѣдны, то бѣдны.

Вариант № 4, стр. 358, строки 16–25 во второй редакции даны так:

– Охъ, о-охъ, охъ, громче стонетъ она.

– Болить что?

– Все болить, все ломить.

- Нашъ докторъ тутъ, позвать его? говорю я.
- Что мнѣ твой дохтуръ. Мнѣ одинъ дохторъ. Помереть мнѣ, вотъ мой и дохтуръ.
- Старая она, говоритъ вдова.
- А сколько ей? Не старше меня.
- Старше много, ей годовъ 90.
- Пора, охъ, пора, батюшка... оохъ, объ одномъ прошу Бога, оохъ не принимаетъ душу, охъ. За грѣхи видно. О-охъ, Господи.

Слышу подѣхали сани, прощаюсь, выхожу и ѣдемъ съ докторомъ на послѣднее его...

Вариант № 4, стр. 358, строка 35 по стр. 359, строка 4 даны в первой переделке так:

Докторъ влѣзаетъ на хоры и заглядываетъ на печку, окликаетъ больного. Съ печки слышится не то хрипъ, не то стонъ. Врачъ нагибается надъ больнымъ и что-то дѣлаетъ тамъ.

- Ну что? спрашиваю я.

Докторъ не отвѣчаетъ, очевидно считая пульсъ и прислушиваясь къ чему то. Я поднимаюсь тоже на хоры и стою рядомъ съ докторомъ. На печи темно, и я только понемногу начинаю различать человѣка, лежащего безъ постели и подушки волосатой головой на голомъ кирпичѣ печи. На человѣкѣ рубаха и портки. Тяжелый дурной запахъ стоитъ вокругъ больного. Онъ лежитъ почти навзничъ, такъ что объ руки его на просторѣ. Докторъ держитъ одну за пульсъ.

Все особенности первой переделки показывают, что она представляет работу главным образом над художественной стороной (композиционная рамка, правка диалогов и сцен встреч) и что первая переделка дает бѣльшую художественную редакцию текста.

Как указано, следующие дневниковые записи Толстого относятся к 10 января: «Немного перечитал 2-й и 3-й День в Деревне» (см. т. 58) и к 12 января: «Поправил 2 и 3 день» (там же). С этими записями, очевидно, связаны рукописи № 69 (дата на обложке 11 января, вероятно, дата переписки поправок, сделанных 10 января, № 70 (без даты) и № 71 (с датой на обложке 12 января).

№ 69 представляет собою несомненно вторую переделку «Второго дня». Толстой просматривает весь переписанный текст и делает ряд крупных поправок. Важнейшие следующие. Как показывает сравнение с работой Толстого над «Третьим днем», именно во второй переделке Толстой вносит заглавие «Второй день в деревне».

В конце текста на конце последнего листка и на трех дополнительных почтовых листках заново написано всё окончание статьи (см. вариант № 5). Другая вставка – место, соответствующее стр. 13, строкам 2–7 основного текста. Кроме этих вставок, помечены к пропуску: вариант № 4, стр. 35, строки 1–10; стр. 358, строка 1 (со слов «по обещанию к вдове») – стр. 358, строка 25 (кончая беседой со старухой). Особенно важен этот пропуск целого эпизода встречи с больной старухой. Кроме того, во второй переделке вставлен кусок, соответствующий стр. 12, строкам 19–27 основного текста, и частично переработан кусок текста, напечатанный выше на стр. 467, строки 1–6. Теперь этот кусок текста таков:

Я слѣзаю, чтобы не мѣшать доктору, но стою, дожидаясь отвѣта доктора. Осмотрѣвъ больного, онъ отдаетъ лампу хозяйкѣ и что то дѣлаеть надъ больнымъ.

– Ну что? – спрашиваю еще разъ.

Докторъ все не отвѣчаетъ.

Дѣвочка, вѣроятно, заглядѣвшись на насъ, недостаточно сильно качала, и ребенокъ, вѣроятно, тоже больной или голодный, жалостно кричить. Мать ставитъ лампу на столъ, и сердито оттолкнувъ, принимается сама качать. Докторъ слегка поворачивается ко мнѣ и тихимъ голосомъ говорить одно слово.

Я не понимаю, что и переспрашиваю.

– Агонія, – съ строгимъ лицомъ, совсѣмъ поворачиваясь ко мнѣ, говоритъ докторъ и слѣзаетъ съ хоръ. – Тутъ ничего сдѣлать нельзя, – прибавляетъ онъ вздыхая и говорить себѣ, что все кончено».

Таким образом, вторая переделка есть опять большая художественная переработка предшествующей.

Рукопись № 70, вероятно тоже возникшая между 6 и 10 января, представляет новый просмотр текста «Второго дня». Ряд листов второй переделки был перебелен на машинке, и по ним Толстой снова работает. Работа эта скорей похожа на небольшой беглый просмотр в немногих местах; есть несколько стилистических поправок. Таким образом мы имеем третью переделку – частичную правку текста.

Рукопись № 71, к которой, вероятно, относится запись в Дневнике от 12 января (дата на обложке – 12 января), представляет новую, четвертую переделку текста. Самая важная ее черта – заново написанная на трех листах почтовой бумаги встреча с больной старухой. Толстой не возвращается к старым текстам этого эпизода, а пишет его заново. Эта большая вставка соответствует основному тексту стр. 15, строки 22–24 и стр. 15, строка 35–стр. 16, строка 34, т. е. занимает целую страницу текста. Кроме того, в четвертой переделке внесено несколько небольших стилистических поправок по всему тексту

и вставка в конце (см. основной текст стр. 17, строки 30–31).

Далее 13 января в Дневнике Толстого запись: «Перечитал все три дня. И кажется кончу» (см. т. 58). Может быть именно к 13 января относится текст поправок рукописи № 72. Эта рукопись дает пятую чисто стилистическую переделку, – текст просмотрен весь, и сделаны не крупные исправления фраз, мелкие вставки и т. п.

После 13 января в Дневнике записей о работе над «Вторым днем» нет, но работа еще продолжалась, и между 13 и 15 января Толстой дважды просматривает текст. Первый просмотр хранит рукопись № 73, дающая шестую очень значительную редакционную проработку текста. Важнейшие особенности ее следующие. Прежде всего дана новая концовка текста. Вместо текста на стр. 360, строка 8 до конца (вариант № 5) заново вписано:

– Да все нехорошо. Опять ъдетъ въ Италию. И всякій разъ – проведеть тамъ зиму и удивительно поправляется.

– Переѣздъ тяжелъ и скучень.

– Нѣтъ, отчего же, съ train express[294] всего 19 часовъ.

– Все–таки скука.

– Погоди, скоро летать будемъ...

Далее вообще часть конца несколько подчеркнуто выделена в виде особой концовки. Именно, после слов: «сын приехал из своего имения» (см. стр. 359, строка 33) поставлено многоточие во всю страницу, и дальше текст начинается новой вставкой: «Вот мы сидим за обеденным столом, накрытым на 10 приборов. Один прибор»... и т. д., как в основном тексте (см. стр. 18, строки 20–23).

Остальные поправки шестой переделки сводятся к отделочной работе по всему тексту. Так, вставлены кусочки (см. основной текст, стр. 12, строки 16–18; стр. 13, строка 14; стр. 14, строки 9–10; стр. 18, строки 3–6), изменены местами небольшие фразы, ремарки автора в диалогах, вычеркнуты местами фамилии Курносенковой, Исаевых, имя Ольги. Таким образом в шестой переделке ведется правочная художественная работа. На обложке этой редакции дата – 15 января.

Вероятно в тот же день 15 января все правленные листки шестой переделки были перебелены на машинке и таким образом получился полный законченный текст «Второго дня» в рукописи № 74, на которой в конце – машинная дата 15 января 1910 г. На этой рукописи Толстой, повидимому, не сделал ни одной поправки, так как все его пометки в ркп. № 74 сделаны только на тех листах, которые перенесены сюда из шестой переделки. На листах переписанных нет ни одной пометки. Таким образом ркп. № 74 есть просто белой текст шестой переделки «Второго дня». Любопытно, что машинистка не учла многоточия перед концовкой.

Небольшой просмотр статьи был, вероятно, произведен позже при работе

над сводным текстом всех трех дней. Об этом см. ниже. Текст седьмой переделки близок к основному.

Третий день. Подати.

(В Дневнике заглавие: «Подати», в рукописях: «Подати», «Третий день в деревне».)

Еще 30 ноября Толстой заносит в Дневник: «Просители по продаже для податей. Ездил в Новую Колпну. Там писарь рассказал, как собирают подати». 1 декабря: «Ходил утром к Курносенковой, заходил и к Шинтякову. Положение голопузых у Курносенковой ужасно. Очень хочется написать три дня в деревне». 3 декабря: «Ходил в деревню к старосте. Просители обманывают. Всё также жалко... Пропасть нищих. Не хватает на всех внимания. Одному отказал» (см. т. 57). 2 января 1910 г.: «Ездил в волостное правление. Народ негодует» (см. т. 58). Наконец, 8 января: «Начал писать о податях да бросил, не хотелось». И 9 января: «кончил о податях, порядочно» (там же). Таким образом Толстой именно в связи с просителями по делам сбора податей 1 декабря задумывает «Три дня в деревне» и, когда 8 и 9 января пишет статью о податях, вносит в нее все моменты, отмеченные в дневниковых записях (и подати, и свои поездки в волостное правление, и «голопузых», и негодование народа), и даже в первой редакции фамилии живых крестьян: Курносенковой, Исаковых, Абакумова. Правда, что бывшее в варианте № 3 «20 декабря» зачеркнуто. Но надо думать, что это число датой написания текста служить не может, потому что против него говорят прямые указания дневниковых записей. Очевидно 20 декабря – случайная реминисценция Толстого.

Первая черновая редакция печатается нами полностью по рукописи № 75 в вариантах под № 6. Автор точно воспроизводит хронику своих встреч. В последующих переработках этот хроничный характер статьи постепенно снимается и статье придается более общее значение.

Судя по записям в Дневнике, черновик написан в два приема (8 и 9 января). Дата на обложке 10 января, очевидно, относится к моменту переписки текста машинисткой.

Дальше 10 января Толстой «поправил 2-й и 3-й Д[ень] в Д[еревне]», как об этом сообщается в Дневнике (см. т. 58). Рукопись № 76 (как и во «Втором дне», ркп. № 69) имеет дату 11 января и в pendant к заглавию рукописи № 69 «Второй день в деревне» в нее внесено рукой Толстого над зачеркиваемым «Подати» – заглавие «Третий день в деревне». Таким образом надо признать, что правка рукописи № 76 была сделана 10 января 1910 г. Она представляет собою первую переделку «Третьего дня». Главнейшие особенности ее по сравнению с первым черновиком: стр. 19, строка 8 после собирают, вставлено: «перед Новым годом»; стр. 360, строки 25 (после «корову») заменены: фразой = основному тексту стр. 19, строки 10–11, стр. 360, строки 28–31 переделаны так:

разказывает, что пришьел староста, описалъ корову за какія то продовольственныя, эти почему то не слѣдуетъ брать теперь. Я ничего этого не понимаю и говорю, что справлюсь, узнаю въ Волостномъ

правлении и тогда скажу можно или нельзя освободиться от этого платежа.

стр. 361, строка 16 вставлено «Иду к старосте» = основному тексту, стр. 20 строка 8.

стр. 361, строка 23 переделана как основной текст стр. 20, строка 15 сверху (слова: «Нельзя же, не платят»).

стр. 361, строки 27–29 (со слов: «который»...) переделано как в основном тексте стр. 20, строки 17–19.

стр. 362, строка 19 после слова «мать» во всю строку многоточие.

стр. 362 строка 20 сверху заменена фразой: «Еду в тот же день в волость, чтобы узнать подробности приемов взыскания податей посредством описи имущества»

стр. 363, строки 25–30 сильно распространены и получили вид = основному тексту стр. 22, строки 13–27.

Кроме того несколько небольших изменений слов и фраз.

Таким образом первая переделка – не очень крупная материальная правка черновика.

12 января в Дневнике Толстого значится: «Поправил 2-й и 3-й день» (см. т. 58). Очевидно на этот день или, вернее, на 11 января падают поправки, оставшиеся в ркп. № 77 и частью на листках, перешедших в ркп. № 78. Они снова дают статье подзаголовки «Подати» и вносят некоторое количество чисто стилистических поправок, повидимому, по всему тексту. Самая значительная – распространение конца статьи. Вариант № 6, стр. 363, строки 38–42 переделан как основной текст стр. 22, строки 32–40. Кроме того вычеркнута несколько раз фамилия Курносенковой, оставшаяся от второй редакции. Таким образом данный текст есть вторая стилистическая переделка статьи.

Наконец, рукопись № 78 представляет беловую копию текста второй переделки. Первые и последние листки ее были перебелены на машинке, а средние просто перенесены из № 77 с поправками Толстого, так как поправок этих было немного, и в конце машинисткой поставлена дата – 15 января 1910 г.

Просмотр статьи был произведен Толстым еще раз уже при работе над сводным текстом. Текст второй переделки статьи близок к основному вышенапечатанному.

Три дня в деревне.

Таким образом, к 15 января 1910 г. все четыре очерка были написаны, и Толстой просматривает сводный текст. Просмотр этот производился, повидимому, по частям. Как указано, Толстой 6 января 1910 г. «решил послать Черткову, как есть» «Сон» и «Бедноту», т. е. Первый день.

Посылка эта сделана была 14 января при письме, которое приведено выше. В. Г. Чертков 24 января 1910 г. отвечает: «Дорогой Лев Николаевич, вчера я получил от вас две статьи «Бродячие люди» и «Сон». «Бродячие люди» – великолепно, ново, очень трогательно, сильно – и убедительно. Галя [А. К. Черткова], на которую эта вещь произвела такое сильное впечатление, как и на меня, сделала очень, как мне кажется, справедливое замечание: ей кажется, что в заключительных словах следовало бы прибавить еще одно словечко, а именно то, которое я прибавил и подчеркнул красным в следующей выдержке:

....«Но кроме чувства страха, которое возбуждают эти люди, есть еще и другое чувство и чувство гораздо более обязательное, чем чувство страха, чувство, которое не можем мы все не испытывать по отношению людей, попавших рядом случайностей в это ужасное положение бродяжнической жизни. Чувство это – чувство стыда и сострадания. И не столько страх, сколько это чувство стыда и сострадания должно заставить нас, людей не находящихся в этом положении, ответить так или иначе на это новое, ужасное явление русской жизни». Далее следуют предложения поправок к «Сну», цитированные выше. Толстой, как видно из письма от 28 января 1910 г., это слово «стыдно» принимает – вводит в текст первого дня, так же как принимает поправки Черткова к «Сну».

Кроме этих поправок, сводный текст «Трех дней в деревне» имеет еще ряд значительных исправлений, которые вошли в печатные издания и сохранены и в нашем основном тексте. Сделаны они рукой М. А. Шмидт. Сохраняя их в основном тексте, мы исходим из уверенности, что поправки сделаны были Толстым на несохранившейся копии.

ИСТОРИЯ ПЕЧАТАНИЯ.

28 января 1910 г. Толстым были приняты последние правки к «Трем дням в деревне» и, по странному совпадению, в «Речи» за 28 января появилась заметка о том, что Л. Н. Толстой написал новую статью и что из нее лишь «Бродячие люди» «имеют некоторые шансы появиться в печати». В «Биржевых ведомостях» от 17 февраля 1910 г. приведено интервью с Толстым, в котором последний говорит о написанной им статье «Три дня в деревне», причем называются заглавия всех трех очерков и не называется «Сон». Таким образом слухи о статье Толстого проникли в печать быстро. 3 февраля 1910 г. В. Г. Чертков писал Толстому: «Очень рад, что моя перестановочна в вашем «Сне» заслужила ваше одобрение... Мне очень хотелось бы эти «Четыре дня в деревне» так издать в России, чтобы возможна меньше было выпущено для цензуры. Если вы в этом согласны со мной, то следует на этот раз отказаться от того, чтобы дарить эти вещи разным «просителям» издателям-филантропистам, обращающимся к вам с просьбой о вашем сотрудничестве; так как эти издатели больше всего идут навстречу цензуре, не желая конфискации своего издания и следовательно убытка,

вместо прибыли для своей филантропической задачи. В настоящее время наименее стесненное цензурой издание в России это «Вестник Европы» и вместе с тем наиболее цитируемое другими газетами и журналами. А потому мне кажется, что, в интересах нашего общего дела, желательным было бы поместить эту серию в «Вестник Европы», решительно воздерживаясь в данном случае от обращения этих рассказов в «филантропические подарки», как бы настойчиво ни просили вас об этом разные «фонды и вдовы». Если вы с этим согласны, то я так и поступлю. Молчание ваше приму за согласие. Если хотите иначе распорядиться, я разумеется, как всегда, с педантической точностью исполню ваше желание. Но теперь я вас, по крайней мере, предупредил о последствиях: об ущербе для самого содержания статей, а следовательно и для читателей и для тех, в интересах которых статьи написаны» (т. 89).

На это письмо Толстой отвечает коротким письмом от 6 февраля: «Je vous prends au mot[295] – пишу только несколько слов, чтоб accuser reception[296] вашего прекрасного всегда до слез трогającego меня письма. Может быть, это оттого, что вы меня хвалите, надеюсь, что нет, а только от того, что я вас очень люблю. Все ваши предложения одобряю. Л. Т.»

«Три дня в деревне» были напечатаны в сентябрьской книжке «Вестника Европы», которая была выпущена несколько раньше, в конце августа, чтобы предупредить появление английского перевода статьи за границей. Это первое издание рассказа допустило в самом конце третьего дня два небольших пропуска в виду опасений цензуры и по той же причине вместо «Сна» поместило небольшое его резюме на полторы странички. 28 августа 1910 г. «Русское слово» дало краткое изложение содержания «Трех дней в деревне» по «Вестнику Европы», 29 августа «Речь» привела цитаты из статьи, а 12 сентября газета «Тифлисский листок» (№ 208) дала полностью текст второго дня под заглавием «Живущие и умирающие». Но уже 1 сентября Московский комитет по делам печати за № 3379 запрашивает С. Петербургский комитет: «В виду появившихся в московских повременных изданиях перепечатки нового рассказа Л. Н. Толстого «Три дня в деревне», помещенного в сентябрьской книжке «Вестника Европы»... были ли приняты С. Петербургским комитетом какие либо меры по поводу появления означенного рассказа в «Вестнике Европы». В самых же первых числах сентября 1910 г. два московских издательства «Т-во издательского дела студенческая жизнь» и «Народное издательство» отпечатали и представили в Московский комитет по делам печати перепечатки текста из «Вестника Европы» отдельными брошюрами 6-го сентября Московский комитет по делам печати уже шлет в Петербург телеграмму-запрос, возбуждено ли преследование «Вестника Европы». С. Петербургский комитет 6 сентября отвечает, что «судебное преследование возбуждено не было» (№ 1328 и от 7 сентября № 1342). Тогда Московский комитет новой телеграммой от 7 сентября 1910 г. запрашивает Петербург, что ему делать с брошюрами, так как московский прокурор отказывается возбуждать преследование против издателей, пока не возбуждено таковое против «Вестника Европы». Начальник Главного Управления по делам печати бумагой от 10 сентября (за № 9353) ответил, что не может быть препятствий «чтобы против лиц, виновных в издании таковой брошюры, было возбуждено судебное преследование». Московский комитет

16 сентября (за № 3585 и 3586) сообщает, что в заседании 15 сентября по докладу отставного действительного статского советника Истомина постановлено «наложить арест» на брошюры: 1) Гр. Лев Николаевич Толстой. Три дня в деревне. Первый день: Бродячие люди. Второй день: Живущие и умирающие. Третий день. Подати (последнее произведение с портретом писателя). Издание Т-ва издательского дела студенческая жизнь. М. 1911. Тип. И. Н. Холчева и Ко. 23 стр. ц. 20 к. 2) Гр. Л. Н. Толстой. Три дня в деревне. I. Бродячие люди, II. Живущие и умирающие, III. Подати. Народное издательство (Большая Дмитровка, 26), М. 1910, 32 стр. Цена 5 коп.

24 сентября 1910 г. (за № 3715 и 3716) Московский комитет посылает к прокурору Московской судебной палаты пространное отношение с цитатами из «Трех дней» и просьбой утвердить арест брошюр, ибо Комитет признал, что в содержании рассказов «заключаются суждения, возбуждающие классовую вражду и вызывающие враждебное отношение к правительству посредством распространения заведомо ложных о деятельности его сведений». О бумаге к прокурору сообщено также в Главное управление по делам печати (24 сентября за № 3716). Решением Московской судебной палаты от 8 марта 1912 года постановлено: обе брошюры «уничтожить во всем количестве издания», о чем Московский комитет 18 мая 1912 г. (за № 1758) и сообщает в Главное управление. Длившееся полтора года дело не помешало некоторому количеству экземпляров брошюр сохраниться. Первая, например, имеется в ИРЛИ.

Об аресте на брошюры газета «Речь» сообщила публике в номерах от 16 и 17 сентября и, повидимому, это обстоятельство и помешало широкому распространению в России «Трех дней в деревне» в первое время появления.

Впрочем, полностью, но по рукописи без поправок, предложенных В. Г. Чертковым, и отдельно от «Сна» «Три дня в деревне» изданы в 1911 г. С. А. Толстой в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого» ч. XVI, стр. 517–540. После революции «Три дня в деревне» по чертковской редакции и вместе со «Сном», но крайне небрежно изданы «Посредником» под № 1211.

«Сон» же кроме того печатался отдельно. Первое издание его было сделано в 1911 г. в XVI томе «Сочинений гр. Л. Н. Толстого» на стр. 487–496. С этого издания были сделаны перепечатки: а) Л. Н. Толстой. Сон. (О земельном рабстве). Изд. «Посредник» № 1198 in 16° Москва. с. а., б) Серия сочинений Л. Н. Толстого, запрещавшихся цензурой. Под ред. В. Ф. Булгакова № 8. Изд. Задруга. М. 1917. 16°, 16 стр. 20 коп. и в) перепечатка с предшествующего издания Т. Г. Колосовым и А. В. Жандармовым. Екатеринодар. 1918, ц. 35 к.

В основу издания «Трех дней в деревне» кладется текст последней сводной копии статьи (см. Описание рукописей № 79). При жизни Толстого статья была напечатана в «Вестнике Европы» за 1910 г., № 9, стр. 3–21. По цензурным условиям в «Третьем дне» были выпущены и заменены многоточиями слова: 1) «заняты обучением людей убийству, и те, которые»; 2) «в изготовлении орудий убийства». Последняя часть «Сон» по цензурным условиям не была напечатана, а дана лишь в коротеньком изложении (стр. 21–22) и появилась впервые в издании

«Посредника» № 1211.

Текст «Трех дней в деревне» в последней копии при сличении его с черновиками Толстого показывает, что ряд чтений толстовского текста в процессе копировки на машинке искажался переписчиками. И хотя последующие просмотры текстов Толстым как будто авторизовали эти ошибки переписчиков, но редактор считает себя в праве произвести отбор этих искаженных чтений и их поправить, т. е. вернуть к тому виду, в каком они были написаны пером Толстого; в противном случае – оговорить в нижеследующих примечаниях. Непоправленными оставлены случаи замены переписчиками цифр буквенными их обозначениями.

«Первый день (Бродячие люди)».

Стр. 5, строка 14: десятки по автографу № 61. В печатных текстах – десяток.

Стр. 5, строка 16: хоть по автографу № 64. В печатных текстах хотя.

Стр. 5, строка 20: голодного, холодного по автографу № 61. Переписчица рукописи № 66 ввела перестановку, которая попала и в печатные тексты.

Стр. 5, строка 26: постояльцы – по автографу № 60. В копиях и печатных текстах посетители.

Стр. 5, строка 26: среди по автографу № 60; в копиях и печатных текстах среди.

Стр. 6, строка 16: с электр[ическими] освещением по автографу № 60, в копиях и печатных текстах с электрическим освещением.

Стр. 6, строка 27: хоть по автографу № 61, в копиях и печатных текстах хотя бы.

Стр. 6, строка 27: замерзшего по автографу № 66, в копиях и печатных текстах замерзшего.

Стр. 6, строка 39: в автографе № 65 после общества стоит слово состоит, опущенное в копиях и печатных текстах.

Стр. 7, строка 3: бродящих по автографу № 65, в копиях и печатных текстах бродячих.

Стр. 7, строка 7: бродящие по автографу № 65, в копиях и печатных текстах бродячие.

Стр. 7, строка 12: в излишке по автографу № 63, в копиях и печатных текстах избытке.

Стр. 7, строка 34: заходит по автографу № 65, в копиях и печатных текстах заходят.

Стр. 8, строка 3: почти по автографу № 65, в копиях и печатных текстах пропущено.

Стр. 8, строка 21: Подает свидетельство по автографу № 65; переписчица ркп. № 66 пропустила эти слова и потому их нет в печатных текстах.

Стр. 8, строка 29: Что же, мне по автографу № 65. В копиях и печатных текстах Что же? Мне.

Стр. 8, строка 29: руки на себя по автографу № 65. В копиях и печатных текстах на себя руки.

Стр. 8, строка 36: не как... людей по исправлению Черткова в копии № 79, в предшествующих рукописях как не людей.

Стр. 9, строка 32 козырем по автографу № 65, в копиях и печатных текстах козырем стал.

Стр. 9, строка 37: изношена по автографу № 64, в копиях и печатных текстах изношенная.

Стр. 11, строка 12: каких либо по автографу № 61, в копиях и печатных текстах каких бы то ни было.

Стр. 11, строка 13: Стенька Разин, Пугачев... по автографу № 61. В копиях и печатных текстах ошибочно Стеньки Разины, Пугачевы...

Стр. 11, строка 25: хоть по автографу № 61, в копиях и печатных текстах хотя.

Стр. 11, строка 29: Удивительна по автографу № 64, в копиях и печатных текстах: Да, удивительна. Переписчица не заметила, что Да зачеркнуто Толстым в автографе.

«Второй день (Живущие и умирающие)».

Стр. 12, строка 8: дожидают по автографу № 67, в копиях и печатных текстах дождутся.

Стр. 12, строка 21: с трюмя по рукописи № 74. В автографе № 67 было с четырьмя, переписчица рукописи № 69 ошибочно переписала с тремя. Толстой поправил на с трюмя. В печатных текстах с трюмя.

Стр. 12, строка 29: Так по автографу № 67 и копиям № 69 и 73. В

копии № 74 и печатных текстах. – Да.

Стр. 13, строка 26: и дом по автографу № 73, в рукописи № 74 и в печатных изданиях дом.

Стр. 13, строка 28: Выхожу по всем спискам. В рукописи № 74 и печатных изданиях ошибочно Я выхожу.

Стр. 13, строка 38: и лошадь по автографу № 69, в копиях и печатных изданиях лошадь.

Стр. 14, строка 13: определить детей по автографу № 67; в копиях и печатных текстах определили.

Стр. 14, строка 7: определить по автографу № 69, в копиях и печатных изданиях определить.

Стр. 14, строка 21: и не грех по автографу № 67, в копиях и печатных текстах не грех.

Стр. 14, строка 30: телка по автографу № 71, в копии № 74 и в печатных текстах телку.

Стр. 14, строка 31: с по автографу № 71, в копиях и печатных текстах со.

Стр. 15, строка 4: вся была перекошена по автографу № 67.

Стр. 15, строка 27: богатое, большое по автографу № 67. В копиях и печатных текстах большое, богатое.

Стр. 15, строка 40: Девчонка по автографу № 73, где Толстой поправил Девочка на Девчонка, но переписчица рукописи № 74 снова внесла ошибочно Девочка. Так же в печатных текстах.

Стр. 16, строки 20–21: в автографе № 71 так: Дохтор? О–ох. Что мне твой дохтор, дохтур. Мой вон где дохтур... О–ох. Переписчица дважды изменила дохтор на дохтур и раз пропустила дохтур. Но Толстой в рукописи № 72 ввел еще раз Дохтур? перед последним О–ох. Даем однообразно Дохтур, как и в печатных текстах.

Стр. 16, строка 36: этому по автографу № 72, в копиях и печатных текстах ошибочно выпало.

Стр. 16, строка 36: в избушку по автографу № 67, в копиях и печатных текстах в избу.

Стр. 17, строка 14: ей по автографу № 67, в копии № 71 и в печатных текстах нет.

Стр. 17, строка 35: найдешь по автографу № 68 и копиям. Слово пошлешь ошибочно внесено переписчицей в ркп. № 74 и попало в печатные тексты.

Стр. 18, строка 5: и условия по автографу № 73, в копии № 74 и печатных изданиях ошибочно условия.

Стр. 18, строка 24: вин по автографу № 73, в копии № 74 и печатных текстах вина.

Стр. 18, строка 28: присланы по автографу № 73. Ошибка переписчицы рукописи № 74 присылаются перешла в печатные тексты.

«Третий день (Подати)».

Стр. 19, строка 6: сколько по автографу № 75, в копиях и печатных текстах насколько.

Стр. 19, строка 38: в работе по автографу № 75, в копии № 77 и печатных текстах на работе.

Стр. 19, строка 38: у ней по автографу № 75, в копиях у нее.

Стр. 20, строка 9: Я расспрашиваю по копиям и печатным текстам, в автографе № 75 и расспрашиваю.

Стр. 20, строка 12: всю недоимку по автографу № 75, в копиях и печатных текстах все недоимки.

Стр. 20, строка 14: сильными по автографу № 75, в копиях с № 78 и печатных текстах этого слова нет.

Стр. 20, строка 34: А то по копиям и печатным текстам, в автографе № 75 было ошибочно А от

Стр. 21, строка 14: в заработки по автографу № 75, в копиях и печатных текстах на заработки.

Стр. 21, строка 16: и работал по автографу № 75 и копиям, в копии № 78 и печатных текстах работал.

Стр. 21, строка 23: ему по автографу № 75, в копиях и печатных текстах нет.

Стр. 21, строка 31: точка после распоряжение по автографу № 75. В печатных текстах двоеточие.

Стр. 22, строка 3: мирские волостные по копиям, в автографе № 75 ошибочно мирских волост[ных].

Стр. 22, строка 3: 7) сельские по автографу, в последней копии и печатных текстах и 7) сельские.

Стр. 22, строка 8: уж по автографу № 75, в копиях и печатных текстах уже.

Стр. 22, строка 13: У земского по копии № 78, в автографе № 75 ошибочно Для земского.

Сон.

Стр. 24, строка 31: во всем этом доме по автографу № 55, в копиях и печатных текстах во всем доме.

Стр. 25, строка 15: что вы по автографу № 56, в копиях и печатных текстах кто вы.

Стр. 27, строка 17: землю по копиям, в автографе № 59 различными занятиями. Вероятно поправка Толстым внесена в недостающих рукописях.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Всего сохранилось 56 списков разных текстов «Трех дней в деревне».

«Первый день».

Известен в восьми рукописях Архива В. Г. Черткова, хранящихся в ГТМ (Папка 121, №№ 60–66 и 79). Рукописи эти следующие:

1 (№ 60). Автограф, сплошь писанный рукой Толстого на 9 лл. белой бумаги почтового формата (лл. 5 и 6 меньшего формата; л. 8 вырван из тетрадки). Лист 5, оторванный от письма, хранит под слоем текста зачеркнутую печатную надпись: «Mit verbindlichstem Danke für den gütigst gelieferten Beitrag und dem Ausdrücke vorzüglichster Hochachtung überreicht von der Dieterich'schen Verlagsbuchhandlung Teodor Weicher». Все листы исписаны с обеих сторон; оборот л. 9 не заполнен. Пагинация постраничная рукой Толстого с 1 по 7 серыми чернилами, с 8 по 17 чернилами с лиловатым оттенком. Текст – черновая редакция без заглавия. Поправок немного. На обложке рукой В. М. Феофановой помечено карандашом: «Черновики к ст. о Нищих». Текст печатается нами целиком в вариантах под № 1 (на стр. 348) со

всеми поправками Толстого в примечаниях. Не оговорены только четыре перестановки текста.

2 (№ 61). Машинописная копия с предыдущей рукописи, с исправлениями и дополнениями Толстого, на 8 лл. писчей бумаги, из которых 6 лл. в 4-ку, а лл. 5 и 6 – обрезки. Письмо с одной стороны. Пагинация машинописью 1–6, 10; последний лист без пагинации. На обложке помета карандашом рукой О. К. Толстой: «Черновики новой статьи 19 Дек. 09». Текст – первая переделка статьи, без заглавия. Текст – неполный, так как части некоторых листов вырезаны и механически перенесены в последующие рукописи. Число исправлений значительно, двумя цветами чернил, серыми и лиловыми; в конце крупная вставка, которую печатаем в вариантах под № 2 (на стр. 352).

3 (№ 62). Машинописная копия с поправками и дополнениями Толстого, на 6 лл. писчей бумаги, из которых лл. 1, 2, 4 – обрезки, 1 л. в 4-ку и два листа почтового формата со вставками Толстого. Письмо с одной стороны, только лист 3 (вставка) исписан с обеих сторон. Пагинация была первоначально карандашная, с этой пагинацией остались лл. 8 и 13; на остальных листах пагинации нет. На обложке карандашом рукой А. Л. Толстой помета: «Черновики статьи о прохожих 19 Дек. 09 г.» Текст – вторая переделка – неполный, так как часть листов перенесена в последующие рукописи. Главные поправки – три крупные вставки. Новый конец статьи печатаем в вариантах под № 3 (на стр. 353).

4 (№ 63). Машинописная копия с поправками и дополнениями Толстого, на 15 лл. писчей бумаги в 4-ку, из которых листы 7–12 – обрезки. Письмо с одной стороны. Пагинация карандашная, оставшаяся от предыдущей рукописи (1–5), частью подправленная (6, 10–12, 15); обрезки не нумерованы. На обложке карандашом рукой О. К. Толстой: «Черновики» «Надо что-нибудь сделать» 20 Дек. 09». Текст – третья переделка. Рукою Толстого – заглавие: «Надо что-нибудь сделать». Текст неполный, так как части некоторых листов вырезаны и перенесены в последующие копии. Число исправлений значительно.

5 (№ 64). Машинописная копия с предшествующей с поправками Толстого, на 16 лл. писчей бумаги в 4-ку, лист 11 – обрезок. Письмо с одной стороны. Пагинация черным карандашом рукой В. М. Феокритовой цифрами 1–15 (обрезок не пронумерован), причем лл. 7–15 хранят зачеркнутые цифры прежних пагинаций. На многих листах текст образован! склейкой обрезков. На обложке рукой Толстого чернилами помета: «на бело»; рукой О. К. Толстой карандашом: «Новая статья». Текст – четвертая переделка статьи с заглавием рукой Толстого: «Бродячие люди» (над зачеркнутым «Надо что-нибудь сделать»). Текст полный; число исправлений невелико. Начало; В наше время у нас по деревням – конец: телесных испытываемых ими теперь страданий.

6 (№ 65). Машинописная копия с предшествующей с поправками и дополнениями Толстого, 7 лл., из которых лл. 3 и 4 – почтового формата, л. 7 – обрезок, а остальные – формата развернутого почтового листа. Письмо с одной стороны. Пагинация машинная только на первых листах (цифры 3 и 4). На обложке рукой О. К. Толстой карандашная помета: «Бродячие люди. Черновики. 31 Дек. 09». Текст –

пятая (беловая) переделка статьи, без начала и ряда листов, перенесенных в следующую копию. Исправлений два слоя – чернильные и карандашные, в общем значительные; на почтовых листках – крупная вставка.

7 (№ 66). Машинописная копия с предыдущей рукописи – частью вновь сделанная, частью – перенесенные оттуда листки. На 11 листах бумаги формата развернутого почтового листа. Письмо с одной стороны. Пагинации нет, только на втором листе, перенесенном из предыдущей рукописи, стоит машинная цифра 2. В конце текста машинная дата: «26 Дек. 09 г. Ясная Поляна». Текст – шестая (беловая) переделка; с заглавием машинописью «Бродячие люди». Текст – полный с небольшим числом мелких авторских исправлений, сделанных частью чернилами, частью карандашом. Начало: В наше время, по деревням, завелось нечто» – конец: «испытываемых ими теперь страданий».

Известен, наконец, список, легший в основу издания текста в «Вестнике Европы» (о нем см. ниже в рукописях сводного текста).

«Второй день».

Второй день известен в девяти рукописях, хранящихся в ГТМ (АЧ. Папка 121, №№ 67–74 и 79). Рукописи эти следующие:

1 (№ 67). Автограф, сплошь писанный рукою Толстого, на 11 лл. разного формата (л. 2 – обрезок). Текст писан с одной стороны; на обороте обрезка три слова, не относящиеся к данной статье, именно: «Вся жизнь человека». Пагинация постраничная рукою Толстого зеленым карандашом цифрами 1–10 (обрезок помечен цифрой «2», так как содержит вставку на л. 2). Текст – черновая редакция, без заглавия. Текст полный, писан серыми выцветшими чернилами, поправок немного. Весь с поправками печатается нами в вариантах под № 4 (на стр. 353).

2 (№ 68). Машинописная копия с предшествующей рукописи с поправками и дополнениями Толстого, на 8 лл. писчей бумаги, из которых листы 1, 2, 3, 4 и 7 – обрезки, л. 6, содержащий вставку. Письмо с одной стороны, за исключением л. 6, исписанного с обеих сторон. От чернильной пагинации рукою А. Л. Толстой остались цифры 11 и 12. В конце машинная дата: «29 Декабря, 09 года. Ясная Поляна». Текст – первая переделка – неполный; большая часть перенесена в последующие рукописи. При этом весь отрывок текста о даме, везущей мужа в Алжир (см. вариант № 4, стр. 354, строка 31 со слов: «родственница жена члена государственного Совета»... и кончая на стр. 355, строка 17 словами: «... о знакомых, о Думе»), несомненно переписанный и составлявший листы 3 и 4 с машинной пагинацией 3 и 4, в дальнейших рукописях «Трех дней в деревне» вообще не встречается. Число исправлений значительно. Крупная вставка на особом листе напечатана нами в «Истории писания» (см. стр. 467).

3 (№ 69). Машинописная копия, составленная частью из листов и обрезков, перенесенных из предшествующей рукописи, частью из вновь переписанных с нее листов. 16 лл. белой писчей бумаги, из которых лл. 2, 3, 6, 7, 11, 12 – обрезки, лл. 4, 14–16, содержащие вставки, – почтового формата, остальные в 4-ку. Тексте одной стороны. На отдельных листах следы пагинации, частью машинной, частью чернилами, частью карандашной – все рукой не Толстого. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашная помета: «Второй день в деревне. 11-го января 1910 г.» Текст – вторая переделка с заглавием рукой Толстого: «Второй день в деревне». Текст неполный, так как отдельные части его перенесены в последующие рукописи. Число исправлений значительно. Вместо очевидно вынутых из этих рукописей листов о даме, везущей мужа в Алжир, совершенно заново написан конец, который по данной рукописи печатается в вариантах мод № 5 (на стр. 359).

4 (№ 70). Машинописная копия с предшествующей рукописи с поправками Толстого. 7 лл. писчей бумаги, из которых лл. 1–5 и 7 – обрезки, а л. 6 в 4-ку. Текст на одной стороне. Остатки чернильной пагинации предшествующей рукописи 7, 8, 12, 13. Текст – третья переделка – неполный, так как часть перенесена в последующие рукописи. Число исправлений не велико.

5 (№ 71). Машинописная копия с поправками Толстого, на 8 лл. писчей бумаги, из которых лл. 2 и 8 обрезки, 3–5 почтового размера, содержащие вставки рукой Толстого, остальные в 4-ку. Текст писан на одной стороне, только л. 4 (вставка) исписан с обеих сторон. Следы двух пагинаций чернилами и карандашом рукой В. М. Феокритовой и А. Л. Толстой. На обложке карандашом рукой В. М. Феокритовой: «Второй день. 12-го января 1910 г.» Текст – четвертая переделка – неполный, так как некоторые части его перенесены в последующие рукописи. Число исправлений значительно, большая вставка на трех вложенных листках.

6 (№ 72). Машинописная копия с поправками Толстого, на 9 лл. писчей бумаги, из которых лл. 1, 7 и 8 – обрезки, а остальные в 4-ку. Текст на одной стороне, следы правленной карандашной пагинации рукой В. М. Феокритовой. Текст – пятая переделка – неполный, так как некоторые части его перенесены в последующие тексты. Исправлений много, но некрупные.

7 (№ 73). Машинописная копия с поправками Толстого, на 12 лл. писчей бумаги, из которых лл. 1–3, 5 и 9 – обрезки, а остальные в 4-ку. Письмо с одной стороны. Следы тройной карандашной пагинации. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашом помета: «15-го января». На последнем зачеркнутом и, по всем данным, перенесенном из одной из предшествующих рукописей листе дата рукой В. М. Феокритовой: «11-го января 10 г.» Текст – шестая переделка – неполный, так как некоторые части его перенесены в следующую рукопись. Поправок много, но некрупные: несколько значительных вставок на полях и в конце текста.

8 (№ 74). Машинописная копия № 73 с поправками Толстого, на 18 лл. писчей бумаги в 4-ку, Письмо с одной стороны. Пагинация сплошная с 1–18, частью карандашная, частью машинная. Текст составлен из разных обрезков, перенесенных из предшествующих рукописей. Текст – беловик шестой переделки, полный, с машинописным заглавием «Второй день в

деревне», под которым рукой Толстого подзаголовок: «Живущие и умирающие». В конце машинописная дата «15-го января 1910 г. Ясная Поляна». Поправок не больше десятка, при том все мелкие. Начало: «Я сижу за работой, приходите тихо» – конец: «Погоди, скоро летать будем».

О списке, легшем в основу издания в «Вестнике Европы», см. ниже в рукописях сводного текста.

«Третий день».

Третий день известен в пяти рукописях (АЧ, Папка 121 №№ 75–78 и 79).

1 (№ 75). Рукопись–автограф, сплошь написанный рукой Толстого на 11 лл. белой бумаги почтового размера, лист 12 – чистый. Текст писан на одной стороне; вставка к л. 3 вписана на обороте л. 2 и помечена страницей 4. Пагинация рукой Толстого чернилами: 1–12. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашная помета «Первый оригинал Подати. 10-го января 1910 года». Текст – черновая редакция, с заглавием «Подати». Поправок очень немного. Текст полностью с поправками публикуется нами в вариантах № 6 (на стр. 360).

2 (№ 76). Машинописная копия с предшествующей рукописи с поправками Толстого, на 4 лл. писчей бумаги в 4-ку. Письмо с одной стороны. Пагинация машинописная: 3, 5, 7. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашом помета: «Третий день в деревне. 11-го января 1910 г.» Текст – первая переделка статьи, с рукописным заглавием рукой Толстого «Третий день в деревне» (над зачеркнутым машинным «Подати»), Текст неполный, так как часть листов перенесена в следующие рукописи. Поправок много, есть крупные вставки на полях.

3 (№ 77). Машинописная копия, на 3 лл. писчей бумаги (лист 2 обрезок, остальные в 4-ку). Текст на одной стороне. Следы чернильной пагинации рукой В. М. Феокритовой. В конце рукой В. М. Феокритовой чернилами дата: «11-го января 1910 г.» На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашом помета: «Черновики. 3-й день в деревне». Текст – вторая переделка главным образом начала и конца текста статьи, середина вся перенесена в следующую рукопись. Под машинописным заглавием «Третий день в деревне» рукой Толстого вписан подзаголовок «Подати». Поправки значительные, в конце вставка.

4 (№ 78). Машинописная копия с поправками Толстого, на 10 лл. белой писчей бумаги в 4-ку, составленная частью путем склеивания обрезков предшествующих рукописей. Письмо с одной стороны. Пагинация с 1–10 рукой В. М. Феокритовой (машинная, карандашная и чернильная, с сохранением на отдельных листах следов прежней пагинации). В конце текста машинописная дата: «15 января 1910 г. Ясная Поляна». Текст – беловик второй переделки с машинописным заглавием «Третий день в деревне» и машинописным же подзаголовком «Подати». Текст полный,

поправок очень немного и незначительные. Начало: «Кроме обычных посетителей и просителей» – конец: этого грубого и неблагодарного народа».

О списке, легшем в основу издания в «Вестнике Европы» см. ниже в рукописях сводного текста.

«Сон».

«Сон» произведение, которое испытало 29 значительных переделок Толстого. сохранилось в 37 рукописях. В виду необычайной сложности работы Толстого все рукописи его разбиваются на пять редакций, понимая под этим словом текст, имеющий совершенно новый художественный вид. Редакции разбиваются на переделки, если исправление идет по всему тексту, и на правки, если исправления касаются только части текста. Сохранившиеся рукописи хранятся в АЧ (Папка № 121).

Первая редакция (без заглавия).

1 (№ 31). Рукопись–автограф, сплошь писанный рукой Толстого на 10 лл. белой бумаги почтового формата. Все листы исписаны с обеих сторон, кроме лл. 1 и 10, на которых текст с одной стороны. Пагинация постраничная рукой Толстого: 1–18; страницы 16 и 17 ошибочно переставлены. На обороте л. 1 малограмотным почерком адрес: «Ст. Ревякино. Моско. Курской ж. д. С. Бушево имение Стрекаловой» (лист очевидно оторван от письма). Рукопись имеет два цвета чернил – бледно–серый и черный (со стр. 11). Рукопись в обложке, на которой помета чернилами рукою А. Л. Толстой: «Черновое худож. начатое 23 окт. 09 г.» Текст – первая черновая редакция, без заглавия. Поправок немного главным образом в первой половине статьи. По этому списку текст печатается нами целиком в вариантах под № 7 (на стр. 364) с поправками автора.

2 (№ 32). Переделка первого листа первой редакции, на 2 лл., из которых один – обрезок машинописная копия с поправками Толстого, другой почтового размера, с обеих сторон исписанный его же рукой. Без заглавия.

Из этой рукописи печатаем вариант № 8 (на стр. 369).

3 (№ 33). Машинописная копия с №№ 31 и 32 с исправлениями и дополнениями Толстого, на 8 лл. писчей бумаги, из которых л. 2 – обрезок, л. 6 – почтового формата, остальные в 4–ку. Текст – остатки (после перенесения отдельных листов в последующие рукописи) от первой переделки. Полный текст этой рукописи был на 11 нумерованных лл. и может быть составлен таким образом: рукопись № 32, лл. 1, 2;

р.к. № 33, лл. 3–7 ; р.к. № 35, л. 8; р.к. № 37, лл. 22 и 23; р.к. № 42, л. 12; р.к. № 39, л. 16; р.к. № 37, лл. 24–28 и р.к. № 33, л. 8. Поправки Толстого многочисленны над строками, на полях, на обороте листов и на особом вложенном листе. Кроме чернил в одном месте след красного карандаша.

Из этой рукописи даем вариант № 9 (на стр. 370).

4 (№ 34). Машинописная копия с исправлениями и дополнениями Толстого, на 4 лл. писчей бумаги, из которых лл. 3,4 – обрезки, остальные в 4–ку. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашная помета: «Черновики 8–го Ноября 1909 г.» Текст – остатки от второй переделки первой, редакции. Полный вид ее восстанавливается так: рукопись № 34, лл. 1; и 2; р.к. № 36, л. 5; р.к. № 35, л. 3; р.к. № 36, л. 6; р.к. № 37, лл. 12: и 13; р.к. № 34, л. 3; р.к. № 39, л. 8; р.к. № 34, л. 4; р.к. № 39, л. 9; р.к. № 35, лл. 5–8; р.к. № 37, лл. 22 и 23; р.к. № 42, л. 12; р.к. № 39, л. 16; р.к. № 37, лл. 24–28 и 30–32. Поправки Толстого значительны над строками и на полях.

Из этой рукописи извлекаем вариант № 10 (на стр. 371).

5 (№ 35). Машинописная копия с исправлениями и дополнениями Толстого на 8 лл., из которых лл. 1–3 и 8 – обрезки, лл. 4 почтового формата, а остальные в 4–ку. Следы чернильной пагинации рукой В. М. Феокритовой. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашная помета: «Черновики (Обед у кн. Черкасовой) 8–го ноября 09 г.» Текст – остатки от третьей переделки первой редакции. Полный вид ее восстанавливается так: рукопись № 35, л. 1; р.к. № 30, л. 1; р.к. № 35, л. 2; р.к. № 36, лл. 3–5; р.к. № 35, л. 3; р.к. № 36, л. 6; р.к. № 37; лл. 12–14; р.к. № 39, лл. 8–9; р.к. № 35, лл. 4–8; р.к. № 37, лл. 22 и 23; р.к. № 42, л. 12; р.к. № 39, л. 16; р.к. № 37, лл. 24–27, 28, 30–32. Поправки Толстого значительны над строками, на полях и на отдельном листе.

Варианты №№ 11–13 (на стр. 372–373) извлечены нами из этой рукописи.

6 (№ 36). Машинописная копия с немногими поправками Толстого» на 6 лл. писчей бумаги в 4–ку. Пагинация карандашом с 1–6. На обложке рукой В. М. Феокритовой помета: «Черновые к «Из Воспоминаний врача». Текст – остатки от беловика третьей переделки первой редакции после перенесения большей части листов рукописи во вторую редакцию. Этот беловой вид рукописи реконструируется благодаря карандашной пагинации: рукопись № 36, лл. 1–6; р.к. № 37, лл. 12–14; р.к. № 39, лл. 8 и 9; р.к. № 37, лл. 15–23; р.к. № 42, л. 12; р.к. № 39, л. 16; р.к. № 37, лл. 24–28, 30–32. Имеющиеся в данной рукописи немногие поправки Толстого относятся к предшествующим этапам работы и, следовательно, данная рукопись не представляет следов новой работы Толстого над текстом.

Вторая редакция («Из воспоминаний врача»).

7 (№ 37). Рукопись – частью автограф, первые 8 лл., писанный рукой

Толстого, частью машинопись, перенесенная из предшествующих рукописей и правленная над строками и на полях. На отдельных листах – вставки рукой Толстого. Рукопись на 32 лл. Первые 11 лл. почтового размера, лл. 14, 19–21, 23, 24, 27, 29–31 – обрезки, л. 28 в 4-ку. Листы 9–11 чистые, лл. 1, 2, 7, 8 писаны на одной стороне вдоль страницы, лл. 3–6 с обеих сторон, остальные машинопись с одной стороны. Пагинации единой нет; на первых листах ее нет вовсе, на последних следы нескольких прежних пагинаций. Текст – представляет капитальное изменение и замысла, и формы, и содержания предшествующего и представляет вторую редакцию статьи. Заглавие рукой Толстого – «Из воспоминаний врача». По этому списку текст печатается нами целиком в вариантах под № 14 (на стр. 374), причем первая часть его воспроизводится со всеми поправками Толстого. Небольшой кусок этого текста переносился до ркп. № 42 лист 12, по которой и воспроизведен нами вариант № 14.

8 (№ 38). Машинописная копия с поправками и небольшой вставкой Толстого, на 4 лл. в 4-ку, из которых лл. 3 и 4 – обрезки, без пагинации. Текст – остатки от небольшой частичной правки одного места второй редакции. Густые лиловатые чернила показывают, что эта правка сделана после ркп. № 37, но до ркп. № 39, в которой чернила бледно-сероватые. Палеографические признаки подтверждаются и анализом текста.

Третья редакция («Сон»).

9 (№ 39). Машинописная копия с многочисленными поправками над строками, на полях и оборотах листов рукой Толстого, на 24 лл. писчей бумаги, из которых лл. 4–6, 16 – обрезки. Следы машинописной и карандашной пагинации. На обложке рукой В. М. Феофоровой карандашная помета «Из воспоминаний врача» и рукой А. Л. Толстой: «Черновые 11 Дек. 09. «Сон».» Текст – остатки от третьей редакции, представляющей крупное изменение и художественной формы (Толстым по зачеркнутому заглавию «Из воспоминаний врача» вписано новое: «Сон» и соответственно изменен текст) и материала. Полный вид этой первой редакции восстанавливается так: рукопись № 39, лл. 1–4; ркп. № 40, лл. 3 и 4; ркп. № 39, л. 5; ркп. № 41, л. 7; ркп. № 40, л. 6; ркп. № 39, л. 6; ркп. № 40, л. 7; ркп. № 39, лл. 7–13, 13а, 14 и 15; ркп. № 42, л. 12; ркп. № 39, лл. 16–23; ркп. № 44, лл. 9 и 10; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 44, л. 11.

По этой рукописи печатаем вариант № 15 (на стр. 385).

10 (№ 39а). Автограф, 4 лл., вырванные из блок-нота, исписанные с обеих сторон, частью чернилами, частью карандашом рукой Толстого. Красным карандашом пагинация: 1–6, его же рукою. Листы в обложке с карандашной надписью рукой Толстого: «К Разговору». Текст представляет специально написанную вставку в третью редакцию. Начало: «А потому что я имѣю счастье быть», конец: «видишь кто у кого укралъ и крадетъ». Вставка была переписана на машинке и составила в ркп. № 39 листы 19–22.

11 (№ 40). Машинописная копия с значительными исправлениями Толстого над строками, на полях, на 14 лл., из которых лл. 10, 11, 12 – обрезки, остальные в 4-ку. Следы двух пагинаций – чернильной и карандашной. На обложке рукой В. М. Феокритовой: «Черновые «Сон» 12-го Декабря 1909 г.» Текст – остатки первой переделки третьей редакции, с машинописным заглавием «Сон», в полном виде составляется так: рукопись. № 40, лл. 1–5; ркп. № 41, л. 7 (низ); ркп. № 40, лл. 6–9; ркп. № 41, лл. 12–13; ркп. № 40, лл. 10–11; ркп. № 45, л. 15; ркп. № 43, лл. 5, 4; ркп. № 40, лл. 12–13; ркп. № 42, лл. 12, 13; ркп. № 44, л. 6; ркп. № 42, л. 14; ркп. № 40, л. 14; ркп. № 44, л. 7; ркп. № 41, л. 17; ркп. № 41, лл. 14–16, 18; ркп. № 44, лл. 9, 10; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 44, л. 11.

Из этой рукописи печатаем вариант № 16 (на стр. 385).

12 (№ 41). Машинописная копия с многочисленными поправками Толстого над строками, на полях и со вставками на особых листах, на 18 лл. из которых л. 3 – обрезок, л. 1 – почтового формата вставка, лл. 14–16, вырванные из блок-нота, содержат вставку, писанную рукой А. Л. Толстой, остальные листы в 4-ку. Следы пагинации частью чернилами, частью карандашом рукой В. М. Феокритовой. На обложке чернильная помета ее же рукой: «Черновые. Сон 15 Дек. 09 г.» Текст – остатки от второй переделки третьей редакции с машинописным заглавием «Сон» в полном виде составляется так: рукопись № 41, лл. 1–10; ркп. № 42, л. 10; ркп. № 42, л. 12; ркп. № 43, л. 4; ркп. № 45, л. 15; ркп. № 43, л. 5; ркп. № 42, л. 11; ркп. № 42, л. 13; ркп. № 44, л. 6; ркп. № 42, лл. 14, 15; ркп. № 45, л. 18; ркп. № 44, л. 7; ркп. № 41, л. 14–18; ркп. № 44, л. 9.

По этой рукописи печатаем варианты №№ 17 и 18 (на стр. 388 и 390).

13 (№ 42). Машинописная копия с многими поправками над строками и на полях рукой Толстого, частью чернилами, частью черным карандашом, на 16 лл., из которых лл. 2, 8, 11, 13 – обрезки, а остальные в 4-ку. Следы пагинации частью чернилами и частью карандашом рукой В. М. Феокритовой. на обложке карандашом помета рукой О. К. Толстой: «Сон». Черновики 16-го Дек. 09». Текст – остатки от третьей переделки третьей редакции, с машинописным заглавием «Сон», в полном виде составляется так: рукопись № 42, лл. 1, 2; ркп. № 45, л. 2; ркп. № 42, л. 3; ркп. № 45, л. 4; ркп. № 42, лл. 4–8; ркп. № 45, л. 8; ркп. № 42, лл. 9, 10; ркп. № 43, л. 3; ркп. № 45, л. 13; ркп. № 43, л. 4; ркп. № 45, лл. 14, 15; ркп. № 43, л. 5; ркп. № 42, лл. 11–13; ркп. № 44, л. 6; ркп. № 42, лл. 14–15; ркп. № 45, л. 18; ркп. № 44, лл. 7, 8; ркп. № 43, л. 8; ркп. № 47, л. 9; ркп. № 48, л. 7; ркп. № 47, л. 10; ркп. № 42, л. 16; ркп. № 44, л. 9; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 44, лл. 10, 11. Третья переделка третьей редакции возникла из предшествующей таким образом: на машинке было перебелено все начало второй переделки третьей редакции, механически перенесена вторая половина, а затем автор продолжал править. Установить точно слой поправок третьей переделки третьей редакции на листах, вошедших в последующие, – не легко, так как мы имеем поправки чернилами темно-лиловыми, светло-серыми и карандашом. Сопоставления палеографические убеждают, что на долю данной переделки приходится поправки светло-серыми чернилами и карандашом.

14 (№ 43). Машинописная копия с немногочисленными поправками рукой Толстого, на 8 лл., из которых лл. 4–8 – обрезки, а остальные в 4–ку. Следы карандашной пагинации рукой В. М. Феокритовой. На обложке карандашом рукой О. К. Толстой: «Сон. Черновики 17 Дек. 09». Текст – остатки четвертой переделки третьей редакции – в полном виде восстанавливается так: рукопись № 44, л. 1; ркп. № 45, л. 2; ркп. № 43, л. 1; ркп. № 45, лл. 3–8; ркп. № 44, л. 3; ркп. № 43, л. 2; ркп. № 45, л. 11; ркп. № 43, л. 3; ркп. № 45, лл. 13, 14; ркп. № 43, л. 4; ркп. № 45, л. 15; ркп. № 43, л. 5; ркп. № 44, лл. 5–6; ркп. № 43, л. 6; ркп. № 45, л. 17; ркп. № 43, л. 7; ркп. № 45, л. 18; ркп. № 44, лл. 7, 8; ркп. № 43, л. 8; ркп. № 47, л. 8; ркп. № 47, лл. 9, 10; ркп. № 48, л. 7; ркп. № 44, л. 9; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 44, лл. 10–11. Палеографически бесспорно, что на долю четвертой переделки третьей редакции падают правки густочерными чернилами.

15 (№ 44). Машинописная копия с многими поправками и дополнениями рукой Толстого, на 11 лл., из которых лл. 5, 8, 10 – обрезки, а остальные в 4–ку. Остатки разных карандашных пагинаций. На обложке рукой О. К. Толстой помета: «Сон. Черновики 19 Дек. 09». Текст – остатки пятой переделки третьей редакции с машинописным заглавием «Сон» в полном виде составляется так: рукопись № 45, лл. 11–14; ркп. № 44, л. 5; ркп. № 45, л. 15; ркп. № 44, л. 6; ркп. № 45, лл. 17, 18; ркп. № 44, лл. 7, 8; ркп. № 47, лл. 8–10; ркп. № 48, л. 7; ркп. № 44, лл. 9, 10; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 44, л. 11. Палеографический признак правок этой рукописи – бледно-серые чернила.

16 (№ 45). Машинописная копия с поправками значительными главным образом над строками, на 19 лл., из которых лл. 1 и 19 – обрезки, а остальные в 4–ку. Пагинация чернильная рукой В. М. Феокритовой сделана заново по старой карандашной: 1–19. На обложке машинописное заглавие «Сон». Текст – большая часть листов шестой переделки третьей редакции в полном виде составляется так: рукопись № 46, л. 1; ркп. № 45, лл. 1–19; ркп. № 47, лл. 7–9; ркп. № 48, лл. 7–9; ркп. № 51, л. 10; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 46, л. 6. Весь текст на полях отчеркнут карандашом рукой Толстого и снабжен пометой: «пр.» [пропустить].

Четвертая редакция («Сон»).

17 (№ 46). Рукопись на 6 листах, частью писанная рукой Толстого (лл. 2–5), частью машинопись (лл. 1 и 6). Лл. 1, 6 – обрезки, лл. 2 и 3 – в 4–ку, лл. 4 и 5 – почтового формата. Пагинации нет. Лл. 2–5 писаны с обеих сторон. Текст – остатки от четвертой редакции, заглавие машинописное «Сон». Рукопись была составлена так. Начало, пять строк, вырезки из ркп. № 45; большая часть дальнейшего текста написана заново на 4 листах. Чернила – густо черные. Вся рукопись восстанавливается так: рукопись № 46, л. 1; ркп. № 46, лл. 2–5; ркп. № 47, лл. 7–10; ркп. № 48, лл. 7, 8; ркп. № 51, л. 10; ркп. № 48, л. 9; ркп. № 49, л. 8; ркп. № 46, л. 6. По этим листам восстановленный текст первого черновика четвертой редакции печатается нами целиком в вариантах под № 19 (на стр. 390).

18 (№ 47). Машинописная копия, испещренная поправками рукой Толстого над строками, на полях, на обороте листов. На 10 лл., из которых лл. 9 и 10 – обрезки, а остальные в 4-ку. Остатки карандашной и чернильной пагинации рукой В. М. Феокритовой и А. Л. Толстой. На обложке рукой О. К. Толстой «Сон. Черновики 21 Дек. 09.» Текст – остатки от первой переделки четвертой редакции, заглавие машинописное «Сон». Полный вид ее: рукопись № 47, лл. 1–10; ркп. № 48, лл. 7–9; ркп. № 51, л. 10; ркп. № 49, л. 8.

19 (№ 48). Машинописная копия с многими поправками рукой Толстого главным образом над строками и на полях. На 9 лл., из которых лл. 1, 8, 9 – обрезки, а остальные в 4-ку. Пагинации нет. На обложке рукой В. М. Феокритовой карандашная помета: «Сон. 23. XII–09 г.» Текст – остатки от второй переделки четвертой редакции. Полный вид ее составляется так: рукопись № 51, л. 1; ркп. № 48, лл. 1–6; ркп. № 50, л. 7; ркп. № 48, лл. 7–9; ркп. № 51, л. 10; ркп. № 49, л. 8.

20 (№ 49). Машинописная копия с многими поправками рукой Толстого над строкой, на полях и вставками на оборотах. На 8 лл., из которых лл. 1, 2, 6, 7 – обрезки, остальные в 4-ку. Следы нескольких пагинаций карандашных рукой А. Л. Толстой и В. М. Феокритовой. На обложке рукой А. Л. Толстой чернильная помета: «Черновые «Сон» 23 Дек. 09 г.» Текст – остатки от третьей переделки четвертой редакции. Полный вид ее составляется так: рукопись № 51, л. 1; ркп. № 49, л. 1; ркп. № 50, л. 1; ркп. № 49, л. 2; ркп. № 50, л. 2; ркп. № 49, лл. 3–5; ркп. № 50, лл. 7, 8; ркп. № 49, лл. 6, 7; ркп. № 51, л. 10; ркп. № 49, л. 8.

21 (№ 50). Машинописная копия с многими поправками чернилами и карандашом рукой Толстого над строками и на полях. На 11 лл., из которых л. 10 – обрезок, а остальные в 4-ку. Остатки карандашной пагинации. На обложке рукой А. Л. Толстой карандашная помета: «Черновые «Сон» 24 Дек. 09 г.» Текст – остатки от четвертой переделки четвертой редакции. Полный вид ее составляется так: рукопись № 51, л. 1; ркп. № 50, лл. 1–9; ркп. № 51, лл. 10–11; ркп. № 50, лл. 10, 11.

22 (№ 51). Машинописная копия с очень многими поправками и вставками рукой Толстого, на 12 лл., из которых лист 9 – обрезок, л. 6 – вставка почтового формата, а остальные в 4-ку. Карандашная неполная пагинация. IIа первом листе, служащем обложкой, помета карандашом рукой В. М. Феокритовой: «Сон». Текст – остатки от пятой переделки четвертой редакции. Дата и подпись Толстого: «25 дек. Лев Толстой». Заглавие машинописное: «Сон». Полный вид этой редакции составляется так: рукопись № 51, лл. 1–9; ркп. № 52, л. 14; ркп. № 51, лл. 10–12.

23 (№ 52). Машинописная копия, сплошь испещренная поправками рукой Толстого над строками, на полях и со вставками на отдельных листах. На 16 лл., из которых лл. 1, 5, 6, 11, 13 – обрезки, лл. 2, 7, 10, 12, содержащие вставки, почтового формата, остальные в 4-ку, л. 16 чистый. Остатки двух пагинаций карандашных (черный и красный карандаши). На обложке помета рукой А. Л. Толстой: «Черновые «Сон» 26 Дек. 09 г.» Текст – остатки от шестой переделки четвертой

редакции. Полный вид ее составляется так: рукопись № 53, л. 1; рук. № 52, лл. 1–15.

24 (№ 53). Машинописная копия с предшествующей рукописи, с многими поправками рукой Толстого над строками, на полях и оборотах листов. На 13 лл., из которых л. 9 – обрезок, л. 3 – почтового размера, а остальные в 4-ку. Пагинация чернильная рукой В. М. Феокритовой. На последнем листе рукой Толстого дата: «27 Дек.» и подпись: «Лев Толстой». Текст – остатки от седьмой переделки четвертой редакции. Заглавие машинописное «Сон». Полный вид ее составляется так: рукопись № 53, лл. 1–8; ркп. № 54, л. 8; ркп. № 53, лл. 9–11; ркп. № 54, л. 12; ркп. № 53, л. 12.

25 (№ 54). Машинописная копия с рукописи № 53 с многими поправками над строкой, на полях и вставками рукой Толстого, на 13 лл. писчей бумаги, из которых л. 8 – обрезок, а остальные в 4-ку. Пагинация полная чернилами рукой В. М. Феокритовой цифрами 2–13, лист 1 не нумерован. На л. 13 машинописная дата: «27 Декабря, 09 г.» Поправки чернилами и карандашом. Текст – полностью восьмая переделка четвертой редакции. Заглавие машинописное: «Сон». Начало: «Я видел такой значительный сон», конец: «слышанного мною во сне, передана верно».

26 (№ 55). Машинописная копия с рукописи № 54 с многими поправками рукой Толстого над строками текста, на 9 лл. папиросной бумаги формата развернутого почтового листа. Пагинация машинная 1–4, и рукой В. М. Феокритовой чернильная 5–8, последний лист не нумерован. На последнем листе машинописная дата: «28 Декабря, 09 года. Ясная поляна». Текст – девятая переделка четвертой редакции с машинописным заглавием «Сон». Начало: «Я видел такой значительный сон, что» конец: «мною во сне передана верно». Данный список рассматривался как беловик и потому был размножен в нескольких экземплярах.

27 (№ 56). Машинописный текст с многочисленными поправками и вставками рукой Толстого, на 11 лл., из которых лл. 4, 6, 11 – обрезки, лл. 7 и 8, содержащие вставки почтового размера, а остальные папиросной бумаги формата развернутого почтового листа. Следы нескольких пагинаций, машинописных и рукой В. М. Феокритовой. На обложке помета синим карандашом рукой О. К. Толстой: «Сон. Черновики 1 Янв. 09». Текст – остатки от десятой переделки четвертой редакции с машинописным заглавием «Сон». Полный вид составляется так: рукопись № 56, л. 1; ркп. № 58, лл. 2–4; ркп. № 56, лл. 2–11; ркп. № 59, л. 12. Были взяты листы одного из экземпляров № 55, другие части текста № 55 были перебелены машинисткой, и Толстой на этот текст наносил новые поправки.

28 (№ 57). Машинописная копия с немногими поправками рукой Толстого, на 3 лл. – обрезках. Следы пагинации карандашом рукой В. М. Феокритовой. На обложке машинописью: «Сон». Текст представляет правку трех листов десятой переделки четвертой редакции.

29 (№ 58). Машинописная копия, испещренная поправками Толстого над строками и на полях. На 11 лл., из которых лл. 3, 5, 8, 9 – обрезки, а остальные формата развернутого почтового листа. Следы пагинации

машинописью и химическим карандашом рукой В. М. Феокритовой. Текст – одиннадцатая переделка четвертой редакции, с машинописным заглавием «Сон». Полный текст составляется так: рукопись № 58, лл. 1–4; ркп. № 59, лл. 4, 5; ркп. № 58, лл. 5–7; ркп. № 59, л. 9; ркп. № 58, лл. 8–11; ркп. № 59, л. 12.

30 (№ 59). Беловая машинописная копия с рукописи № 58 с рядом очень значительных поправок рукой Толстого над строками и на полях. На 12 лл. писчей бумаги в лист (один 12-й л. бумага папиросная). Пагинация машинописная (1–4, 6), карандаш (5) и чернила (7–10), предпоследний лист не нумерован; последний лист, являющийся в рукописи двенадцатым, нумерован карандашом цифрой 11. Текст – полный вид двенадцатой переделки четвертой редакции. Заглавие «Сон», в конце на листе, перенесенном из предшествующих рукописей, дата: «28 Декабря. 09 года. Ясная Поляна». По этому тексту «Сон» был издан в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого» М. 1911, ч. XVI, стр. 487–496.

Пятая редакция («Сон»).

31. Дополнительная тетрадь № 33. Машинописный текст на 14 лл., из которых лл. 2, 3, 5, 7, 13 и 14 – обрезки, л. 6, содержащий вставку рукой В. Г. Черткова – в 4-ку, остальные – формата развернутого почтового листа. При вставке Черткова приложены 2 машинописные копии с нее. В текст внесены предложенные В. Г. Чертковым поправки, и на полях под цифрами в кружках приведены его же рукой мотивировки каждого из предлагаемых исправлений. Этот список был в руках Толстого, потому что листок вставка (л. 6) был исправлен Толстым. Таким образом этот список есть пятая редакция «Сна».

Рукописи сводного текста.

1. № 79. Машинописная копия, состоящая из четырех скрепленных отдельно частей, всего на 31 лл. папиросной бумаги формата развернутого почтового листа. Части эти следующие:

а) Бродячие люди, на 9 лл. с особой пагинацией (1–9). Перед заглавием почерком М. А. Шмидт чернилами заглавие: «Первый день в деревне», ниже карандашом цифра «I», а в верхнем углу карандашом рукой А. П. Сергеенко: «оригинал» и штамп В. Г. Черткова. В конце зачеркнутая машинописная дата «4-го Января 1910 г. Ясная Поляна». Внутри текста имеются следы просмотра и помет черным, синим и красным карандашами, а также больше полусотни мелких исправлений текста чернилами рукой М. А. Шмидт и три чернильных поправки рукой В. Г. Черткова.

б) Второй день в деревне. Живущие и умирающие, на 9 лл. с особой пагинацией (1–9). В конце машинописная дата: «15-го января 1910 г. Ясная Поляна». Внутри текста около десятка мелких поправок чернилами рукой В. М. Феокритовой. В начале штамп В. Г. Черткова.

в) Третий день в деревне. Подати, на 6 лл. с особой пагинацией (1–6). Перед подзаголовком «Подати» карандашом помечено «III», а сбоку рукой А. П. Сергеенко «Ориг.» и штамп В. Г. Черткова. В конце машинописная дата: «15–го января 1910 г. Ясная Поляна». Внутри текста пометы черным и красным карандашами, а также две чернильных поправки рукой А. Л. Толстой.

г) Сон на 7 лл. с пагинацией продолжающейся (25–31) машинописной сверху и карандашной рукописной повидимому архивной внизу (30–36). Перед заглавием «Сон» чернилами рукой А. П. Сергеенко: «Заключение», а сбоку штамп В. Г. Черткова. В конце машинописная дата «15 Января 1910 г. Ясная Поляна Л. Толстой» и карандашная помета, рукой А. К. Чертковой «(последние поправки 15 янв. 1910 г.)».

Таким образом по всем признакам надо предполагать, что это именно та рукопись, которая и была положена в основу издания в «Вестнике Европы». Однако, наличие в «г» продолжающейся пагинации заставляет предполагать существование еще

2–й неизвестной копии «Трех дней в деревне», сводной, продолжением которой и была копия № 79 г.

3. Наконец, если чернильные поправки в «Трех днях», т. е. в копиях № 79 а, б, в, принадлежат Толстому (а они все вошли в издание «Вестника Европы»), то должен существовать еще сводный список машинописного автографа «Трех дней в деревне» с этими поправками, сделанными рукой Толстого. Насколько они значительны, см. выше историю текста стр. 472.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

В состав тридцать восьмого тома входят последние произведения Толстого, написанные им в 1909–1910 гг. Том заканчивается статьей «Действительное средство», над которой Толстой работал уже после ухода из Ясной поляны – в Оптиной пустыни, за несколько дней до своей смерти (последняя дата – 29 октября 1910 г.).

В настоящий том входят как художественные, так и теоретические произведения Толстого. Художественные произведения были опубликованы после смерти Толстого (в России – в издании А. Л. Толстой, с цензурными купюрами, за границей – в издательстве «Свободное слово» (издатель И. Ладыжников) полностью) – за исключением очерков «Благодарная почва» и «Три дня в деревне», которые появились в печати еще при жизни Толстого. Проверка этих произведений по сохранившимся автографам привела к исправлению многочисленных ошибок, сделанных переписчиками и не замеченных Толстым (см., например, финал комедии «От ней все качества»). Рассказ «Ходынка» печатался до сих пор без последних заключительных строк, автограф которых только теперь был найден в другой рукописи. Среди вариантов,

относящихся к произведениям этого отдела, особого внимания заслуживают варианты комедии «От ней все качества», не только дающие картину сложной работы Толстого, но и дополняющие текст комедии очень существенными и интересными деталями.

Что касается статей и статей-писем, входящих во второй отдел тома, то некоторые из них появляются здесь впервые: «0 Вехах», «0 ругательных письмах», «По поводу статьи Струве», «Письмо в «Русь» с ругательными письмами», «0 безумии» и «0 социализме». Одни из этих статей не были посланы в печать потому, что Толстой считал их слишком резкими или ненужными, другие остались незаконченными. Остальные статьи печатались частью еще при жизни Толстого, частью – после его смерти (в заграничных изданиях и в 12-м издании сочинений Толстого, 1911 г.). В этих статьях содержатся отклики на все главные события общественной жизни 1909–1910 гг., но особое внимание уделено в них двум темам: вопросу о «неизбежном перевороте», который должен произойти в современном цивилизованном мире (а в связи с этим – вопросу о государстве), и вопросу об интеллигенции, науке, воспитании и пр. Здесь Толстой подводит итоги своим давнишним мыслям, теориям и взглядам. Характерно, что многие из этих статей являются ответами на полученные Толстым письма: отвечая авторам этих писем, Толстой выходил за пределы обыкновенного частного письма и превращал ответ в статью, предназначенную для печати. Таковы, например, статьи: «Письмо революционеру» (Вруцевичу), «Письмо студенту о праве» (Крутику), «0 воспитании» (В. Ф. Булгакову), «0 науке» (крестьянину Ф. А. Абрамову), «Ответ польской женщине» (имя адресата неизвестно), «0 безумии» (выросло из ответа на письмо Р. С. Лабковской). Остальные статьи были вызваны газетными сообщениями, журнальными статьями, книгами, приглашениями на съезды, посещениями корреспондентов и разными событиями этих лет. Отметим, наконец, что в последние годы жизни Толстой неоднократно получал анонимные ругательные письма, наполненные проклятиями и угрозами за его «революционное» и антицерковное учение. Он собирался ответить на них письмом в газеты, но, написав, признал такое выступление излишним.

Ряд подробностей и фактических данных, относящихся к истории писания Толстым входящих в этот том произведений, сообщили Н. Н. Гусев, Н. С. Родионов и К. С. Шохор-Троцкий.

Указатель собственных имен составлен М. М. Чистяковой.

А. И. Никифоров.

Б. М. Эйхенбаум.

В. С. Шохор-Троцкая.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно собрание сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации.

Фототипия с фотографического портрета Толстого 1909 г. (размер подлинника) между XI и 1 стр. стр.

Примечания

1

[Карфаген должен быть разрушен].

2

Зачеркнуто: приходят на ночле[гъ]

3

Зач., восстановлено и снова зач.: человекъ

4

Зач.: трудн[о]

5

Зач.: во[зможно?]

6

Зач.: не

7

Зач.: к|оторый] на очереди

8

Зач.: человека]

9

Зачеркнуто: пар[омь]

10

Зач.: не

11

Зач.: мило[сердія]

12

Зач.: народъ

13

Зач.: общес[тва]

14

Зач.: дос[таточныхъ]

15

Зач.: зажиточ[ные]

16

Написано: себѣ

17

В конце слова зач.: съ

18

Зачеркнуто: ско[рѣй]

19

Зач.: изъ рукава торчить руба[ха]

20

Зач.: тор[чить]

21

Зач.: но въ фу[ражкѣ]

22

Зач.: гря[зная]

23

Зач.: шт[ановъ]

24

Всегда одинъ отвѣтъ зач. и восстановлено.

25

Зач.: или

26

Зач.: дѣти

27

Зач.: нужда [ющихся]

28

Зач.: естественно

29

Зач.: пошо [ль]

30

Зач.: выхожу, какь обыкновенно, на утреннюю прогулку

31

Зач.: уходить

32

Зачеркнуто: взг [ляните?]

33

Зач.: н[ѣсколько]

34

Зач.: прихо[дять]

35

Зач.: про[рванномъ]

36

Зач.: шля[пѣ]

37

Зач.: Онъ говорить, что

38

Зач.: Контора лопну[ла]

39

Зач.: они

40

Зач.: хорошій

41

Зач.: лаптяхъ

42

Зач.: проситель?]

43

Зачеркнуто: разгово[рились]

44

Зач.: ока[залось]

45

Можно прочесть: нич[его], дальше зач.: мы не

46

Зач.: онъ

47

Зач.: а толь[ко], перед началом следующей реплики зач.: я сказ[аль]

48

Перед началом следующей реплики зач.: Ва[?]

49

Зач.: всегда

50

Я сижу... тихо вписано над зачеркнутым: Какъ и каждый день

51

Зачеркнуто: говорить мнѣ, что

52

Зач.: робко

53

Зачеркнуто: да свекровь

54

Зач.: Воротить нельзя

55

Зач.: пропало

56

Зач. какъ

57

Зач.: родня

58

Зач.: какъ пришла женщина, рѣшив[шая] съѣздить въ волость узнать объ ея дѣлѣ

59

Зач.: разска[зываеть]

60

Зач.: на холеньхъ

61

Зач.: по ея мн[ѣнію]

62

[Невозможно вообразить себе отчаяния Лидии. Бедный муж боится за нее.]

63

Зачеркнуто: сосѣд[кой]

64

Зач.: мы

65

Зач.: рассказывает

66

Зачеркнуто: я иду

67

Зач.: годовалый

68

Зач.,. шахтѣ

69

Зач.: мать,

70

Зач.: послѣ

71

В ркп. слово: проѣхала

72

Зач.: очевидно

73

Зач.: Всѣ осталь [ные]

74

Зач.: выраж [аясь?] Бѣд [а]

75

Зач.: Вотъ сердешные гдѣ

76

Зач.: ост [авляютъ]

77

Зач.: къ сол[даткѣ]

78

Зачеркнуто: Мнѣ указ[ываютъ?]

79

Зач.: бѣдны дома

80

Зач.: кривая

81

Зач.: полна

82

Зач.: же

83

Зач.: оков [ывается]

84

Зач.: и они продолжали жить вмѣстѣ.

85

Зач.: въ шахт [ахъ]

86

Зач.: пом [огая?]

87

Зач.: тру [дно]

88

Зач.: скаж [еть]

89

Зач.: не б[ольно]

90

Зач.: малаго

91

Зач.: Чут[ь]

92

Зач.: Да годовъ

93

Зач.: старуш[ка]

94

Зач.: гдѣ ему нужно посѣтить

95

Зач.: къ нему.

96

Зач.: бѣд[ная].

97

Переделано из: удивленнымъ ужасомъ

98

Зач.: свер[ху].

99

Зач.: Ну что? спрашиваю я

100

Зач.,: Докторъ дер[жить]

101

Зачеркнуто: справед[ливости]

102

Зачеркнуто: совсѣ[мь]

103

Зач.: старикъ

104

Зач.: телку

105

В ркп.: человекъ

106

Зач.: р[убля]

107

Зач.: законы

108

Зачеркнуто: куп[ите]

109

Можно прочесть: то же

110

Зач.: челоѡ[къ]

111

Зач.: челоѡкъ на дворѡ

112

Зач.: и мы разговар[иваемъ]

113

Зач.: подробно

114

Зач.: все одно недоимку собирають и особенно строго. Всѣ очистить

115

Зач.: Какъ же быть?

116

Зач: Онъ

117

Зач.: признаеть жалкой

118

Зачеркнуто: постройку

119

Зач.: постройку кр[?]

120

Зач.: пр[ишедших?]

121

Зач.: должны иска[ть]

122

Зач.: бумаг[и]

123

Зач.: хочеть просить, гдѣ можно

124

Зач.. Третій

125

Зач.: всту[паеъ]

126

Зач.: прос[ить]

127

Зачеркнуто: Старшина гово[рить],

128

Цыфра 1 написана по 6.

129

Зач.: очевидно.

130

Зач.: зак[онности].

131

Зач.: вина.

132

Зач.: організацією.

133

Зачеркнуто: кандидату

134

Начальные буквы исправлены из: Шер

135

Зач.: возра, отвѣтъ.

136

Зач.: боль[ше]

137

Зач.: Васильевичу].

138

Поправлено по Сабурову [?] и дальше зачеркнуто: товарищу и приятелю старшего сына Мар[ьи] В[асильевны] Кра[снопѣвцовой)

139

Зач.: доброму, милому челоуѣку

140

В рукописи ошибочно: заставшаго

141

Зач.: учиться и даже

142

Зач.: погр[узшіся]

143

Зач.: макаронами

144

Исправлено из: отвѣчалъ

145

Зач.: канд[идатъ]

146

Зачеркнуто; краснѣ [лъ]

147

Над зач.: макаронам і

148

Зач.: еще

149

Зач.: злоб[но] улыбаясь

150

Зач.: пользуемся]

151

Зач.: подаль

152

Зач.: говорить

153

Зачеркнуто: я

154

Переделано из: знаю что вы

155

Переделано из: разумью и дальше зач.: подъ словами

156

Зач.: Человѣ [къ]

157

Зач.: Почему же они даже

158

Зач.: всякій разъ

159

Зач: только

160

Зач.: когда внушена ненависть

161

Зачеркнуто: Мы

162

Зач.: развр[ащенной]

163

Зач.: des.

164

[не удовлетворяются громкими словами]

165

Зач.: нал[ога].

166

Зачеркнуто: Ввест[и].

167

Зач.: толь[ко].

168

князя исправлено из княгини

169

Адашева исправлено из Адашевой

170

Перед Я зач.: Найд[ите]

171

Зачеркнуто: вели[кій]

172

Зач.: Ходиль

173

[нашего бедного]

174

[Это слишком глубоко для нас]

175

[Мы договорились]

176

[Этого бедного дорогого]

177

[Этого бедного дорогого]

178

[Собственность есть воровство]

179

Зачеркнуто: и право мнѣ легче сдѣлать десятокъ операцій

180

Зач.: Вызвали къ родамъ

181

Зач.: родахъ

182

Зач.: всетаки самыхъ обыкновенныхъ

183

Зач.: кн[язя]

184

Зач.: красного, здоровенного и не путемъ горланющаго князя

185

Зач.: особливо замѣчательно

186

Зач.: старич[екъ]

187

Зачеркнуто: такое неприятное

188

[Этого бедного милого Мики]

189

Зач.: уча[щей?]

190

Зач.: передать

191

Зач.: сама

192

Зач.: не похоже да

193

Зач.: валикомъ

194

Зач.: морщинами

195

Зач.: спотычки

196

Зач.: дѣт[ьми]

197

Зач.: и прекрасный добрый и умный

198

Зач.: домашній

199

Зачеркнуто: горячий спорщик

200

Зач.: недовольныхъ

201

Зач.: подруга

202

Зач.: молчаливость, такая, что

203

Зач.: др[угомь]

204

Зач.: пришли ночью и вырубили топорами фруктовый

205

Зач.: огр[омныхь]

206

Зач.: въ грунтовыхь сараяхь и со

207

В ркп.: деревьяхь

208

Зач.: на эту глупую мечь: Въ чемь виноваты эти

209

Зач.: говорила она

210

Зач.: только

211

Зач.: Il ne m'attens

212

[Мы не можем ожидать ничего другого в настоящее время,]

213

Над зач.: Ихъ нашли и судяць

214

Зач.: Я ничего не говорю, сказала Лина

215

Зачеркнуто: не разбираю ихъ

216

Зач.: этихъ нашли и досадили въ тюрьму

217

Зач.: приходили къ этой <дѣв[ушкѣ]> княжнѣ брюнеткѣ и она ихъ жалѣеть, и хлопочеть за нихъ. Въ разговоръ вступилъ и великолѣпный камергеръ. Не знаю

218

Зач.: некое

219

[ни стыда, ни совести]

220

Зач.: томъ, что когда

221

Над зач.: народѣ

222

Зачеркнуто: вѣрный

223

Зач.: врачъ соц[іаль] р[еволюціонеръ]

224

Зач.: возражалъ

225

Зач.: или скорѣе

226

Зач.: теперь

227

Зач.: случайности

228

Зач.: свободѣ

229

Зачеркнуто: почти

230

Зач.: вкривь рѣшительно

231

Зач.: сов[ершенно]

232

В ркп. театра

233

Зач.: говори[ла]

234

Зач.: настаивалъ на томъ

235

Зач.: всѣ при

236

Зач.: Нѣтъ-съ, милостивый государь, заключилъ онъ

237

Зач.: только

238

Дальнейший текст представляет машинную копию с предшествующих редакций, правленную Толстым. Воспроизводится лишь верхний слой правок, относящихся ко второму очерку.

239

[это слишком глубоко для нас,]

240

[Ну, вот мы и договорились]

241

[Собственность есть воровство]

242

В рукописи: совершать

243

В ркп. описка: и

244

[Я его терплю в память моего бедного дорогого Мики.]

245

[Этого бедного дорогого Мики]

246

[В настоящее время только этого и можно ожидать,]

247

[Ни стыда ни совести.]

248

[дело чести,]

249

[à la королева прусская]

250

[Что вы хотите, княгиня, от этого несчастного народа.]

251

[Я вас спрашиваю?]

252

[В настоящее время только этого и можно ожидать,]

253

Зачеркнуто: мнѣ

254

Зач.: другимъ

255

В ркп. ошибочно: крестьянскій народъ

256

Слова въ послѣднее время... безнравственности в ркп. карандашом и

чернилами переставлялись и правились, приведен их последний вид.

257

Зач.: такъ я

258

Зач.: отвѣтъ на это утверждение

259

Зач.: на

260

Зач.: возражаете Возражаетъ онъ на утвержд[еніе]

261

Зачеркнуто: на которое онъ возражаетъ

262

Зач.: съ вѣковыми деревьями, какъ

263

Зач.: Г [осподи]нь

264

Зач.: Нѣтъ призна[ковъ]

265

Зач.: хоз[яйка]

266

Зач.: Нравственно поступаетъ тотъ человекъ, который служить другимъ

267

Зач.: о

268

Исправлено из воровствѣ

269

Зач.: Ну а если

270

Зач.: встарину

271

Зач.: что если

272

Зач.: даже

273

Зач.: чѣмъ вы

274

Зачеркнуто: слышу

275

Над зач.: и аэропланами міра

276

Зач.: отъ этого

277

Зач.: Земельн[ая]

278

Зач.: точно

279

Зач.: прямое

280

Зач.: зем[лѣ]

281

Зач.: Вы

282

Зач.: чт[o]

283

Зач.: говорить какъ же все таки

284

Зачеркнуто: все таки

285

Зач.: боя[сь]

286

Дальнейший текст восстановлен по отрывкам копий, перешедших в последующие переработки Толстого.

287

Письмо это, напечатанное в «Новом сборнике писем Д. Н. Толстого», собранных П. А. Сергеенко. М. 1912, было зачеркнуто цензурой. Цитируемое место см. в книге: «Л. Толстой. Сон», изд. Толстовского общества в Москве № 8, изд. «Задруга», М. 1917, стр. 3.

288

Самая мысль ввести в статью «Записки лакея» по видимому подсказана Толстому таким же заглавием автобиографии знакомого ему тульского крестьянина А. П. Новикова, приславшего эту автобиографию Толстому в рукописи. Эта рукопись хранится в архиве В. Г. Черткова и пока не опубликована.

289

Запись 23 ноября касается темы, затрагиваемой в нашем произведении. Например: «4) Мы называем безнравственными потерянными людьми воров. А между тем воровство бедных, нищих у богатых нисколько в нравственном отношении не хуже, часто и менее дурно, чем многие и многие поступки, которые считаются даже похвальными, как торговля вообще, в особенности вредными предметами – вином и т. п., как служба особенно судебной–административная, военная, духовная, деятельность в каких бы то ни было высоких степенях и мн. др. Вору почти всегда не понимают и не признают преступности своей деятельности, также, как не признают этого архиереи, губернаторы, министры, судьи, сенаторы. Побуждает же воров к их деятельности, кроме выгоды и больше чем выгода, охота. Именно охота, желание испытать радость ловко обделанного дела, как у охотника ловко застреленного, затравленного зверя. Как бы хорошо было, кабы люди понимали это» (т. 57).

290

Что Толстой очень ценил этот лирический монолог, видно из того, что он сохранился во всех последующих переделках, хотя остальная часть текста менялась и перерабатывалась до неузнаваемости.

291

В дневнике под 15, 16 и 17 сентября записано несколько размышлений о снах и сновидениях, а в записи 15 сентября есть такое место: «Все мы замечали те странные сны, которые кончаются пробуждением от какого-нибудь внешнего воздействия на сонного: или стук, шум, или прикосновение, или падение» (см. т. 57)

292

[Карфаген должен быть разрушен]

293

2 сентября 1910 г. в «Речи» появилось письмо редактора «Вестника Европы» К. К. Арсеньева следующего содержания: «В статье Л. Н. Толстого, помещенной в № 9 «Вестника Европы», говорится, между прочим, о множестве нищих и безработных, ежедневно проходящих мимо Ясной поляны. У некоторых друзей Л. Н. Толстого явилась мысль о желательности устройства в деревне Ясной поляне даровой столовой и ночлежного дома для проходящих, что послужило бы большим облегчением как для местных крестьян, так и для самого Льва Николаевича. От имени журнала, имевшего счастье напечатать на своих страницах статью великого писателя, послано на этот предмет 1.000 рублей Александре Львовне Толстой (Тула, отделение Соединенного банка). По тому же адресу могут быть препровождены и другие пожертвования. Принимать их уполномочена также главная контора «Вестника Европы» (Моховая, 37).

«Покорнейше прошу редакцию газеты «Речь» довести об этом до сведения ее читателей. 31 августа 1910 г. К. Арсеньев.

«От редакции. «Контора «Речи» принимает пожертвования для указанной в письме К. К. Арсеньева цели».

В виду появившихся затем в газетах нескольких недоброжелательных статей, обращенных по адресу К. К. Арсеньева, по поводу устройства столовой и ночлежного дома в Ясной поляне, В. Г. Чертковым было помещено в газетах следующее объяснительное письмо в редакцию: «М. Г. По поводу напечатанного недавно в газетах письма К. К. Арсеньева о том, что открыта подписка для устройства даровой столовой и ночлежного дома в Ясной поляне, появились в некоторых газетах упреки по адресу К. К. Арсеньева с указаниями на то, что такого рода учреждение, вместо того, чтобы содействовать спокойствию Л. Н. Толстого, только вызовет усиленное скопление в Ясной поляне бродячего люда – «подонков городской жизни», которые своими «драками», «пьянством» и «хулиганством» причинят Л. Н-чу еще больше беспокойства. Не говоря о том, как странно звучат слова, выражающие попечения о покое Л. Н-ча, со стороны лиц, столь презрительно-враждебно и несправедливо относящихся к тем самым несчастным нищим и безработным, за которых он так горячо заступается, – необходимо заметить, что имеющуюся в виду помощь этим людям в Ясной поляне предполагается оказывать в такой форме, чтобы она, доставляя некоторое облегчение действительным прохожим, никак не могла по своим размерам служить приманкою, ради которой люди стали бы нарочно скопляться в Ясной поляне из дальних мест. Нужно также оговориться, что К. К. Арсеньев отнюдь не является в данном случае ни инициатором, ни ответственным лицом. Он только любезно согласился предать гласности предприятие, одобренное самим Л. Н-чем и задуманное некоторыми из наиболее близких Л. Н-чу друзей его, живущих на месте, а потому знакомых с местными условиями и имеющих возможность лично следить за тем, чтобы дело велось целесообразно. К. К. Арсеньев, следовательно, заслуживает только признательности, вместе с издателями «Вестника Европы», открывшими подписку своим щедрым взносом и предоставившими главной конторе своего журнала (СПБ. Моховая, 37) принимать дальнейшие пожертвования для этого благого дела, имеющего целью облегчить положение как Л. Н-ча, так и местных крестьян, и оказать некоторую помощь тем бездомным скитальцам, которые проходят мимо Ясной поляны. Надеюсь, что газеты, поместившие у себя возражения против этого предприятия, не откажутся перепечатать и это мое объяснение. В. Чертков. Ясенки, Тульской губ. 9 сент. 1910 г.»

295

[Ловлю вас на слове]

296

[подтвердить получение]